

ISSN 2310-8673

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Социодинамика

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 02-01-2026

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Попов Евгений Александрович, доктор философских наук,
porov.eug@yandex.ru

ISSN: 2409-7144

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 02-01-2026

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Popov Evgenii Aleksandrovich, doktor filosofskikh nauk, popov.eug@yandex.ru

ISSN: 2409-7144

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редсовет

Спирова Эльвира Маратовна — доктор философских наук, и.о. заведующей сектором истории антропологических учений Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала "Философская мысль". Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Аршинов Владимир Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философии науки и техники Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Гиренок Фёдор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Котлярова Виктория Валентиновна – доктор философских наук, профессор, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (Шахтинский филиал) Донского государственного технического университета, 346500, Ростовская обл., г. Шахты, ул. Шевченко, 147, biktoria66@mail.ru

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, заместитель директора по научной работе Государственного института искусствознания Министерства культуры Российской Федерации. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество». Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Епифанцев Сергей Николаевич- доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, член президиума РАЕН. 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42.

Локосов Вячеслав Вениаминович – доктор социологических наук, профессор, директор Института социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук. 117218, Россия, г. Москва, Нахимовский проспект, 32;

Каменева Татьяна Николаевна – доктор социологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», профессор кафедры социологии и политологии, 305000, г. Курск, ул. Радищева, 33, kalibri0304@yandex.ru

Кодин Михаил Иванович — доктор социологических наук, профессор, проректор по международному сотрудничеству Российского государственного социального университета. 129226. Россия, г. Москва, Вильгельма Пика ул., 4, корпус 1.

Шилкина Наталья Егоровна – доктор социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии молодежи и молодежной политики, Санкт-Петербургский государственный

университет, 191060, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, natali.shilkina@rambler.ru

Быков Илья Анатольевич – доктор политических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра связей с общественностью в политике и государственном управлении, 199004, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. 1-я Линия, 26, оф. 509

Судоргин Олег Анатольевич – доктор политических наук, профессор, МАДИ, первый проректор, профессор по кафедре МАДИ «История и культурология», 125319. Москва, Ленинградский пр., дом 64, оф. 250. sudorgin@madi.ru

Попова Ольга Валентиновна - доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета. Университетская набережная, 7-9. г. Санкт-Петербург, Россия, 199034. E-mail: politinstitute2010@mail.ru

Деметрадзе Марине Резоевна - доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт культурологии министерства культур, профессор, РГУ РФ, 125993, ГСП-3, Россия, г. Москва, Миусская площадь, 6.

Сафонов Андрей Леонидович – доктор философских наук, доцент, директор института «Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет»». 141070 Московская область, г. Королев, ул. Гагарина, д. 42 zumsiu@yandex.ru

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, профессор кафедры истории и философии, 190000, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 67, orlov5508@rambler.ru

Попов Евгений Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет». 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61. Popov.eug@yandex.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Артеменко Андрей Павлович – доктор философских наук, профессор, Харьковская государственная академия культуры, профессор кафедры менеджмента культуры и социальных технологий, 61057, г. Харьков, ул. Бурсатский спуск, 4, prof.artemenko@mail.ru

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, главный научный сотрудник центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции Министерства юстиции РФ (РПА Минюста России), 117638, г. Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1, KrasVladIv@gmail.com

Котлярова Виктория Валентиновна – доктор философских наук, профессор, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (Шахтинский филиал) Донского государственного технического университета, профессор, 346500, Ростовская обл., г. Шахты, ул. Шевченко, 147, biktoria66@mail.ru

Овруцкий Александр Владимирович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой речевой коммуникации и издательского дела Института филологии, журналистики

и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 150, оф. 14, alexow@mail.ru

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Гончаров Виталий Викторович – доктор философских наук, исполнительный директор Юридической консалтинговой корпорации «Ассоциация независимых правозащитников», 350002, г. Краснодар, ул. Промышленная, 50, niipgergo2009@mail.ru

Чвякин Владимир Алексеевич – доктор философских наук, профессор кафедры экологической безопасности технических систем, Московский политехнический университет, 195805@mail.ru

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук; Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, профессор. 7. 346428 г. Новочеркасск Ростовской обл., ул. Просвещения 132. vodenkok@mail.ru

Крайнов Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор, кафедра «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2. krainovgn@mail.ru

Рощевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Чирун Сергей Николаевич – доктор политических наук, доцент, Кемеровский государственный университет, институт истории и международных отношений, профессор, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, Sergii-Tsch@mail.ru

Прилуцкий Александр Михайлович – доктор философских наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 191186, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д.48, alpril@mail.ru

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410054 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Мерзликин Николай Васильевич — кандидат философских наук, заведующий сектором социологического анализа политических процессов Института социально-политических исследований Российской академии наук. 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6,

корпус 1.

Зайцев Александр Владимирович - доктор политических наук, кандидат философских наук, доцент, Костромской государственной университет, кафедра философии, культурологии и социальных коммуникаций Россия, Кострома, улица Дзержинского, 17/11, остромская область, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17. aleksandr-kostroma@mail.ru

Семенов Владимир Анатольевич - кандидат философских наук, доктор социологических наук, профессор факультета государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления - филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: semenovrad@mail.ru

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Аринин Евгений Игоревич - доктор философских наук, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, заведующий кафедрой, 600005, Россия, Владимирская область область, г. Владимир, ул. Студенческая, 12, кв. 16, earinin@mail.ru

Забнева Эльвира Ивановна - доктор философских наук, Филиал КузГТУ в г.Новокузнецке, директор, 654000, Россия, Кемеровская область область, г. Новокузнецк, ул. ул. Орджоникидзе, 7, zabnevailvira@mail.ru

Каменева Татьяна Николаевна - доктор социологических наук, ФГБОУ ВО Государственный университет управления, Профессор кафедры социологии, психологии управления и истории, ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ, Профессор Департамента социологии, 109542, Россия, г. Москва, ул. Рязанский проспект, 99, kalibri0304@yandex.ru

Кусаинов Дауренбек Умербекович - доктор философских наук, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, профессор, 050020, Казахстан, республика Алматы, г. город, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, daur958@mail.ru

Лисенкова Анастасия Алексеевна - доктор культурологии, ФГБОУ ВО "Пермский государственный институт культуры", проректор по науке и цифровой трансформации, 614000, Россия, Пермский край край, г. Пермь, ул. 25-Октября, 4, кв. 43, Oskar46@mail.ru

Лукичев Павел Николаевич - доктор социологических наук, Южный федеральный университет, профессор, 345421, Россия, Ростовская область, г. Новочеркасск, пр-кт Баклановский, 138, кв. 138, lukichev@inbox.ru

Мёдова Анастасия Анатольевна - доктор философских наук, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва, Профессор, ФГБОУ ВО Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,

Профессор, 660020, Россия, Красноярский край область, г. Красноярск, ул. Абытаевская, 4А, кв. 1, krasfilmanager@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Рожкова Лилия Валерьевна - доктор социологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Пензенский государственный университет", Заведующий кафедрой "Экономическая теория и международные отношения", 440000, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40, оф. 9 корпус, ауд. 9-231, mamaeva_lv@mail.ru

Скобелина Наталья Анатольевна - доктор социологических наук, Волгоградский государственный университет, профессор, 400121, Россия, Волгоградский регион область, г. Волгоград, наб. Волжской Флотилии, 1, кв. 180, volnatmax@mail.ru

Сутужко Валерий Валериевич - доктор философских наук, Поволжский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры социальных коммуникаций, 410035, Россия, г. Саратов, ул. Бардина, 4, кв. 183, vavasut@yandex.ru

Филипова Александра Геннадьевна - доктор социологических наук, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Head of Overall Study of Childhood Laboratory, Российский Государственный Педагогический Университет имени А.И. Герцена, старший научный сотрудник, Дальневосточный федеральный университет, профессор, 199397, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. ул. Кораблестроителей, 39, кв. 637, alexgen77@list.ru

Аринин Евгений Игоревич - доктор философских наук, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовы, заведующий кафедрой, 600005, Россия, Владимирская область область, г. Владимир, ул. Студенческая, 12, кв. 16, earinin@mail.ru

Баксанский Олег Евгеньевич - доктор философских наук, Физический институт имени П. Н. Лебедева РАН, внс, профессор, 107014, Россия, г. Москва, ул. 2 Сокольническая, 1, кв. 28, obucks@mail.ru

Беляев Игорь Александрович - доктор философских наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», профессор, 460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Терешковой, 10/6, кв. 116, igorbelyaev@list.ru

Бесков Андрей Анатольевич - Doctor of Philosophy (Ph. D), ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», Заведующий лабораторией «Трансформация духовной культуры в современном мире», 603162, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ванеева, 116, beskov_aa@mail.ru

Бесчасная Альбина Ахметовна - доктор социологических наук, Северо-Западный институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Профессор, Санкт-Петербург, Средний

проспект В.О., д. 57/43 aabes@inbox.ru

Блейх Надежда Оскаровна - доктор исторических наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова, профессор кафедры психологии психолого-педагогического факультета, 362043, Россия, республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Владикавказская, 16, кв. 32, nadezhda-blejkh@mail.ru

Забнева Эльвира Ивановна - доктор философских наук, Филиал КузГТУ в г.Новокузнецке, директор, 654000, Россия, Кемеровская область, г. Новокузнецк, ул. ул. Орджоникидзе, 7, zabnevailvira@mail.ru

Зотов Виталий Владимирович - доктор социологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)», профессор департамента философии Учебно-научного центра гуманитарных и социальных наук, 305004, Россия, Курская область, г. Курск, ул. Льва Толстого, 14 Г, кв. 16, om_zotova@mail.ru

Каменева Татьяна Николаевна - доктор социологических наук, ФГБОУ ВО Государственный университет управления, Профессор кафедры социологии, психологии управления и истории, ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ, Профессор Департамента социологии, 109542, Россия, г. Москва, ул. Рязанский проспект, 99, kalibri0304@yandex.ru

Кусаинов Дауренбек Умербекович - доктор философских наук, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, профессор, 050020, Казахстан, республика Алматы, г. город, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, daur958@mail.ru

Лисенкова Анастасия Алексеевна - доктор культурологии, ФГБОУ ВО "Пермский государственный институт культуры", проректор по науке и цифровой трансформации, 614000, Россия, Пермский край край, г. Пермь, ул. 25-Октября, 4, кв. 43, Oskar46@mail.ru

Лукичев Павел Николаевич - доктор социологических наук, Южный федеральный университет, профессор, 345421, Россия, Ростовская область, г. Новочеркасск, пр-кт Баклановский, 138, кв. 138, lukichev@inbox.ru

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Рожкова Лилия Валерьевна - доктор социологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Пензенский государственный университет" , Заведующий кафедрой "Экономическая теория и международные отношения", 440000, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40, оф. 9 корпус, ауд. 9-231, mamaeva_lv@mail.ru

Скобелина Наталья Анатольевна - доктор социологических наук, Волгоградский государственный университет, профессор, 400121, Россия, Волгоградский регион область, г. Волгоград, наб. Волжской Флотилии, 1, кв. 180, volnatmax@mail.ru

Сутужко Валерий Валериевич - доктор философских наук, Поволжский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры социальных коммуникаций, 410035, Россия, г. Саратов, ул. Бардина, 4, кв. 183, vavasut@yandex.ru

Филипова Александра Геннадьевна - доктор социологических наук, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Head of Overall Study of Childhood Laboratory, Российский Государственный Педагогический Университет имени А.И. Герцена, старший научный сотрудник, Дальневосточный федеральный университет, профессор, 199397, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. ул Кораблестроителей, 39, кв. 637, alexgen77@list.ru

Editorial collegium

Elvira Maratovna Spirova — Doctor of Philosophy, Acting Head of the Department of the History of Anthropological Teachings of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-chief of the journal "Philosophical Thought". Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Arshinov Vladimir Ivanovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Science and Technology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Kotlyarova Victoria Valentinovna – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Service and Entrepreneurship (Shakhty branch) Don State Technical University, 346500, Rostov region, Shakhty, ul. Shevchenko, 147, biktoria66@mail.ru

Khrenov Nikolay Andreevich — Doctor of Philosophy, Deputy Director for Scientific Work of the State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journal "Personality. Culture. Society". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Epifantsev Sergey Nikolaevich - Doctor of Sociology, Professor, Southern Federal University, Member of the Presidium of the Russian Academy of Sciences. 344006, Russia, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya str., 105/42.

Vyacheslav V. Lokosov – Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Russian Academy of Sciences. 32 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117218, Russia;

Tatyana Nikolaevna Kameneva – Doctor of Sociology, Associate Professor, Kursk State University, Professor of the Department of Sociology and Political Science, 33 Radishcheva str., Kursk, 305000, kalibri0304@yandex.ru

Mikhail Ivanovich Kodin — Doctor of Sociology, Professor, Vice-Rector for International Cooperation of the Russian State Social University. 129226. Russia, Moscow, Wilhelma Peak str., 4, building 1.

Shilkina Natalia Egorovna – Doctor of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology of Youth and Youth Policy, St. Petersburg State University, 191060, St. Petersburg, Smolny str., 1/3, natali.shilkina@rambler.ru

Ilya A. Bykov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State

University, Department of Public Relations in Politics and Public Administration, 199004, Russia, St. Petersburg, 1st Line str., 26, office 509

Oleg A. Sudorgin – Doctor of Political Sciences, Professor, MADI, First Vice-rector, Professor at the Department of MADI "History and Cultural Studies", 125319. 64 Leningradsky Ave., office 250, Moscow. sudorgin@madi.ru

Popova Olga Valentinovna - Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Political Institutions and Applied Political Studies of St. Petersburg State University. Universitetskaya embankment, 7-9. St. Petersburg, Russia, 199034. E-mail: politinstitute2010@mail.ru

Demetradze Marina Rezoevna - Doctor of Political Sciences, Leading Researcher, Institute of Cultural Studies of the Ministry of Cultures, Professor, Russian State University of the Russian Federation, 125993, GSP-3, Russia, Moscow, Miuskaya Square, 6.

Safonov Andrey Leonidovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute "State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "Technological University". 141070 Moscow region, Korolev, Gagarina str., 42 zumsiu@yandex.ru

Orlov Sergey Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Professor of the Department of History and Philosophy, 190000, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya str., 67, orlov5508@rambler.ru

Popov Evgeny Alexandrovich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of General Sociology of the Altai State University. 656049, Barnaul, Lenin Ave., 61. Popov.eug@yandex.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Artemenko Andrey Pavlovich – Doctor of Philosophy, Professor, Kharkiv State Academy of Culture, Professor of the Department of Management of Culture and Social Technologies, 61057, Kharkiv, ul. Bursatsky descent, 4, prof.artemenko@mail.ru

Krasikov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice of the Ministry of Justice of the Russian Federation (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 117638, Moscow, Azovskaya str., 2, building 1, KrasVladIv@gmail.com

Kotlyarova Victoria Valentinovna – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Service and Entrepreneurship (Shakhty branch) Don State Technical University, Professor, 346500, Rostov region, Shakhty, ul. Shevchenko, 147, biktoria66@mail.ru

Ovrutsky Alexander Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Speech Communication and Publishing of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University, Pushkinskaya 150, office 14, Rostov-on-Don, 344006, alexow@mail.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Goncharov Vitaly Viktorovich – Doctor of Philosophy, Executive Director of the Legal Consulting Corporation "Association of Independent Human Rights Defenders", 350002, Krasnodar, Promyshlennaya str., 50, niipgergo2009@mail.ru

Chvyakin Vladimir Alekseevich – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Environmental Safety of Technical Systems, Moscow Polytechnic University, 195805@mail.ru

Vodenko Konstantin Viktorovich – Doctor of Philosophy; M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Professor. 7. 346428 Novocherkassk, Rostov region, 132 Prosveshcheniya str. vodenkok@mail.ru

Krainov Grigory Nikandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of "Political Science, History and Social Technologies", Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2. krainovgn@mail.ru

Larisa **P.** Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24, lp38rosh@gmail.com

Chirun Sergey Nikolaevich – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Kemerovo State University, Institute of History and International Relations, Professor, 650000, Kemerovo, Krasnaya str., 6, Sergii-Tsch@mail.ru

Prilutsky Alexander Mikhailovich – Doctor of Philosophy, Professor, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, 191186, St. Petersburg, Moika River Embankment, 48, alpril@mail.ru

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, 410054 Saratov, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendelevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Merzlikin Nikolay Vasilyevich — Candidate of Philosophical Sciences, Head of the Sector of Sociological Analysis of Political Processes at the Institute of Socio-Political Studies of the Russian Academy of Sciences. 6, Fotieva str., building 1, Moscow, 119333, Russia.

Zaitsev Alexander Vladimirovich - Doctor of Political Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Kostroma State University, Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications Russia, Kostroma, Dzerzhinsky Street, 17/11, Ostrom region, Kostroma, Dzerzhinsky Street, 17. aleksandr-kostroma@mail.ru

Semenov Vladimir Anatolyevich - Candidate of Philosophical Sciences, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Faculty of State and Municipal Administration of the North-Western Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: semenovrad@mail.ru

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of

Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpo@mail.ru

Arinin Evgeny Igorevich - Doctor of Philosophy, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletova, Head of the Department, 600005, Russia, Vladimir region, Vladimir, Studentskaya str., 12, sq. 16, eiarinin@mail.ru

Zabneva Elvira Ivanovna - Doctor of Philosophy, KuzSTU Branch in Novokuznetsk, Director, 654000, Russia, Kemerovo region, Novokuznetsk, Ordzhonikidze str., 7, zabnevailvira@mail.ru

Tatyana Nikolaevna Kameneva - Doctor of Sociology, State University of Management, Professor of the Department of Sociology, Psychology of Management and History, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Sociology, 99 Ryazansky Prospekt, Moscow, 109542, Russia, kalibri0304@yandex.ru

Kusainov Daurenbek Umerbekovich - Doctor of Philosophy, Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Professor, 050020, Kazakhstan, Republic of Almaty, city, ul.Taimanov str., 222, sq. 16, daur958@mail.ru

Lisenkova Anastasia Alekseevna - Doctor of Cultural Studies, Perm State Institute of Culture, Vice-Rector for Science and Digital Transformation, 614000, Russia, Perm Krai, Perm, ul. 25-October, 4, sq. 43, Oskar46@mail.ru

Lukichev Pavel Nikolaevich - Doctor of Sociology, Southern Federal University, Professor, 345421, Russia, Rostov region, Novocherkassk, Baklanovsky Ave., 138, sq. 138, lukichev@inbox.ru

Medova Anastasia Anatolyevna - Doctor of Philosophy, Siberian State University of Science and Technology. Academician M.F. Reshetnev, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Professor, 660020, Russia, Krasnoyarsk Krai region, Krasnoyarsk, Abytaevskaya str., 4A, sq. 1, krasfilmanager@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region region, Rostov-on-Don, ul. 15 line, 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Rozhkova Lilia Valeryevna - Doctor of Sociology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Penza State University", Head of the Department "Economic Theory and International Relations", 440000, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya str., 40, office 9 building, room 9-231, mamaeva_lv@mail.ru

Natalia A. Skobelina - Doctor of Sociology, Volgograd State University, Professor, 400121, Russia, Volgograd region, Volgograd, nab. Volga Flotilla, 1, sq. 180, volnatmax@mail.ru

Sutuzhko Valery Valerievich - Doctor of Philosophy, Volga Region Institute of Management

(branch) Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Communications, 410035, Russia, Saratov, Bardina str., 4, sq. 183, vavasut@yandex.ru

Filipova Alexandra Gennadijevna - Doctor of Sociology, Vladivostok State University of Economics and Service, Head of Overall Study of Childhood Laboratory, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Senior Researcher, Far Eastern Federal University, Professor, 199397, Russia, St. Petersburg, ul. Korablestroiteley, 39, sq. 637, alexgen77@list.ru

Arinin Evgeny Igorevich - Doctor of Philosophy, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletova, Head of the Department, 600005, Russia, Vladimir region, Vladimir, Studentskaya str., 12, sq. 16, earinin@mail.ru

Baksansky Oleg Evgenievich - Doctor of Philosophy, Lebedev Physical Institute of the Russian Academy of Sciences, VNS, Professor, 107014, Russia, Moscow, 2 Sokolnicheskaya str., 1, sq. 28, obucks@mail.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Professor, 460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, Tereshkova str., 10/6, sq. 116, igorbelyaev@list.ru

Beskov Andrey Anatolyevich - Doctor of Philosophy (Ph. D), Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Head of the Laboratory "Transformation of Spiritual Culture in the Modern World", 116 Vaneeva str., Nizhny Novgorod, 603162, Russia, Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod, beskov_aa@mail.ru

Beschasnaya Albina Akhmetovna - Doctor of Sociology, North-Western Institute of Management - Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor, St. Petersburg, Sredny prospekt V.O., 57/43 aabes@inbox.ru

Nadezhda Oskarovna Bleikh - Doctor of Historical Sciences, K.L.Khetagurov North Ossetian State University, Professor of the Psychology Department of the Faculty of Psychology and Pedagogy, Vladikavkaz, ul. Vladikavkazskaya, 16, sq. 32, 362043, Russia, Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz nadezhda-blejikh@mail.ru

Zabneva Elvira Ivanovna - Doctor of Philosophy, KuzSTU Branch in Novokuznetsk, Director, 654000, Russia, Kemerovo region, Novokuznetsk, Ordzhonikidze str., 7, zabnevailvira@mail.ru

Zotov Vitaly Vladimirovich - Doctor of Sociology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University)", Professor of the Department of Philosophy of the Educational and Scientific Center for Humanities and Social Sciences, 305004, Russia, Kursk region, Kursk, Lva Tolstogo str., 14 G, sq. 16, om_zotova@mail.ru

Tatyana Nikolaevna Kameneva - Doctor of Sociology, State University of Management, Professor of the Department of Sociology, Psychology of Management and History, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Sociology, 99 Ryazansky Prospekt, Moscow, 109542, Russia, kalibri0304@yandex.ru

Kusainov Daurenbek Umerbekovich - Doctor of Philosophy, Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Professor, 050020, Kazakhstan, Republic of Almaty, city,

ul. Taimanov str., 222, sq. 16, daur958@mail.ru

Lisenkova Anastasia Alekseevna - Doctor of Cultural Studies, Perm State Institute of Culture, Vice-Rector for Science and Digital Transformation, 614000, Russia, Perm Krai, Perm, ul. 25-October, 4, sq. 43, Oskar46@mail.ru

Lukichev Pavel Nikolaevich - Doctor of Sociology, Southern Federal University, Professor, 345421, Russia, Rostov region, Novocherkassk, Baklanovsky Ave., 138, sq. 138, lukichev@inbox.ru

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region region, Rostov-on-Don, ul. 15 line, 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Rozhkova Lilia Valeryevna - Doctor of Sociology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Penza State University", Head of the Department "Economic Theory and International Relations", 440000, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya str., 40, office 9 building, room 9-231, mamaeva_lv@mail.ru

Natalia A. Skobelina - Doctor of Sociology, Volgograd State University, Professor, 400121, Russia, Volgograd region region, Volgograd, nab. Volga Flotilla, 1, sq. 180, volnatmax@mail.ru

Sutuzhko Valery Valerievich - Doctor of Philosophy, Volga Region Institute of Management (branch) Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Communications, 410035, Russia, Saratov, Bardina str., 4, sq. 183, vavasut@yandex.ru

Filipova Alexandra Gennadijevna - Doctor of Sociology, Vladivostok State University of Economics and Service, Head of Overall Study of Childhood Laboratory, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Senior Researcher, Far Eastern Federal University, Professor, 199397, Russia, St. Petersburg, ul. Korablestroiteley, 39, sq. 637, alexgen77@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

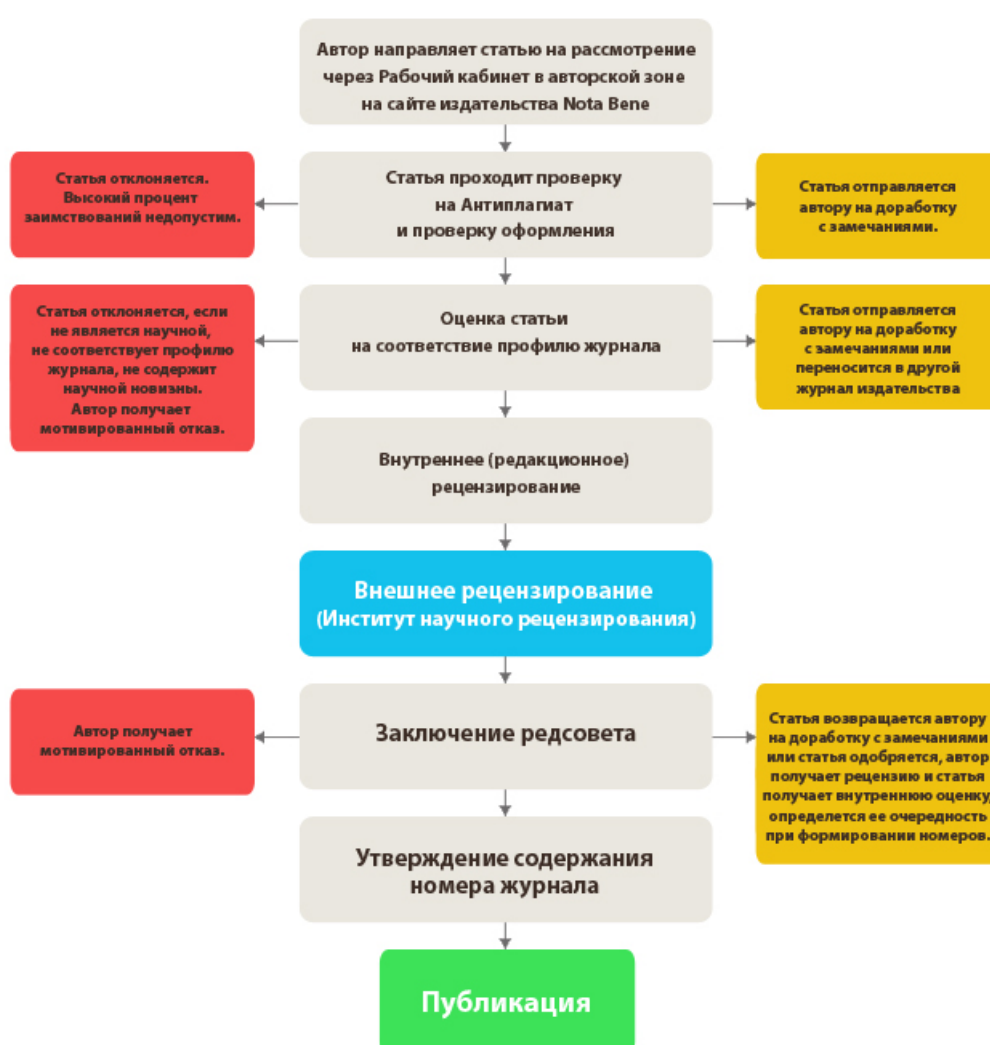
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Книс Д.А., Замятина О.Н., Антонович И.В., Пустовалова Е.В., Чуканова Т.В., Замятин И.Д., Макамов Д.Х., Гомонова О.А., Васильева Е.П., Огородников М. Социальный контракт как практика мер поддержки населения (по материалам социологического исследования в Алтайском крае)	1
Винокурова У.А., Филиппова Д.Н. Перспективы трудоустройства в Арктической зоне РФ: ожидания студенческой молодежи университетов Арктики	26
Дадзи И. Гендерные цифровые траектории в меняющихся обществах: социальная динамика освоения технологий женщинами в Гане и России	44
Попов Е.А., Замятина О.Н., Чуканова Т.В., Антонович И.В., Замятин И.Д., Ахмедова А.Р., Огородников М., Гомонова О.А., Олейникова Е.П., Макамов Д.Х., Кодя Е.А. Социальная адаптация лиц пенсионного возраста к реалиям современного цифрового общества (по материалам социологического исследования в городе Барнауле)	56
Карпов Г.А. Демографическая трансформация Соединённого Королевства в начале XXI вв.	78
Ковальжина Л.С., Орлова А.А. Технологии искусственного интеллекта в сфере управления персоналом: социальный опыт внедрения и использования	95
Широкова М.А., Ткачук Л.Н. Особенности политической культуры России: история, современное состояние и перспективы	107
Англоязычные метаданные	122

Contents

Knis D.A., Zamyatina O.N., Antonovich I.V., Pustovalova E.V., Chukanova T.V., Zamyatin I.D., Makamov D.H., Gomonova O.A., Vasil'eva E.P., Ogorodnikov M. Social contract as a practice of support measures for the population (based on materials from a sociological study in the Altai Territory)	1
Vinokurova U.A., Filippova D.N. Employment Prospects in the Russian Arctic: Expectations of Students at Arctic Universities	26
Dadzie I. Gendered Digital Trajectories in Changing Societies: Social Dynamics of Women Technology Adoption in Ghana and Russia	44
Popov E.A., Zamyatina O.N., Chukanova T.V., Antonovich I.V., Zamyatin I.D., Ahmedova A.R., Ogorodnikov M., Gomonova O.A., Oleinikova E.P., Makamov D.H., Koda E.A. Social adaptation of elderly individuals to the realities of the modern digital society (based on materials from a sociological study in the city of Barnaul)	56
Karpov G. Demography of the United Kingdom: Replacement dynamics	78
Koval'zhina L.S., Orlova A.A. Artificial Intelligence Technologies in Human Resource Management: Social Experience of Implementation and Use	95
Shirokova M.A., Tkachuk L.N. Peculiarities of Russia's Political Culture: History, Current State and Prospects	107
Metadata in english	122

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Книс Д.А., Замятина О.Н., Антонович И.В., Пустовалова Е.В., Чуканова Т.В., Замятин И.Д., Макамов Д.Х., Гомонова О.А., Васильева Е.П., Огородников М. Социальный контракт как практика мер поддержки населения (по материалам социологического исследования в Алтайском крае) // Социодинамика. 2025. № 12. DOI: 10.25136/2409-7144.2025.12.77211 EDN: LPOKFM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77211

Социальный контракт как практика мер поддержки населения (по материалам социологического исследования в Алтайском крае)

Книс Дмитрий Александрович

ORCID: 0000-0002-0552-2057

преподаватель; Адъюнктура; Барнаульский юридический институт МВД РФ
656038, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, Центральный р-н, ул. Чкалова, д. 49 каб. 433 А

✉ klrs1919@yandex.ru

Замятина Ольга Николаевна

ORCID: 0000-0002-3240-0098

кандидат социологических наук
доцент; институт гуманитарных наук; Алтайский государственный университет
Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, д. 66 к. каб. 520д

✉ olga_zamjtina@mail.ru

Антонович Ирина Владимировна

ORCID: 0000-0002-3353-8523

кандидат социологических наук
доцент; институт гуманитарных наук; Алтайский государственный университет
Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, д. 66 к. каб. 504

✉ antonovich@socio.asu.ru

Пустовалова Елена Валерьевна

ORCID: 0000-0002-4078-8897

кандидат философских наук
доцент; институт гуманитарных наук; Алтайский государственный университет
Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, д. 66 к. каб. 520

✉ pustovalova@mail.asu.ru

Чуканова Татьяна Викторовна

кандидат социологических наук

доцент; институт гуманитарных наук; Алтайский государственный университет
Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, д. 66 к. каб. 515

✉ chukanova@socio.asu.ru

Замятин Иван Денисович

ORCID: 0009-0001-0653-0104

студент; Филиал Санкт-Петербург; Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"

194100, Россия, Ленинградская область, г. Санкт-Петербург, ул. Кантемировская, 3 корп. 1, лит. А

✉ vanechka.zamiatin@yandex.ru

Макамов Данил Холмидорович

магистрант; факультет психологии; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Василеостровский р-н, наб. Макарова, д. 6

✉ migelion2020@gmail.com

Гомонова Ольга Андреевна

магистрант; факультет социологии; Санкт-Петербургский государственный университет

191060, Россия, г. Санкт-Петербург, Центральный р-н, ул. Смольного, д. 1/3 каб 342

✉ oagomonova@gmail.com

Васильева Екатерина Павловна

магистрант кафедры журналистики, медиа и рекламы
; институт гуманитарных наук; Алтайский государственный университет

656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, Железнодорожный р-н, ул. Димитрова, д. 66, каб. 404а

✉ vasileva_e@mc.asu.ru

Огородников Михаил

магистрант; факультет психологии; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Василеостровский р-н, наб. Макарова, д. 6 каб 104

✉ Simchich101@gmail.com

[Статья из рубрики "Социальные исследования и мониторинг"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2025.12.77211

EDN:

LPOKFM

Дата направления статьи в редакцию:

08-12-2025

Дата публикации:

15-12-2025

Аннотация: В статье рассматриваются сущностные характеристики социального контракта как практики мер поддержки населения в Алтайском крае. Выявляются фундаментальные особенности социального контракта в системе поддержки населения региона, кроме того, рассматриваются основные проблемы и перспективы реализации социального контракта в жизнедеятельности населения Алтайского края. Также в данной работе рассматривается социальный контракт как возможность преодоления бедности в депрессивном регионе Российской Федерации. Полученные данные, в ходе проведения социологического исследования, позволили получить комплексное представление о социальном контракте как практике мер поддержки населения: выявлен объективный и субъективный компоненты такого вида поддержки. В статье представлены результаты авторского социологического исследования, которое проводилось в период с 2023 по 2025 год. Методология данной работы базировалась на совокупности системного подхода и структурного функционализма. Исследование социального контракта основывается на совокупности качественных и количественных методов. Качественный метод представлен экспертным опросом в форме глубинного интервью (n=15), а количественный метод представлен массовым анкетным опросом как в дистанционном формате, так и классическом, очном формате (n=137). Полученные данные социологического исследования эмпирического характера стали основой для характеристики социального контракта как практики мер поддержки населения в регионе. Также, полученные данные позволяют охарактеризовать те сложности, которые возникают в процессе получения социального контракта, общую результативность реализации данной практики поддержки, а это, свою очередь, дает возможность для формирования практик ориентированных рекомендаций по улучшению и совершенствованию социального контракта. Автор пришел к выводу, что социальный контракт, в целом, является действенной и эффективной мерой поддержки населения в регионе. Социальный контракт соответствует ожиданиям индивида, более того, в долгосрочной перспективе заключение такого контракта снижает нагрузку на социальную сферу государственного бюджета. В то же время не все граждане, заключившие социальный контракт, улучшили свое материальное положение, что требует определенных решений и доработок. Дальнейшие исследования в этой области позволят лучше понимать сущность социального контракта, выявить дальнейшие возможности экстраполяции данной практики социальной помощи населению. Также продолжение исследований позволит сделать социальный контракт как практику мер поддержки еще более результативной и эффективной.

Ключевые слова:

Социальный контракт, Правовая поддержка малоимущих, Финансовая поддержка малоимущих, Психологическая поддержка малоимущих, Качество жизни, Алтайский край, Структурный функционализм, Системный подход, Малый бизнес, Личное подсобное хозяйство

В настоящее время, в период социально-экономических и политических трансформаций жизнедеятельности нашего общества, особенно уязвимыми становятся малообеспеченные группы населения. Все возможные потрясения и социально-экономические преобразования сказываются на их благополучии наиболее остро и

существенно: ухудшается социально-психологическое и финансовое самочувствие представителей данных социальных групп, многие блага для них оказываются по-прежнему недоступными [\[13, с. 35\]](#). Далее стоит отметить, что обостряются системные проблемы безработицы, развивается деструктивная для экономики и социума теневая занятость, а также снижается общий уровень жизни населения. Вся совокупность неблагоприятных факторов, как правило, отражается на социально незащищенных слоях населения, ввиду чего увеличивается количество одиноко живущих людей, а также семей, находящихся в трудной жизненной ситуации [\[14\]](#). Разумеется, люди, попавшие в неблагоприятные жизненные реалии обращаются за помощью к государству, что частично помогает решать возникшие проблемы. Действительно, система пособий, всевозможных выплат, вариантов правовой, психологической поддержки и материальной (вещевой) помощи несколько улучшает сложившееся положение дел, но не устраняет проблему полностью. В таком контексте патерналистское начало государства заметно возрастает, при этом у населения отсутствует реальная мотивация к самостоятельному выходу из трудной жизненной ситуации, к поиску работы, средств к существованию, фактически создаются благоприятные условия для массового социального иждивенчества [\[16, с. 22\]](#).

Все это свидетельствует о том, что в современных реалиях требуются несколько иные подходы к социальной защите и социальному обеспечению населения. Фактически меры поддержки должны быть стимулирующими: они должны направлять человека к самостоятельному решению своих проблем, создавать благоприятные условия для выхода из трудных жизненных ситуаций. Государство не должно быть основным институтом решения всевозможных проблем – оно должно стать неким проводником, который приведет к улучшению положения дел в жизнедеятельности социального субъекта [\[18, с. 48\]](#). В таком контексте уместным оказывается подход, при котором государство предлагает индивиду ресурсы для развития, а индивид в свою очередь, используя эти ресурсы, самостоятельно обеспечивает собственные потребности. В результате решается проблема безработицы, улучшается качество жизни населения, совершенствуется социальное благополучие граждан, снижается количество маргинальных субъектов в локальных социумах, в среднесрочной перспективе снижается нагрузка на социальный бюджет страны [\[1, с. 96\]](#).

Подчеркнем, что социальная помощь гражданам должна быть адресной. Одним из вариантов предоставления эффективной адресной помощи является социальный контракт, который подразумевает возникновение взаимных обязанностей как у государства по отношению к домохозяйству (индивиду), так и у домохозяйства (индивида) по отношению к государству [\[21, с. 804\]](#). Помимо взаимных обязанностей постепенно преодолеваются иждивенческие настроения среди граждан: индивиды начинают осознавать, что у них имеются все ресурсы для дальнейшего самообеспечения и независимости от помощи государства, а это, в свою очередь, является априорно ценным показателем в жизнедеятельности каждого человека [\[3, с. 13\]](#). Социальный капитал переориентирует граждан от патерналистской помощи государства на применение собственных знаний, компетенций, социального, культурного, экономического капитала.

Несмотря на кажущиеся преимущества социального контракта перед другими видами мер поддержки населения, тем не менее возникает обсуждение вопроса, связанного с эффективностью применения данной меры поддержки и влияющего на позитивные изменения в системе качества жизни населения, увеличение степени самостоятельности

домохозяйств при решении актуальных проблем личного и семейного благополучия [\[7, с. 52\]](#). Особенно актуальными и значимыми данные вопросы оказываются в рамках жизнедеятельности «депрессивного» региона, каким является Алтайский край.

Теоретическая разработанность данной проблемы затрагивает различные аспекты. Так, социальный контракт как объект социологического исследования рассмотрен в трудах Д.А. Бистяйкина, Е.В. Ветчинной и Д.С. Калининой [\[2; 4; 8\]](#). При этом И.В. Малофеев определил ключевые методологические подходы к исследованию социального контракта в современном социологическом знании, а А.А. Малыгин охарактеризовал структурные элементы, а также основные социальные функции такого типа договора между индивидом и государством [\[12; 13\]](#). Стоит отметить труды О.А. Карпенко, в них четко очерчены ключевые проблемы и перспективы в рамках реализации социального контракта как инновационной практики помощи малообеспеченным слоям населения [\[9\]](#). В работах Л.В. Давыдовой дифференцированы проблемы внедрения и реализации социального контракта в современной России на правовые, экономические, социальные и организационные [\[5\]](#).

Еще одним исследовательским ракурсом рассмотрения социальных контрактов являются труды В.И. Пефтиева и И.А. Прожерина, позволяющие выявить основные особенности реализации социального контракта как практики мер поддержки населения [\[15; 17\]](#). В работах А.А. Реброва описаны особенности реализации социального контракта как практики мер поддержки населения среди представителей сельского населения, а в трудах Н.А. Серебряковой охарактеризованы особенности применения социального контракта среди городского населения [\[18; 19\]](#).

Отдельного исследовательского внимания заслуживает тот факт, что в работах Д.Ю. Файкова подробно описаны ключевые дефициты домохозяйств и возможности социального контракта по восполнению этих дефицитов в краткосрочной и среднесрочной перспективах, а в работах Н.Ю. Щеки описаны практики успешной реализации мер поддержки населения в форме социального контракта как фактора снижения социальной напряженности в современном социуме [\[20; 22\]](#). Ключевые характеристики эффективности реализации социального контракта как практики мер поддержки описаны в трудах С.Т. Шефруковой, вместе с тем А.В. Янцен охарактеризовал возможные трансформации социального контракта как практики мер поддержки населения в долгосрочной перспективе [\[21; 23\]](#).

Новизна данного социологического исследования предопределена следующим обстоятельством. Благодаря применению совокупности качественного и количественного методов, а именно экспертного опроса в форме глубинного интервью и анкетного опроса, удастся в полной мере охарактеризовать как объективную, так и субъективную стороны социального контракта, являющегося практикой мер поддержки населения в Алтайском крае. Таким образом, был получен срез эмпирических данных как с позиции получателя социального контракта, так и с позиции специалистов, которые непосредственно связаны с реализацией практики заключения социальных контрактов в регионе. В результате появляется возможность проведения комплексного регионального социологического исследования, посвященного достаточно инновационной форме помощи населению со стороны государства, при которой возникают определенные обязанности у получателя социальной помощи. Целью данной работы является изучение социального контракта как практики мер поддержки населения Алтайского края.

Теоретико-методологическая база данной работы построена на совокупности системного подхода и структурного функционализма для максимально полного и подробного анализа социального контракта как практики мер поддержки населения. Так, структурный функционализм предназначен для комплексного описания и исследования социального контракта как практики мер поддержки населения, определения его структурных элементов и функциональных компонентов, а системный подход предназначен для интеграции в единую исследовательскую систему объективного и субъективного компонентов социального контракта. Благодаря применению именно такой методологической совокупности подходов удастся, с одной стороны, получить эвристически значимые результаты, согласуемые с четкой логикой научного поиска, с другой стороны, более полно раскрыть различные особенности исследуемой социальной практики.

Социальный контракт является достаточно удачным вариантом взаимоотношения нуждающихся слоев населения и государства. С одной стороны, он является продолжением «тренда» советской патерналистской структуры заботы о населении, но, с другой стороны, социальный контракт является качественно иным инструментом, который уже адаптирован к реалиям рыночной экономики. А.В. Янцен в связи с этим отмечает, что де-факто формируется договор между государством и отдельно взятым социальным субъектом, домохозяйством, в рамках которого устанавливается необходимость перехода на полное самообеспечение без участия государства взамен на определенную сумму денег, предназначенную для открытия собственного дела, развития личного подсобного хозяйства, поиска работы [\[23, с. 276\]](#).

Социальный контракт как практика мер поддержки населения не связан с распространенными паллиативными вариантами обеспечения малоимущих и нуждающихся слоев населения на постоянной основе денежным довольствием. Формируется такая структура, в которой сам индивид оказывается ответственным за свой выбор и жизненный путь, ввиду чего у него появляется реальная мотивация к решению актуальных жизненных проблем [\[20, с. 56\]](#). Более того, эта структура оказывается индивидуализированной, она формируется под каждый отдельный случай, обеспечивается индивидуальный подход к каждому гражданину, к каждой семье, что позволяет учесть пожелания всех участников контрактных взаимоотношений.

Основа применения социального контракта как практики мер поддержки населения базируется на характеристике ресурсного потенциала отдельно взятого домохозяйства. На основании изучения особенностей социального, культурного, экономического капиталов принимается компетентными органами решение о возможности предоставления определенной денежной суммы на развитие дефицитного ресурса семьи [\[19\]](#). По мнению Н.Ю. Щеки, появление малоимущих и нуждающихся семей – это следствие неумения развивать имеющиеся ресурсы, отсутствие должного уровня мотивации к личному социально-экономическому развитию [\[22, с. 89\]](#). Социальный контракт как практика мер поддержки позволяет запускать такие механизмы в жизнедеятельности индивида, подталкивая его к всестороннему личностному развитию и, самое главное, к самообеспечению своих потребностей и потребностей собственной семьи. При заключении такого контракта обращается внимание на уровень знаний и компетенций индивида, его реальные трудовые и финансовые, организационные возможности, после чего предлагается наиболее оптимальный вариант решения существующей проблемы. Очевидно, что заключать социальный контракт на поиск работы в деревенской местности малоэффективно, а вот предоставить денежные

средства на развитие личного подсобного хозяйства представляется как нечто более эффективное и рациональное, обратная ситуация с поселениями городского типа [\[17, с. 158\]](#). Пусть косвенно, но социальный контракт поддерживает жизнеспособность современного села, предотвращает отток населения, стимулирует развитие личного подсобного хозяйства. В этом проявляется кумулятивный эффект от реализации социального контракта как практики мер поддержки населения; он может оказаться достаточно существенным в плане влияния на качество жизни населения Алтайского края.

Практика социального контракта подразумевает базирование на фундаментальных принципах, которые являются определяющими в рамках данной меры поддержки нуждающегося населения. Первый принцип социального контракта – адресность социальной помощи [\[15, с. 49\]](#). Такой тип поддержки населения подразумевает перманентную идентификацию и поиск нуждающихся семей, индивидов, которым необходимо улучшить собственное материальное положение, но при этом реальные возможности для этого отсутствуют. Второй принцип – осуществление отбора кандидатов для заключения социального контракта производится с помощью органов местного самоуправления для отбора действительно нуждающихся граждан, а также предоставить именно те виды помощи, которые будут действительно эффективны, а также будут соответствовать запросам домохозяйств [\[4, с. 309\]](#). Третий принцип – дифференцированные выплаты для тех, кто заключает социальный контракт. Существует предельный размер выплат в 350 тысяч рублей, но он может быть уменьшен в индивидуальном порядке, в соответствии с актуальной ситуацией [\[6\]](#). Реализация данного принципа необходима для предотвращения практик социального иждивенчества, всевозможных форм паразитизма и т.д.

В основе реализации социального контракта в Алтайском крае лежит двухуровневая система правового регулирования. Сущность такой системы правового регулирования заключается в том, что Федеральные законы задают общие рамки реализации данного вида поддержки, а региональные законы детерминируют реализацию конкретного механизма в рамках системы поддержки населения. На Федеральном уровне практика социального контракта как меры помощи населению предусмотрена в рамках программы поддержки малоимущих граждан и их семей. Федеральный уровень позволил существенно увеличить лимиты единовременной выплаты на развитие бизнеса до 350 тысяч рублей, а значит на Федеральном уровне осуществляются ресурсная и целеполагающие функции в контексте реализации социального контракта как практики мер поддержки. На региональном уровне происходит уже непосредственная реализация данного вида поддержки, начиная от подачи заявления, заканчивая фактом заключения социального контракта [\[12\]](#).

Социальный контракт представляет собой соглашение между государством и малоимущей семьей, малоимущим гражданином. Оно предполагает использование финансовых ресурсов на открытие собственного бизнеса, или развитие личного подсобного хозяйства, или на преодоление трудной жизненной ситуации, чтобы в конечном итоге улучшить материальное положение гражданина и его семьи, позволяя выйти на стабильный уровень ежемесячного дохода, который необходим для обеспечения приемлемого уровня жизни [\[9\]](#). Так, на развитие собственного дела, открытие бизнеса предусмотрены выплаты общей суммой до 350 тысяч рублей, которые могут быть потрачены на приобретение необходимых средств производства: оборудования, аренды помещения. Кроме того, эта сумма может быть направлена на оплату рекламных услуг,

приобретение лицензии на тот или иной вид деятельности. Кроме того, на развитие ЛПХ – личного подсобного хозяйства предусмотрена выплата до 200 тысяч рублей, которая может быть направлена на приобретение сельскохозяйственных животных, частичный ремонт сельскохозяйственных построек, приобретение техники сельскохозяйственного назначения, а также на приобретение корма для животных или определенных семян растений [\[11\]](#). Что касается контракта для преодоления трудной жизненной ситуации, то речь идет либо о разовой денежной помощи, либо о ежемесячной поддержке в размере МРОТ в течение полугода.

По мнению И.В. Малофеева, социальный контракт позволяет в среднесрочной и долгосрочной перспективах снижать уровень бедности, ведь гражданин, заключающий социальный контракт, в итоге не должен финансово зависеть от государства, он должен полностью обеспечивать свои потребности самостоятельно [\[12, с. 28\]](#).

Между тем снижение бедности достигается за счет грамотно выстроенного типа социального партнерства между индивидом (домохозяйством), а также государством. В конечном итоге общая нагрузка на социальную сферу нашей страны должна снижаться, так как все больше людей будут способны самостоятельно закрывать свои потребности. Механизм действия социального контракта заключается в следующем. Среди населения существует достаточное количество домохозяйств, которые нуждаются в перманентной финансовой поддержке [\[10\]](#). Они формируют свой запрос на выход из состояния крайней нужды и бедности, после чего компетентные органы предлагают конкретные варианты социальной помощи контрактного характера. После ряда формальных, но необходимых процедур, индивид получает государственную поддержку, его желание выйти из состояния бедности подкрепляется соответствующими ресурсами, что в результате дает кумулятивно позитивный социальный эффект.

Пожалуй, самое важное в социальном контракте как мере поддержки малоимущих – изменение понимания сущности поддержки от государства: государство восполнит дефициты ресурса в жизнедеятельности домохозяйства или отдельно взятого индивида, но при этом и получатели помощи должны приложить определенные усилия, чтобы закрепить эффект от восполнения этих ресурсов [\[2, с. 145\]](#). Можно даже сказать о том, что социальный контракт формирует некий фундамент самообеспечения и самостоятельного закрытия своих потребностей без дальнейшей государственной помощи и поддержки.

Малоимущим гражданам зачастую недостаточно предоставить ресурсы для решения актуальных проблем и задач: такие ресурсы могут быть использованы нерационально или неэффективно. Но и эта проблема успешно разрешается практикой социального контракта: материальная помощь предоставляется совместно с индивидуальным планом действий применения и реализации данного вида помощи. При заключении социального контракта индивид предоставляет бизнес-план или план развития личного подсобного хозяйства [\[5\]](#). При необходимости он корректируется специалистами, указывающими на основные недостатки, предлагающими внести определенные коррективы. В результате человек получает ресурсы и настоящую инструкцию, как применить полученные ресурсы на практике посредством собственных усилий.

Далее рассмотрим основные функции социального контракта. Прежде всего он выполняет оптимизационную функцию; действительно, благодаря данной мере поддержки удастся повышать показатели эффективности социальной помощи в условиях рыночной экономики. Также стоит отметить управленческую функцию социального контракта, так как такой договор позволяет систематизировать жизнедеятельность

малоимущих людей, приводит их к некоему конструктивному началу выхода из трудной жизненной ситуации, де-факто управляя их капиталом и определенными ресурсами. Социальный контракт выполняет важную и значимую функцию преодоления бедности среди населения, так как создаются условия, при которых можно преодолеть не только трудную жизненную ситуацию, но и существенно улучшить собственное качество жизни.

Еще одной функцией является адаптационная функция, суть которой заключается в том, что граждане, не обладающие минимальным размером дохода, получают должную поддержку для адаптации практически к любым состояниям общества в целом, аналогичная адаптация происходит в рамках жизнедеятельности местного социума. Так, если в селах активно развивается социальный контракт на развитие ЛПХ, то домохозяйства не только себя обеспечивают качественными продуктами, но и остальных жителей села на коммерческой основе [\[8, с. 66\]](#). Кроме того, благодаря развитию ЛПХ развиваются местные перерабатывающие производства молочной продукции, свежего мяса и иных продуктов деятельности личного хозяйства. Спрос на такую продукцию в деревнях и селах не иссякает в любых социально-экономических реалиях, а значит, индивид оказывается в любом случае защищенным от финансовых потрясений. В рамках стимулирующей функции социального контракта следует отметить процесс постепенного роста социальной активности малоимущих граждан, процесс увеличения трудового и социального потенциала нуждающегося человека, в результате чего, постепенно улучшается положение дел в жизнедеятельности отдельно взятого домохозяйства, соответственно индивид постепенно встраивается в актуальную социальную среду [\[6\]](#). Монетарная функция является еще одним направлением функционального предназначения социального контракта, ведь благодаря мерам поддержки постепенно растет уровень благосостояния отдельных домохозяйств, совершенствуется степень экономической самостоятельности нуждающихся граждан. Нельзя оставить без внимания тот факт, что деятельность получателя социального контракта строго регламентирована с точки зрения текущего законодательства, имеются определенные санкции за неисполнение обязательств по социальному контракту, что дополнительно стимулирует индивида решать личные финансовые проблемы при разовой, но эффективной государственной поддержке.

Методика социологического исследования социального контракта как практики мер поддержки населения основывалась на совокупности количественного метода в форме анкетного опроса и качественного метода в форме экспертного опроса. Необходимо использовать два метода социологического исследования, чтобы понять сущность социального контракта как практики мер поддержки с точки зрения заключающего такой контракт субъекта, а также, чтобы понять суть данной системы с организационной позиции. Соответственно, на пересечении социального опыта граждан, заключивших социальный контракт, и экспертов, непосредственно занимающихся заключением социального контракта, подготовкой документов, выявляются эвристически ценные компоненты исследования, позволяющие в полной мере охарактеризовать данную меру поддержки нуждающихся граждан.

Анкетный опрос проводился с 137 респондентов. Респондентами оказались жители Алтайского края, которые заключили социальный контракт на развитие бизнеса, личного подсобного хозяйства, поиск работы или на разовую помощь в течение последних четырех лет. Выборочная совокупность для проведения анкетного опроса формировалась квотами, с элементами стихийного отбора в рамках заранее определенных квот. Основными квотами стали пол респондента, его возраст, тип социального контракта, а также район проживания респондента на территории

Алтайского края, поскольку важно было охарактеризовать практики заключения социального контракта в городе и в сельской местности. Данная тема социологического исследования достаточно специфична, объем генеральной совокупности оказывается небольшим, а значит, такая выборка позволит обнаружить все существенные взаимосвязи и компоненты, необходимые для комплексной характеристики социального контракта как практики мер поддержки. Анкетирование проводилось как в классическом, очном формате, по месту жительства респондентов, так и в дистанционном формате с применением отечественных технологий дистанционного анкетирования «Яндекс формы».

Качественный метод социологического исследования социального контракта как практики мер поддержки населения представлен экспертным опросом в форме глубинного интервью; всего было опрошено 15 экспертов. Опрос экспертов проводился до достижения информационной насыщенности ответов респондентов. Эксперты отбирались в соответствии с целями и задачами данного социологического исследования, а также в соответствии с занимаемой должностью, реальными знаниями и компетенциями. Экспертами выступили представители министерства социальной защиты Алтайского края, представители Алтайского краевого Законодательного собрания из комитета по социальной защите и занятости населения, представители начальствующего состава учреждений социальной защиты в районах края и городе Барнауле, а также специалисты, непосредственно задействованные в системе оформления социального контракта. Такой экспертный состав позволяет в полной мере охарактеризовать особенности социального контракта как практики мер поддержки населения в Алтайском крае.

Начать описание результатов социологического исследования следует с того, откуда индивиды в целом узнавали о возможности заключения социального контракта. Как правило, такую информацию индивид получал при визите в социальную службу, когда специалист учреждения подробно рассказывал про преимущества и недостатки такого вида помощи. Соответственно, абсолютное большинство опрошенных респондентов, а именно 64%, решились на заключение социального контракта благодаря рекомендациям сотрудника социальных служб.

Можно выделить ряд причин, в соответствии с которыми граждане решаются на заключение социального контракта. Участники экспертного опроса отмечают следующее.

«Как правило, ко мне приходят люди, сообщающие о том, что они устали от бедности, устали жить в постоянном ожидании помощи от кого-либо... Они давно желали открыть собственное дело, но, к сожалению, не было средств. Такие клиенты крайне мотивированы для того, чтобы решать самостоятельно собственные проблемы, с ними легко работать».

«Все мы понимаем, что даже в нашей, достаточно развитой системе социальной поддержки малоимущих граждан, выплачиваются не столь существенные деньги, чтобы комфортно жить. Поэтому нередко приходят люди, которые отмечают недостаток социальных выплат, они желают самостоятельно улучшить собственное материальное положение путем заключения социального контракта...».

«Насколько я могу судить в селах и деревнях социальный контракт нередко единственный способ улучшить материальное положение собственной семьи и выйти на самообеспечение своих потребностей».

Как обнаружилось, существует три основных причины заключения контракта: давнее

желание открыть свое дело, но мешал дефицит денежных средств, желание улучшить материальное положение ввиду недостатка социальных выплат, а также отсутствие иных возможностей для улучшения материального положения домохозяйства.

Причины заключения социального контракта среди населения заметно разнились в зависимости от того, насколько индивиды, действительно, способны решать собственные проблемы без участия государства (см. рис. 1). Так, те граждане, которые не способны решать свои проблемы самостоятельно без государства, как правило, ссылались на недостаток социальных выплат, как ключевую причину заключения социального контракта – 73%. При этом каждый четвертый такой опрошенный отметил, что социальный контракт оказался единственным способом решения материальных проблем семьи, других вариантов попросту не было – 24%, лишь 3% опрошенных отметили, что всегда хотели открыть свой бизнес. Среди тех респондентов, кто способен лишь частично решать свои проблемы самостоятельно уже 55% опрошенных отметили нехватку социальных выплат, поэтому решились на заключение социального контракта, а 15% таких опрошенных давно хотели открыть свое дело, но не было средств, а у трети таких опрошенных не было другого выхода для улучшения материального положения.

Причем среди респондентов, кто старается решить свои проблемы самостоятельно, 27% опрошенных хотели открыть свое дело, но не было средств, а у 53% опрошенных респондентов не было иного способа для улучшения материального положения. Среди тех, кто заключал социальный контракт, встречались респонденты, абсолютно уверенные в своих силах и возможности решить проблемы без участия государства. Эти респонденты в большинстве своем заключали социальный контракт только для того, чтобы стать финансово независимыми; они открывают свое дело, и единственным препятствием было отсутствие достаточного количества денежных средств. Значит, те респонденты, кто стремится самостоятельно решать свои проблемы без участия государства, видят в системе социального контракта возможность открыть собственное дело и начать бизнес, а респонденты, которые существенно завесили от помощи государства в решении проблем, видят в социальном контракте возможность преобразования социальных выплат в иную форму помощи для общего улучшения материального благополучия собственной семьи.

Рис. 1. Взаимосвязь распределения ответов респондентов на вопросы «Почему Вы решили заключить социальный контракт?» и «Какая из следующих характеристик описывает в большей мере положение Вас и Вашей семьи?», %.

Конечно, процесс оформления социального контракта оказывается достаточно трудоемким, требует сбора достаточно большого количества всевозможных документов. Как правило, респонденты сталкивались с трудностями при сборе всех документов, а также достаточно долго им приходилось ждать решения по возможности заключения социального контракта. Участники экспертного опроса между тем отмечали: *«Желающему заключить социальный контракт требуется собрать достаточно внушительный пакет документов, всё оформить в соответствии с актуальными законодательными нормами. Это требует определенных знаний и компетенций от человека. Пока что у нас нет серьезной межведомственной сети взаимодействия с другими органами исполнительной власти, с социальными учреждениями для быстрого принятия решения относительно возможности заключения социального контракта в каждом отдельном случае...»*. Общее время на заключение социального контракта у респондента составило в среднем от трех месяцев до полугода, то есть от момента подачи соответствующего заявления до поступления выплаты или определенной материальной помощи.

Для гражданина заключение социального контракта – некое новшество, ведь люди зачастую уже привыкли стабильно получать денежные выплаты от государства на постоянной основе. В данном же случае возникает совершенно иная система взаимоотношений между государством и личностью, теперь и сам человек должен приложить определенные усилия, чтобы улучшить материальное положение. Участники экспертного опроса отмечали в связи с этим следующее: *«Поначалу идея заключения социального контракта на текущих условиях вызвала у людей недоумение, как это может прекратиться определенная помощь взамен на возможность открытия бизнеса или развитие личного подсобного хозяйства. Но постепенно все больше людей заключало социальный контракт, в местных СМИ регулярно публиковали новости на эту тему – популярность такой меры поддержки существенно возросла...»; «За последние годы отношение среди населения к практикам заключения социального контракта стало более оптимистичным. Ко мне регулярно приходят люди, находящиеся в трудной жизненной ситуации с запросом заключения социального контракта – это уже определенный показатель...»*.

На вопрос «Чувствовали ли Вы сомнение и неуверенность при заключении социального контракта?» – были получены следующие ответы (см. рис. 2). Абсолютное большинство опрошенных респондентов чувствовали сомнение и неуверенность при заключении социального контракта – 82%, так как приходилось менять уже устоявшуюся систему государственной поддержки на инновационную систему, в рамках которой поддержка переходит в разряд разовой помощи на открытие собственного дела, при этом 14% опрошенных респондентов отметили, что скорее чувствовали сомнение и неуверенность при заключении социального контракта. Отметим, что 3% опрошенных скорее не чувствовали сомнения и неуверенности, а 1% опрошенных отметил, что определенно не чувствовал никакого сомнения и неуверенности при заключении социального контракта.

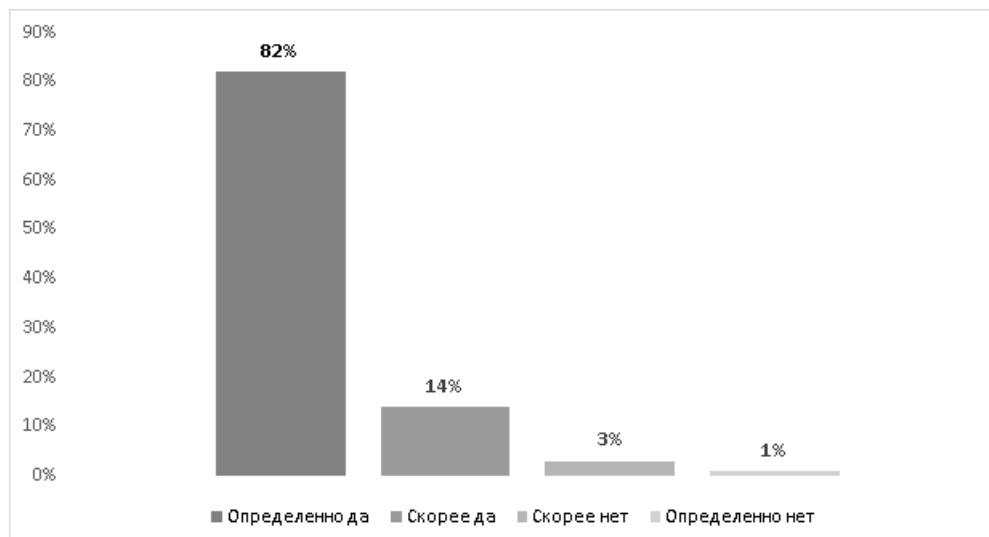

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Чувствовали ли Вы сомнение и неуверенность при заключении социального контракта?», %.

Важно отметить, что результативность заключения социального контракта заключается не в факте открытия собственного дела индивидом, а в факте выхода на полное самообеспечение индивидуально-личных потребностей и потребностей своей семьи без участия патерналистского начала государства. Конечно, сумма, на первый взгляд на открытие собственного дела или развитие личного подсобного хозяйства оказывается не столь значимой, тем не менее абсолютное большинство опрошенных респондентов отмечают, что денежных средств оказывается скорее достаточно для развития малого бизнеса или ЛПХ. Участники экспертного опроса отмечали: *«Система помощи и поддержки малоимущих граждан устроена таким образом, что им предоставляется возможность выхода на самообеспечение при определенной помощи государства. Можно сказать, что это стимулирующая мера для граждан больше работать, активнее трудиться, стремиться к лучшему в жизни...»*; *«Исходя из тех бизнес-планов, которые мы видим, как правило, суммы хватает для покрытия всех базовых расходов на открытие личного дела. Другой вопрос заключается в актуальных темпах инфляции, но, я думаю, и этот аспект будет рано или поздно разрешен...»*.

Фактически граждане, заключающие социальный контракт, отказываются в итоге от определенных видов социальной помощи, заменяя ее контрактной системой. Возникает важный и значимый исследовательский вопрос относительно того, а насколько же оправдывает ожидания граждан система социального контракта. Эксперты отмечали: *«Граждане к нам приходят и благодарят через 3-6 месяцев после начала работы «на себя», это важный и значимый показатель удовлетворенности общим положением дел в этой системе...»*; *«Судя по всему, у нас больше историй успеха с социальным контрактом, чем историй провалов. По моему мнению, мы наконец-то выстроили удачную систему социальной помощи нуждающимся слоям населения.»*.

Так, на вопрос «Если говорить в целом, то насколько система социального контракта как практики мер поддержки населения, оправдала Ваши ожидания?» – были получены следующие ответы (см. рис. 3). Абсолютное большинство граждан, заключивших социальный контракт, отметили, что в целом их ожидания были оправданы в полной мере – 70%, при этом практически каждый пятый опрошенный респондент отметил, что ожидания были скорее оправданы, чем не оправданы – 21%. В результате 91% участников опроса остались удовлетворены теми реалиями социального контракта, которые предлагаются в настоящее время гражданам для преодоления бедности и

выхода на самообеспечение без участия государства. Стоит обратить внимание, что только каждый десятый опрошенный респондент отметил: «социальный контракт скорее не оправдал моих ожиданий» – 10%.

Все же имеются определенные сложности в рамках реализации социального контракта как меры поддержки, кроме того, не все остаются удовлетворены теми суммами, которые предоставляются со стороны государства. Лишь 1% опрошенных – абсолютное меньшинство – оказались совершенно разочарованы в системе социального контракта как практики мер поддержки населения.

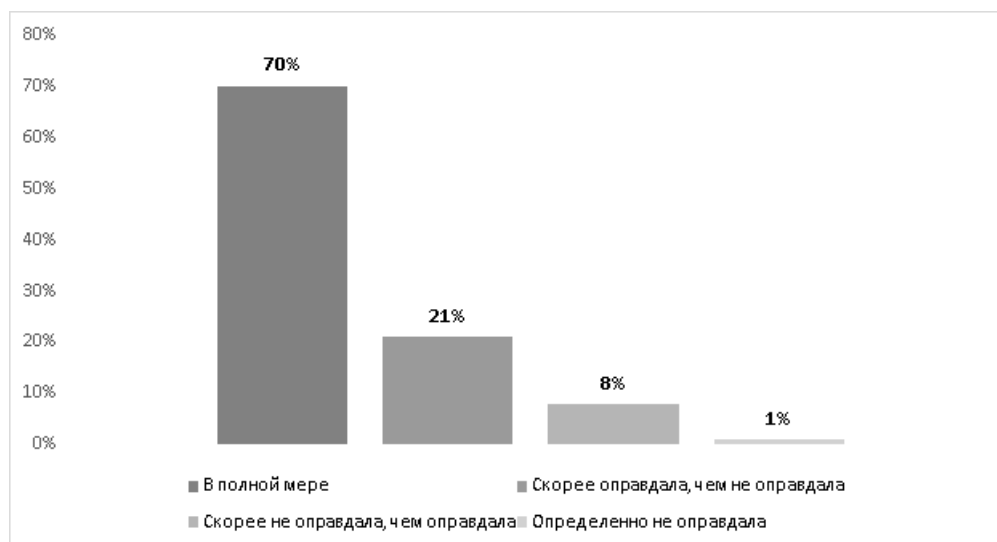

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Если говорить в целом, то насколько система социального контракта как практики мер поддержки населения, оправдала Ваши ожидания?», %.

Уникальность социального контракта как практики мер поддержки населения заключается в том, что население получает всевозможные виды помощи, помимо, собственно, материальной помощи. В результате возникает некая комплексная мера поддержки населения, которая позволяет всем желающим гражданам, не имеющим прожиточного минимума развиваться в целом и увеличивать собственное благосостояние в краткосрочной и среднесрочной перспективах. Обратившиеся граждане при заключении социального контракта чаще всего получали консультативную помощь, а также финансовую помощь. Нередко граждане получали возможность быть социально сопровождаемыми в плане трудоустройства, а также индивидам оказывалась помощь в приобретении определенных товаров для развития бизнеса или личного подсобного хозяйства. В некоторых случаях граждане могли даже рассчитывать на получение скота для развития личного подсобного хозяйства. Все это свидетельствует об адресности той помощи, которая предоставляется в рамках реализации системы социального контракта.

При этом у социального контракта как меры поддержки населения имеется определенный ряд недостатков, на которые следовало бы обратить внимание. Участники экспертного опроса отмечали: «К сожалению, мы не можем убрать документооборот и отчетность из нашей системы, а многие наши клиенты не обладают должными знаниями и компетенциями для оформления правильного отчета по реализации полученных денежных средств...»; «Учитывая то, сколько клиенты задают уточняющих вопросов, мне кажется, что наша инструкция, пока еще, недостаточно подробна по реализации полученного вида помощи, следует работать в этом направлении...»; «Иногда клиенты считают, что они лучше знают и понимают куда следует потратить денежные средства. Им не совсем понятен тот факт, что они не имеют права потратить средства по своему

усмотрению. Но ведь это вынужденная мера для адресной и целевой помощи со стороны государства...».

Так, на вопрос «Какие недостатки заключения социального контракта лично для себя Вы выявили?» – были получены следующие ответы (см. рис. 4). Наиболее существенным недостатком участники системы социального контракта отмечали ограниченность материальной помощи от государства – 59%, при этом каждый пятый опрошенный респондент отмечал в качестве основного недостатка невозможность потратить денежные средства или реализовать государственную помощь по собственному усмотрению – 20%, а 11% опрошенных респондентов отметили в качестве недостатка необходимость подробного отчета перед государством за процесс реализации тех или иных компонентов социального контракта. Каждый десятый опрошенный респондент отметил, что для него недостатком оказалось отсутствие подробной инструкции по реализации полученной помощи. Причем те участники программы, которые заключали контракт на развитие бизнеса чаще других сталкивались с такой проблемой. При этом респонденты считали в большинстве своем, что для улучшения функционирования системы социального контракта как практики мер поддержки населения необходимо обеспечить увеличение максимальных выплат по всем направлениям контрактов, также снизить сроки рассмотрения заявки, упростить процесс инспекции личного хозяйства, уменьшить количество собираемых документов, которые необходимы для заключения контракта.

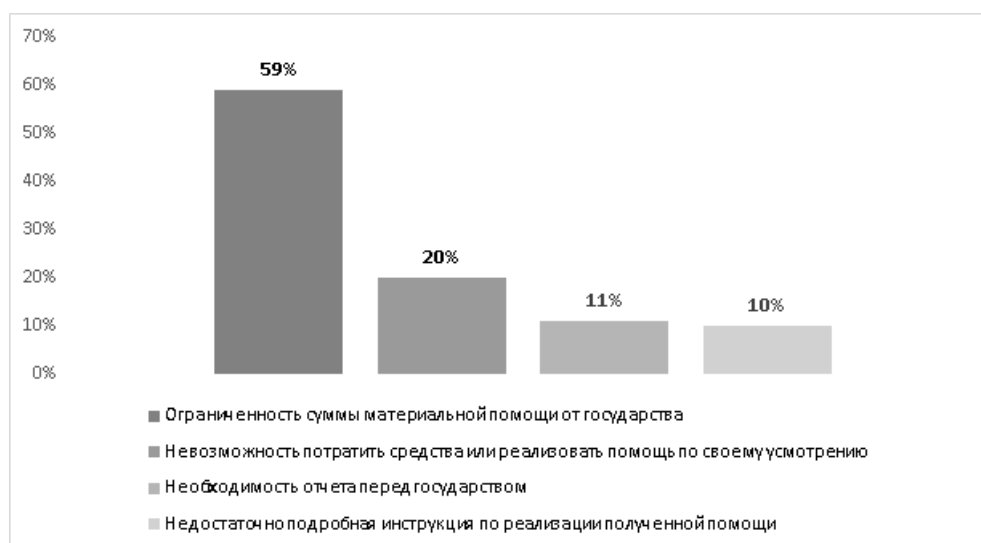

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие недостатки заключения социального контракта лично для себя Вы выявили?», %.

Социальный контракт разрабатывался как полноценная альтернатива социальным выплатам регулярного характера. Участники экспертного опроса отмечали: «Социальный контракт – это удачная альтернатива для тех граждан, кто хочет обеспечивать себя самостоятельно, развиваться, стремиться к чему-то. Конечно, если гражданин привык рассчитывать только на государство – для него такая альтернатива окажется неуместной, некомфортной...», «Социальный контракт – это благоприятная альтернатива для всего государства и общества в целом. Ведь благодаря реализации практик заключения социального контракта – появляется больше предприятий малого бизнеса, больше самозанятых людей, в селах и деревнях развивается личное подсобное хозяйство, что в целом становится основой благополучия и благосостояния всей страны в целом...». Так, на вопрос «По Вашему мнению, является ли социальный удачной альтернативой социальным выплатам регулярного характера?» – были получены

следующие ответы (см. рис. 5). Каждый четвертый опрошенный респондент отметил, что социальный контракт определенно является удачной альтернативой выплатам регулярного характера – 25%, при этом большинство опрошенных респондентов, а именно 52% опрошенных отметили, что социальный контракт скорее является удачной альтернативой выплатам регулярного характера. При этом 13% респондентов отметили, что социальный контракт скорее не является удачной альтернативой выплатам регулярного характера, а каждый десятый отметил, что социальный контракт определенно не является удачной альтернативой выплатам регулярного характера – 10%.

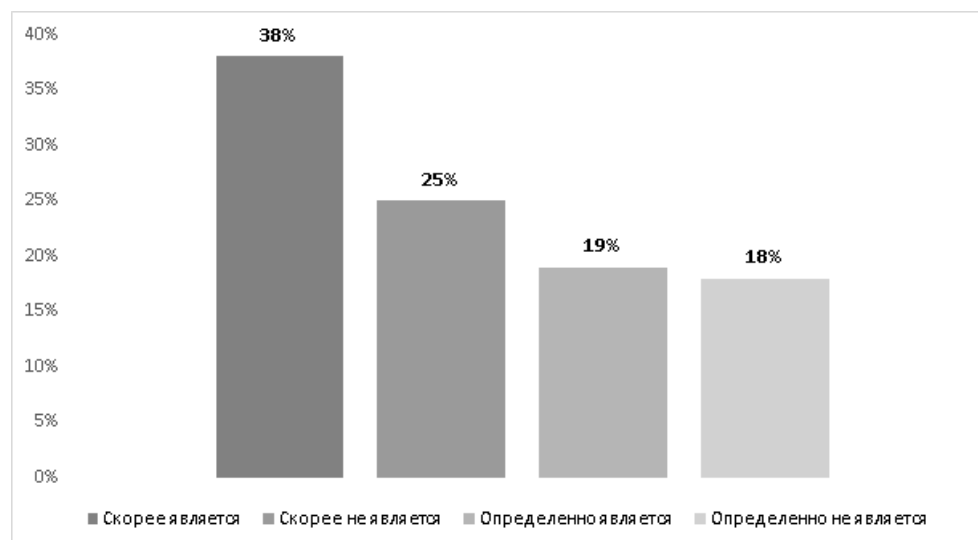

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос «По Вашему мнению, является ли социальный удачной альтернативой социальным выплатам регулярного характера?», %.

Одним из важных и значимых направлений социального контракта является самообеспечение и общее улучшение материального положения граждан, заключивших социальный контракт. Ситуация оказывается неоднозначной: с одной стороны, немало примеров, когда заключившие контракт смогли заметно улучшить свое материальное положение, с другой стороны, существуют примеры ухудшения материального положения после заключения социального контракта. Участники экспертного опроса отмечали: «Как правило, если человек готов нести ответственность за себя и свою жизнь, то для него оказывается совершенно беспроblemным выйти на приемлемый уровень дохода и самостоятельно обеспечивать себя, а если индивид привык перекладывать все на плечи государства, но в данном случае итог оказывается неоднозначным...»; «Как правило, материальное положение существенно улучшается у тех граждан, кто развивает свое дело, остается примерно таким же или увеличивается незначительно в рамках развития личного подсобного хозяйства. Но встречаются случаи, когда люди неправильно оценивают все финансовые риски и возможные потери, в результате – ситуация ухудшается. Но мы не бросаем таких людей в неблагоприятной обстановке, продолжаем работать с ними. Фактически человек все равно оказывается защищенным со стороны государства...».

Так, на вопрос «Удалось ли Вам улучшить собственное материальное положение после заключения социального контракта?» – были получены следующие ответы (см. рис. 6). 19% опрошенных респондентов определенно удалось улучшить материальное положение после заключения социального контракта, а 33% опрошенных – фактически каждому третьему скорее удалось улучшить свое материальное положение, хоть и незначительно.

Практически каждый третий опрошенный респондент отметил, что его материальное положение не изменилось, но он перестал зависеть от материальной помощи и поддержки государства – теперь все денежные средства зарабатываются индивидом самостоятельно – 29%, а 13% опрошенных респондентов отметили, что материальное положение скорее ухудшилось. Обратим внимание на тот факт, что у 6% опрошенных респондентов материальное положение существенно ухудшилось после заключения социального контракта. В целом, можно говорить о достаточно высокой эффективности реализации социального контракта как практики мер поддержки населения, ведь большинство участников данной системы смогли выйти на уровень самообеспечения без помощи государства и, так или иначе, улучшить свое материальное положение относительно периода до заключения социального контракта. Тем не менее возникают ситуации, когда денежные средства при заключении социального контракта получают граждане не обладающие определенными предпринимательскими и общепрофессиональными компетенциями, которые необходимы для успехов в бизнесе. Именно поэтому встречаются случаи, когда социальный контракт не поспособствовал выходу индивида или целой семьи из трудной жизненной ситуации. Отсюда возникает необходимость дополнительного обучения тех граждан, которые решились заключить социальный контракт. В законодательной базе пункт об обучении присутствует, но он скорее является некоторым опциональным элементом, а не обязательным компонентом при заключении социального контракта. Население после заключения социального контракта в большинстве своем не нуждается в дополнительной помощи от государства, порядка 80% опрошенных готовы полностью отказаться от любой социальной помощи со стороны государства после заключения социального контракта.

Рис. 6. Распределение ответов респондентов на вопрос «Удалось ли Вам улучшить собственное материальное положение после заключения социального контракта?», %.

Таким образом, о возможности заключения социального контракта нуждающиеся граждане узнавали либо в самом центре помощи, по факту обращения для решения той или иной проблемы, либо от знакомых, заметно реже – в местных СМИ. Для граждан получение такой формы социальной помощи в новинку, поэтому они, как правило, долго принимали решение, но соглашались после беседы с сотрудником социальной службы. Ключевыми причинами заключения социального контракта жителями Алтайского края можно назвать следующие аспекты: во-первых, стремление стать финансово независимым, открыв свое дело, во-вторых, стремление улучшить качество жизни себя и

своей семьи, в-третьих, попробовать себя в новом деле, получив определенную государственную помощь. Те жители края, кто рассчитывает только на свои силы без помощи государства, видят в социальном контракте возможность открытия своего дела и обретение финансового благополучия, а те граждане, которые перманентно рассчитывают на помощь государства – считают такую меру поддержки лишь вариантом дополнительной помощи.

Процесс заключения социального контракта сопряжен с рядом сложностей для жителей региона. Основными сложностями являются процесс сбора документов, взятие на себя ответственности за свои действия в рамках реализации выделенных денежных средств, а также предоставление отчетности в социальный орган по факту освоения государственной помощи. Также гражданам приходится подождать определенный период времени, пока будет заключен этот самый контракт, ведь процесс оказывается достаточно бюрократизированным, сопряженным с рядом проверок документального и фактического характера. Процесс заключения контракта растягивался на срок от нескольких месяцев до полугода в наиболее сложных случаях.

Как правило, все виды помощи, а именно консультативная, финансовая, правовая и организационная в рамках заключения социального контракта, соответствуют ожиданиям индивида относительно данного процесса. Более того, большинство респондентов оказываются скорее удовлетворенными теми суммами, которые предоставляются на развитие бизнеса или развитие личного подсобного хозяйства. Не все граждане готовы отказаться от перманентной, ежемесячной социальной помощи со стороны государства в пользу социального контракта, так как для многих социальных субъектов классический вид государственной помощи представляется более надежным. Более того, для получения классического вида социальной помощи не требуется прилагать существенных усилий. При этом для большей части граждан социальный контракт выступает как реальная возможность финансовой, трудовой и профессиональной самореализации в актуальных условиях. Поэтому большинство опрошенных респондентов отмечают социальный контракт в качестве удачной альтернативы классическому виду социальной помощи со стороны государства.

Все же для граждан заключение социального контракта оказалось сопряжено с рядом недостатков, например, невозможность реализации государственной помощи по собственному желанию, необходимость четкого следования разработанному заранее социальному плану, общая ограниченность величины финансовой помощи от государства. Тем не менее ожидания от реализации практики заключения социального контракта, в целом, оправдались у большинства опрошенных респондентов, многим удалось улучшить свое материальное положение, а так выйти на самостоятельное обеспечение своих потребностей и потребностей своей семьи. Даже если индивиду не удалось существенно улучшить свое материальное положение – ему удалось обрести финансовую свободу и независимость от государственной социальной помощи, теперь социальный субъект чувствует себя общественно значимым и важным, поскольку выполняет определенную функцию в жизнедеятельности общества. Благодаря тому, что многие участники системы социального контракта в конечном итоге выходят на уровень самообеспечения материальных потребностей – снижается нагрузка на социальный бюджет страны, как следствие, сэкономленные денежные средства могут быть направлены в иные отрасли и сферы поддержки населения. При этом не стоит идеализировать социальный контракт как практику мер поддержки населения – встречаются случаи неудачного использования выделенных денежных средств, когда индивид даже после заключения социального контракта не может выйти на уровень

самообеспечения. Но все же большая часть примеров заключения социальных контрактов в Алтайском крае с положительным финалом, связанным с выходом на уровень финансового самообеспечения и общей независимости от помощи государства.

На основании проведенного социологического исследования были разработаны рекомендации, призванные увеличить эффективность практики социального контракта как практики мер поддержки населения.

1. Населению для заключения социального контракта необходимо собирать достаточно внушительный перечень документов, который должен быть предоставлен в соответствующий орган, занимающийся заключением социального контракта с населением. Необходимо упростить систему подачи документов следующими способами. В среднесрочной перспективе необходимо создать такую цифровую инфраструктуру, когда все документы для заключения социального контракта можно будет подавать в электронном виде, в том числе документы подтверждения дохода, подгружая необходимые документы через портал «Госуслуги», не посещая очно отделение социальной защиты. При этом необходимо сохранить классический способ подачи документов в очном формате для тех граждан, кто по тем или иным причинам не смог освоить систему электронной подачи документов в организацию. В долгосрочной перспективе необходимо создать межведомственную систему связей между органами социальной защиты, местной власти и иными структурами для увеличения скорости принятия решения относительно возможности заключения социального контракта в каждом отдельном случае.

2. Участники экспертного опроса и анкетирования отмечали, что существующих сумм выплат может оказаться недостаточно для открытия собственного дела в условиях достаточно высоких темпов инфляции. Поэтому необходимо решить вопрос с индексацией максимальных сумм при заключении социального контракта ежегодно на величину инфляции. Таким образом, будет обеспечена реальная жизнеспособность социального контракта как практики мер поддержки населения. В текущих реалиях целесообразно увеличить размер помощи при открытии собственного дела до 500 тысяч рублей, а на развитие личного подсобного хозяйства до 450 тысяч рублей. При таких суммах помощи реальные возможности населения в отношении обретения финансового благополучия заметно возрастут.

3. Очень важно для совершенствования системы социального контракта перманентно отслеживать результаты, связанные с финансовым благополучием тех семей, которые заключили социальный контракт, например, через 1 год после заключения, через 3 года после заключения и затем через 5 лет. Наиболее успешные кейсы следует институционализировать в постоянной практике заключения таких контрактов и распространять эти самые успешные примеры по всей России. Также важно наладить социальный контракт как практику превентивной помощи в трудной жизненной ситуации, а не как последнюю возможность исправить ситуацию, следовательно, очень важно работать с социальными рисками в жизнедеятельности граждан, например, семьи в трудной жизненной ситуации можно выявлять через поликлиники и школы.

4. В среднесрочной перспективе следует рассмотреть возможность закрепить обязательность обучения предпринимательским компетенциям при заключении социального контракта по развитию бизнеса или личного подсобного хозяйства. Разработка и внедрение соответствующей учебной программы позволят существенно повысить результативность и эффективность социального контракта как меры поддержки населения.

Таким образом, социальный контракт является инновационной формой социальной поддержки граждан, основанной не на патерналистском государственном обеспечении всех потребностей населения, а на предоставлении реальных финансовых и организационных возможностей по улучшению личного и семейного благосостояния. В перспективе данная мера поддержки может постепенно заместить традиционные варианты социального обеспечения нуждающихся слоев населения, что снизит общую нагрузку на социальную сферу бюджета государства.

Библиография

1. Аброскин А. С., Аброскина Н. А. Социальный контракт: программа с нереализованным потенциалом // Цели и пути устойчивого экономического развития: сборник научных статей по материалам IX Международной научно-практической конференции, Уфа, 21 октября 2022 года. Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "Научно-издательский центр "Вестник науки", 2023. С. 94-100.
2. Бистаяйкина Д. А., Давыдова Л. В. Востребованность социально-контрактных отношений в социальной поддержке малообеспеченных семей // E-Scio. 2024. № 8(71). С. 141-147.
3. Бобков В. Н., Гулюгина А. А., Одинцова Е. В. Методологические подходы к усилению адресности социальной поддержки малоимущих семей с детьми // Уровень жизни населения регионов России. 2022. № 1(211). С. 9-19.
4. Ветчинина Е. В. Развитие системы социальных контрактов на территории Российской Федерации // Экономика и социум. 2023. № 2(33). С. 308-310.
5. Давыдова Л. В., Бистаяйкина Д. А. Факторы, препятствующие социально-контрактным отношениям между семьей и государством // E-Scio. 2023. № 4(79). С. 249-253. EDN: WPQGBU
6. Данилкина И. С., Давыдова Л. В. Специфика социально-контрактных отношений между семьей и государством // E-Scio. 2023. № 3(78). С. 309-312. EDN: SKLZTQ
7. Забобурин М. А. Правовое регулирование оказания государственной социальной помощи на основании социального контракта // Студенческий. 2025. № 17-7(187). С. 50-53.
8. Калинина Д. С. Технология социальной помощи семье на основании социального контракта (по опыту Самарской области) // The Scientific Heritage. 2024. № 61-3(61). С. 62-67.
9. Карпенко О. А. Социальный контракт как институт развития занятости и современного предпринимательства // Ученые записки Тамбовского отделения РoCМУ. 2021. № 23. С. 16-26. EDN: KXMZPE
10. Котырло Е. С. Социальный контракт на Севере // ЭКО. 2012. № 4(454). С. 181-189. EDN: OXWZZZ
11. Лешко А. А. Некоторые проблемы внедрения института эффективного контракта в учреждениях социальной сферы // Вестник науки. 2022. № 3(12). С. 47-51.
12. Малофеев И. В. Социальный контракт как форма социальной поддержки населения // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2021. Т. 2, № 3. С. 26-29.
13. Малыгин А. А. Социальный контракт как инструмент устойчивого развития личных подсобных хозяйств // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2021. № 3(67). С. 31-36. DOI: 10.6060/snt.20216703.0004 EDN: GKQNGI
14. Орлова И. С. Социальный контракт как инструмент государственной политики по снижению уровня бедности // Управленческое консультирование. 2022. № 1(157). С. 139-146. DOI: 10.22394/1726-1139-2022-1-139-146 EDN: XGLACR
15. Пефтиев В. И., Краснова Г. Н. Социальное государство в России: новая повестка дня

// Мир русскоговорящих стран. 2023. № 2(12). С. 48-60.

16. Попович И. А., Карпенко А. В., Бабенко Д. М. Социальные проблемы трансформации занятости в России // Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов (шифр-МКАП 36): Сборник материалов XXXVI Международной научно-практической конференции, Москва, 13 января 2025 года. Москва: ООО "Издательство Академическая среда", 2025. С. 20-24. EDN: DEFCBF

17. Прожерин И. А. Социальный контракт как вид государственного социального обеспечения // Развитие общественных наук российскими студентами: сборник научных трудов, Краснодар, 30 апреля 2017 года. Том Выпуск VI. Краснодар: Общество с ограниченной ответственностью "Ассоциация молодых ученых", 2023. С. 156-159.

18. Ребров А. А. Социальная политика: понятие, направления, принципы, функции // Студенческий вестник. 2025. № 1-6(334). С. 47-50. EDN: BVLDDE

19. Серебрякова Н. А., Волкова С. А. Региональные компоненты обеспечения роста качества жизни населения (на примере Воронежской области) // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2024. № 1(63). С. 229-235.

20. Файков Д. Ю. Социальный контракт как инструмент стратегического развития муниципального образования // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2021. Т. 4, № 4. С. 55-61.

21. Шефрукова С. Т., Сутина Н. М. Государственная социальная помощь на основании социального контракта // Экономика и социум. 2023. № 4(47). С. 803-806.

22. Щека Н. Ю., Красильникова О. В. "Самообеспечение" как инновационная технология социальной работы с малообеспеченными семьями в Амурской области // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 56. С. 87-91.

23. Янцен А. В., Доронина П. Н. Социальная ответственность государства в сфере обеспечения социальной защиты населения // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 7(47). С. 274-277.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

1. Реализация одной из государственных мер поддержки – социального контракта испытывает потребность в детальном анализе её эффективности и существующих проблемах для принятия соответствующих управленческих решений. В комплексном социологическом исследовании авторами чётко прописаны основные цели и задачи изыскания, хорошо обоснованы предмет и объект исследования. 2. Стоит отметить хорошую проработку теоретического аппарата исследования. Данное исследование основано на принципах анализа и синтеза, используется деятельностный подход, который раскрывает государственную меру поддержки как практику. В свою очередь, стоит добавить акцент, какая именно теоретическая концепция была использована автором. Если, например, автором подразумевается теоретическая рамка П. Бурдьё, то можно также раскрыть структуру габитуса малоимущих и необеспеченных семей. 3. В начале своего сочинения авторами приводится последовательная аргументация актуальности исследования как в свете реализации данной программы на территории Российской Федерации, и, в частности, в Алтайском крае, где проблематика применения программы выражена наиболее сильно (депрессивный регион, как и указывает автор).

Дополнительно можно также усилить актуальность тем, что существующие меры направлены на решение следствия проблемной ситуации, в то время как работа над её причиной требует значительных финансовых и организационных усилий. 4. Научная новизна статьи заключается в постановке темы и потребности некоторого экспресс-анализа тех результатов, которые даёт проект социальной программы. Новизна также отмечается комплексным сочетанием методов количественных и качественных исследований, что позволяет грамотно оценивать происходящие процессы и находить причинно-следственные связи. В плане дизайна исследование отличается хорошей продуманностью и тщательностью, методологическое решение можно считать традиционным для решения подобного рода задач в прикладной социологии. 5. Стиль написания статьи относится к научному, вместе с тем простому для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории. Структура работы отличается логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть и заключение. Единственное, что в тексте статьи можно было бы, например, добавить подзаголовки или краткие блоки текста для доступной ориентации читателя по тексту статьи. В публикации показаны смысловые переходы между частями текста и линиями повествования.

По ряду содержательных аспектов публикации есть несколько комментариев и замечаний.

Во-первых, при представлении анализа государственной программы социального контракта во введении было бы выигрышным кратко представить анализ основных нормативно-правовых актов, по которым осуществляется программа. Это может показать основные цели программы и, вероятно, противоречия, которые в ней присутствовали на начальном этапе или проявились позже, во время её реализации. Во-вторых, в целом, исследование может хорошо выиграть, если в него будет добавлена аналитика деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства, которые начинали и осуществляли свою деятельность в рамках социального контракта в данном субъекте РФ, привести краткую справку его экономического состояния. В-третьих, по ходу текста статьи намечается ещё одна важная проблема, которая в некоторой степени типична для реализации ряда социальных проектов – отсутствие системного подхода и одновременно с этим «гонка за показателями» методом «любой ценой». Конкретно в данном случае – отсутствие рекрутингового фильтра и минимального обучения для грамотного использования гражданами меры господдержки. В-четвёртых, реализация программы также сопряжена ещё с фактором конкуренции на рынке. Условно говоря, мелким розничным предпринимателям, например, в сфере FMCG в тех же сёлах достаточно сложно конкурировать с более крупными игроками – «Пятёрочками», «Чижиками» и т.д., которые занимают выгодные помещения и имеют гораздо больше ресурсов для реализации продукции по сравнению с ними. В-пятых, в статье представлена нечитаемая визуализация данных. Вместо «разноцветных» вертикальных столбиковых диаграмм лучше вставить одноцветные горизонтальные. При выборе подписей данных лучше полностью убрать сетку значений и убрать её легенду. Рисунок 1 рекомендуется переделать из «макаронного» в график с акцентированными значениями. Данные рисунков 5 и 6 отсортировать по убыванию. Рисунок 3 переделать в читаемый график. В остальном, для визуализаций может помочь книга А. Богачёва «Графики, которые убеждают всех» 2024 г. Также в тексте присутствуют незначительные опечатки, которые можно легко исправить "в последствии" и другие. 6. Библиографический список статьи, демонстрирует комплексность и разносторонность исследования: всего список литературы включает в себя 23 позиции. В него входят преимущественно отечественные исследования. Возможно, его можно будет также дополнить исследованиями, посвящёнными аналогичным темам или решениям, которые

изучали зарубежные авторы. Библиография статьи обладает особенностью быть путеводителем как с научной, так и с просветительской точки зрения: после внимательного изучения статьи читатели и эксперты могут обратиться к другим важным материалам по данной теме. 7. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, а также широкого и подробного анализа отечественной литературы, проанализированной авторами в ходе работы над темой статьи. 8. При всём обширном и детальном комплексе исследования, которое провели авторы, резюмирующая часть задаёт новые направления обсуждения предмета исследования. Помимо этого, также можно отметить, что представленная на рецензирование публикация освещает тему, которая имеет высокую значимость для российского общества. Закономерно, что вследствие этого статья будет интересна академическому сообществу, экспертам в области социальной политики и рядовым гражданам нашей страны. Полученные результаты имеют высокую вероятность быть применёнными на стратегических и экспертных сессиях, могут быть использованы в специализированных курсах лекций по социологии. Таким образом, по результатам экспертизы установлено, что статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Социодинамика» с рядом содержательных доработок.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является социальный контракт как практика мер поддержки населения на материалах социологического исследования в Алтайском крае.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье в рамках системного и структурно-функционального подходов были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, а также, как отмечается в статье, был применен «метод экспертного опроса в форме глубинного интервью» и метод анкетного опроса.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку в современных условиях развития общества и особенностей экономических отношений проблема бедности отдельных социальных групп населения имеет особое значение. Поэтому поиск эффективных мер и механизмов поддержки малоимущих граждан и отдельных домохозяйств является одной из важнейших задач, стоящих не только перед государством, но и перед бизнесом и некоммерческим общественным сектором, что должно предполагать применение комплексного подхода и приложение совместных усилий в решении этой проблемы. В этом контексте изучение социального контракта как практики мер поддержки населения на материалах социологического исследования в Алтайском крае представляет научный интерес в сообществе ученых и практический интерес в профессиональном сообществе. Научная новизна представленной работы заключается в проведении по авторской методике исследования, направленного на изучение социального контракта как практики мер поддержки населения на материалах социологического исследования в

Алтайском крае, а также описании и анализе полученных результатов. В ходе социологического исследования и получения необходимых данных для его проведения были опрошены путем анкетирования 137 респондентов из числа жителей Алтайского края, заключивших социальный контракт «на развитие бизнеса, личного подсобного хозяйства, поиск работы или на разовую помощь в течение последних четырех лет», а в глубинных интервью приняли участие 15 экспертов, в качестве которых стали представители Алтайского краевого Законодательного собрания, руководства учреждений социальной защиты в районах Алтайского края и городе Барнауле и работники, занимающиеся оформлением социального контракта.

Статья написана языком научного стиля с изложением в тексте исследования различных позиций ученых к изучаемой проблеме и применением научной терминологии и дефиниций, характеризующих предмет исследования, а также наглядной демонстрацией и описанием полученных результатов исследования.

Структуру статьи, в целом можно считать выдержанной с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. В структуре данного исследования представлены такие элементы как вводная часть, основная часть, заключительная часть и библиография.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет выявленные в ходе исследования и отмеченные тенденции, характеризующие мнения респондентов по вопросу «Какие недостатки заключения социального контракта лично для себя Вы выявили?», что наглядно представлено на рисунке 4 рукописи.

Библиография содержит 23 источника, включающих в себя отечественные периодические и неперiodические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующие особенности реализации социального контракта как особой меры поддержки нуждающихся граждан и домохозяйств. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, изложенные в заключительной части, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что применение социального контракта как меры поддержки населения выступает уникальным инструментом, позволяющим, с одной стороны, обеспечить финансовую помощь, а с другой стороны, дающим возможность улучшить материальное благосостояние и мотивировать к дальнейшему развитию, что, в конечном итоге приведет к позитивным эффектам как для государства, так и граждан, заключивших социальный контракт.

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководством и работниками органов государственной исполнительной власти и органов местного самоуправления, в ведении которых находятся вопросы социальной поддержки граждан, представителями законодательной власти, социологами, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить то, что при оформлении рисунков необходимо обратить внимание на требования действующего ГОСТа, оформить их в соответствии с этими требованиями. Кроме кратких выводов можно все-таки было бы сформулировать и обобщающее заключение, поскольку именно оно создает впечатление законченности и логической завершенности проведенного исследования. Следует обратить внимание на то, что в названии рисунка 5 содержится незначительная техническая ошибка, а именно, отсутствие слова «контракт», в частности, название представлено следующим образом: «Рис. 5. Распределение ответов респондентов на

вопрос «По Вашему мнению, является ли социальный удачной альтернативой социальным выплатам регулярного характера?», %». Указанные недостатки не снижают высокую степень научной и практической значимости самого исследования, а скорее, относятся к особенностям подачи материала и оформления текста статьи. С учетом незначительности указанных замечаний и, конечно же, после их устранения, несомненно, рукопись рекомендуется опубликовать.

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Винокурова У.А., Филиппова Д.Н. Перспективы трудоустройства в Арктической зоне РФ: ожидания студенческой молодежи университетов Арктики // Социодинамика. 2025. № 12. DOI: 10.25136/2409-7144.2025.12.76709 EDN: MFNKND URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76709

Перспективы трудоустройства в Арктической зоне РФ: ожидания студенческой молодежи университетов Арктики

Винокурова Ульяна Алексеевна

ORCID: 0000-0001-9404-3260

доктор социологических наук, кандидат психологических наук

руководитель Научно-исследовательского центра циркумполярной цивилизации; Арктический государственный институт культуры и искусств

677000, Россия, респ. Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Орджоникидзе, д. 4

✉ uottaah1707@gmail.com

Филиппова Дария Николаевна

ORCID: 0009-0001-4600-386X

младший научный сотрудник отдела этносоциологии; Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

677027, Россия, респ. Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Петровского, д. 1

✉ daryaefimova91@yandex.ru

[Статья из рубрики "Человек и труд"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2025.12.76709

EDN:

MFNKND

Дата направления статьи в редакцию:

11-11-2025

Дата публикации:

17-12-2025

Аннотация: В статье рассматриваются перспективы трудоустройства в Арктике в ожиданиях студентов университетов Арктики. Российское студенчество является

важнейшим ресурсом человеческого и интеллектуального капитала России. Однако в Арктической зоне РФ отмечается отток молодого населения. Почему уезжает молодежь Арктики? Что делать, чтобы выпускники вузов оставались жить и работать в Арктике? Цель: изучение мнения студенческой молодежи о перспективах трудоустройства в Арктике. Задачи: изучение соответствующей теме литературы, анализ объективной ситуации на рынке труда в Арктической зоне РФ, анализ профессиональных ожиданий и планов студентов. Предмет исследования: мнение студенческой молодежи о перспективах трудоустройства в Арктике. Гипотеза: перспективы трудоустройства в Арктике являются определяющими факторами формирования жизненных ориентиров и ценностей студентов. Эмпирическая база исследования – анализ анкетного сравнительного опроса «Жить Арктикой», проведенного в 2017–2019 гг. (N-441) и 2024 гг. (N-441) среди студентов Северо-Восточного федерального университета (город Якутск), Северного (Арктического) федерального университета (город Архангельск) и Мурманского арктического университета (город Мурманск). Научная новизна: впервые изучено мнение студенческой молодежи о перспективах трудоустройства в Арктической зоне РФ. Мониторинг установил, что увеличилась на 15% в Мурманской области и на 7% доля студентов Архангельской области, намеренных остаться в Арктике, так как «здесь есть условия для карьеры по специальности». Гипотеза подтвердилась: перспективы трудоустройства в Арктике являются определяющими факторами формирования жизненных ориентиров и ценностей студентов. Главной проблемой при трудоустройстве выпускников вузов является не недостаток наличия вакансий, а его специфика наполненности предложениями от предприятий. Профессиональные притязания, личностная реализация являются одними из ключевых ценностных установок и жизненных ориентиров молодежи, поэтому в арктических регионах необходимо совершенствовать взаимодействие профессиональных образовательных организаций и рынка труда.

Ключевые слова:

социальные процессы, Арктическая зона РФ, Российская Арктика, студенческая молодежь, перспективы трудоустройства, работа в Арктике, университеты Арктики, Республика Саха Якутия, Мурманская область, Архангельская область

Информация о финансовой поддержке исследования: инициативное исследование.

Funding: author's initiative research.

Актуальность исследования. На современном этапе развития российского государства особое внимание уделяется развитию Арктической зоны, которая имеет ряд объективных особенностей по сравнению с другими регионами России. К числу таких особенностей, прежде всего, относятся такие, как климат, экономическая сфера, ресурсы, социокультурная среда. Одной из проблем, стоящих перед территориями Арктики, является миграция населения, прежде всего, отток молодежи, получившей образование в университетах Арктики. В этом контексте изучение перспектив трудоустройства в Арктике через ожидания студентов университетов Арктики представляет научный интерес в сообществе ученых, а также, несомненно, практический интерес в профессиональном сообществе. С 2000-х годов по настоящее время наблюдается отток молодого трудоспособного населения из Арктической зоны Российской Федерации. Для АЗ РФ в

целом характерны неблагоприятные демографические тенденции: пандемия COVID-19 существенно сказалась на потерях населения, остается отрицательным миграционный прирост. «Население в молодых возрастах выбывает из Арктической зоны РФ в целях образовательной миграции, но при этом существует и высокий потенциал возврата в арктические регионы после получения образования, особенно молодых мужчин», следует из исследования Е. А. Хотеева., И. С. Степуть [15].

Почему уезжает молодежь Арктики? Что делать, чтобы выпускники вузов оставались жить и работать в Арктике? Цель исследования: изучение мнения студенческой молодежи о перспективах трудоустройства в Арктике. Задачи: изучение соответствующей теме литературы, анализ объективной ситуации на рынке труда в Арктической зоне РФ, анализ профессиональных ожиданий и планов студентов. Предмет исследования: мнение студенческой молодежи о перспективах трудоустройства в Арктике. Гипотеза: жизненные ориентиры и ценностные установки являются одними из главных факторов в формировании планов и восприятии перспектив трудоустройства в Арктике у студенческой молодежи.

Научная новизна заключается в проведении исследования по авторской методике, направленного на изучение перспектив трудоустройства в Арктике через ожидания студентов университетов Арктики. Российское студенчество является важнейшим ресурсом человеческого и интеллектуального капитала России. В настоящее время численность этой социальной группы составляет 4325.3 тыс. человек [4].

В зарубежных источниках исследователи актуализируют внимание общества к обсуждению Целей устойчивого развития ООН в дискурсе развития арктических регионов. «Успешная реализация ЦУР в Арктике может быть достигнута только посредством открытого и плюралистического диалога между глобальными и арктическими заинтересованными сторонами при участии, равноправном партнерстве и под руководством коренных народов Арктики... этот процесс мог бы начаться с пересмотра существующих 17 целей и создания пяти новых («Устойчивое управление и права коренных народов», «Устойчивые коренные сообщества», «Системы жизнеобеспечения и знаний», «Жизнь во льдах и вечной мерзлоте», «Справедливость и равенство в доступе к природным ресурсам» и «Инвестиции в молодежь и будущие поколения»), которые отражают знания коренных народов и их стремление к устойчивому развитию» [16].

На территории АЗ РФ действуют 14 вузов, включая филиалы, в них обучается около 30 тысяч студентов. 61% выпускников арктических вузов остаются работать в регионах Арктики, а 20% трудоустроенных в Российской Арктике окончили арктические вузы, 160 университетов со всей страны поставляют кадры для Арктики согласно данным Департамента государственной политики и воспитательной деятельности Министерства образования РФ за 2017-2020 гг. [2].

Рынок труда в 2018 году в субъектах Арктической зоны РФ характеризуется дисбалансом между спросом (10 536 специалистов в рамках среднесрочной потребности) и предложением (61 424 обучающихся в вузах региона) трудовых ресурсов, выделили К.С. Зайков, Н.А. Кондратов, Е.В. Кудряшова, А.М. Тамицкий. «Для снижения дисбаланса при дефиците инженерных кадров и переизбытке специалистов в сфере управления и услуг Министерство науки и высшего образования РФ снижает контрольные цифры приема в вузах региона по направлениям подготовки «Управление», «Менеджмент» и увеличивает набор на технические (инженерные) и естественнонаучные направления подготовки» [8].

Составленный И. С. Степуть и С.В. Шабаетой в 2019 году перечень арктических профессий, отвечающий текущим и перспективным запросам рынка труда дополнен «профессиями будущего» для АЗ РФ - это «автопилот», «оператор автоматизированных транспортных систем», «специалист по навигации в условиях Арктики», «сетевой врач», «IT-медик», «метеоэнергетик», «специалист по локальным системам энергосбережения», «системный горный инженер», «оператор беспилотных летательных аппаратов для разведки месторождений», «проектировщик промышленной робототехники», «проектировщик-эргономист» [13]. Перечень может служить основой для формирования конкурентоспособных региональных систем непрерывного образования, повышающих инвестиционную привлекательность арктических регионов, а также содействующих кадровому обеспечению этих стратегически важных территорий России [13].

«Высокие притязания молодежи в материальной, профессиональной и образовательной сферах вступают в противоречие с объективно существующими возможностями регионов, имеющих периферийный статус. Это приводит к усилению центростремительных тенденций в миграционном поведении молодых северян» [11].

Исследователи выделяют, что студенческая молодежь Мурманской области выделяют насущные проблемы субъектов РФ: климатических, экологических и социальных проблем. «Среди них чаще всего упоминаются проблемы недостаточного количества рабочих мест для трудоустройства и невысокого уровня доходов по сравнению с тратами на жизнеобеспечение на Кольском Севере. В данной связи информанты говорят о необходимости повышения уровня жизни и заработной платы» [7].

Также отсутствие рабочих мест по полученной специальности или желание получить узкую специальность может мотивировать выпускников выезжать в другие города, регионы – прежде всего в Москву и Санкт-Петербург [10].

Политика удержания молодежи в конкретном сообществе должна основываться на развитии существующих и создании новых экономических и социальных стимулов, направленных на усиление факторов, способствующих благополучию молодежи, считают исследователи. «Если социальная среда Арктического региона продолжит становиться более благоприятной и ориентированной на человека, арктические промышленные города смогут успешно конкурировать с другими городами за лучших, самых инновационных и креативных людей, которые сыграют решающую роль в развитии» [17].

Методология и методы исследования. Для изучения ценностного отношения к Арктике авторами была подготовлена анкета «Жить Арктикой» на основе положений об арктической циркумполярной цивилизации, которая раскрывает ценности народов Арктики. Теория арктической циркумполярной цивилизации разработана на принципах Indigenous Methodology — методологии, разрабатываемой учеными из числа коренных народов, которая позволяет взглянуть на Арктику «изнутри» [5]. Опросник анкеты «Жить Арктикой» состоит из 32 вопросов, 4 блоков: «Я и Арктика», «Образы и смыслы Арктики», «Настоящее и будущее Арктики» и «Данные о себе». В рамках исследования «Арктика в ценностях студентов университетов Арктики» изучены взгляды студенческой молодежи, обучающейся в Северо-Восточном федеральном университете имени М.К. Аммосова Республики Саха (Якутия), Северном (Арктическом) федеральном университете имени М. В. Ломоносова Архангельской области и Мурманском арктическом (ранее – государственном) университете Мурманской области. Ввод и обработка результатов проводились в программе SPSS.

Анкетный опрос «Жить Арктикой» проведен в 2017–2019 годах (N=441), повторно в 2024 году (N=441). Генеральная совокупность (т. е. общее количество представителей трех вузов) – 23 463 студента очного обучения (бакалавры, магистранты, специалисты). Доверительная вероятность (точность) – 95 %, доверительный интервал (погрешность, ± %) – 5 %. Выборка респондентов была сформирована с учетом пола, возраста, курса и направления обучения студентов. Анкеты заполнялись студентами в бумажном формате в учебных и жилых корпусах университетов.

В 2024 году проведено повторное панельное исследование, анкетирование охватило 178 студентов из Якутска Республики Саха (Якутия) (Северо-Восточный федеральный университет), 134 студента из Архангельска Архангельской области (Северный (Арктический) федеральный университет) и 129 студентов Мурманска Мурманской области (Мурманский арктический университет). Всего респондентов – 441, генеральная совокупность – 23 513 студента очного обучения (бакалавры, магистранты, специалисты). Доверительная вероятность (точность) – 95 %, доверительный интервал (погрешность, ± %) – 5 %. Выборка соответствует контингенту студентов вузов по полу, возрасту, курсам и направлениям подготовки. Студенты заполняли анкеты на платформе Яндекс.формы [\[14\]](#).

Результаты и обсуждение. Респонденты определили наиболее перспективные сферы для работы молодых людей в Арктике. Опрошенные студенты выбрали 5 вариантов из 28 предложенных. Ответы студентов разных вузов отличаются, и можно в ответах студентов отследить локальные тренды развития рынка труда (таблица 1).

Сфера	СВФУ 2019	СВФУ 2024	МАГУ 2019	МАУ 2024	САФУ 2019	САФУ 2024
инновационная экономика	17	20	15	16	14	10
добывающая промышленность (нефтегазовый сектор, освоение минеральных ресурсов и цветной металлургии)	44	57	48	53	52	63
морской транспорт, судоходство	15	34	74	66	61	58
автомобильный, железнодорожный, авиационный виды транспорта	24	27	4	16	12	18
гражданское строительство	12	19	4	9	8	15
связь	25	26	7	9	12	14
машиностроение	6	11	7	5	9	10
торговля	24	31	19	19	12	18
сельское хозяйство	27	26	0	5	3	5
военное дело	6	9	52	42	30	23
общественное питание	5	7	4	5	6	1

бытовое обслуживание населения	6	4	3	5	9	4
здравоохранение	17	16	15	16	19	14
физкультура и спорт	23	15	22	12	6	2
образование	27	20	18	19	17	19
наука и научное обслуживание	14	21	17	18	24	23
геология, геоинформационные технологии	18	13	31	23	32	21
кредитование, финансы, страхование	7	4	5	1	3	5
финансовая сфера	7	8	4	5	6	3
культура, искусство, туризм	29	26	19	20	27	18
государственное и муниципальное управление	14	7	8	11	8	5
обеспечение безопасности населения	9	8	15	5	7	8
традиционные виды деятельности (рыбопромышленный комплекс и оленеводчество)	15	11	16	12	14	15
природоохранная деятельность в резерватах, заповедниках, территориях традиционного природопользования, экологический надзор	18	17	20	22	22	14
международное сотрудничество	11	15	38	13	26	11
другое	0	5	4	2	3	7
затрудняюсь ответить	5	7	1	5	1	4

Таблица 1. Ответы на вопрос «Какие, на Ваш взгляд, сферы являются наиболее перспективными для работы молодых людей в Арктике?», %. Составлено авторами по итогам исследования

Студенты Северо-Восточного федерального университета выделили как наиболее перспективные сферы: «добывающую промышленность (нефтегазовый сектор, освоение минеральных ресурсов и цветной металлургии)» (57%), «морской транспорт, судоходство» (34%), «торговлю» (31%), «автомобильный, железнодорожный,

авиационный виды транспорта» (27%). Каждый четвертый студент СВФУ выбрал «сельское хозяйство» (26%). Выбор сельского хозяйства среди студентов из Якутии скорее всего связан с распространенностью традиционных видов деятельности северян – скотоводством и оленеводством. Также студенты СВФУ чаще отмечали вариант «связь», отмечая перспективы для развития якутской Арктики с внедрением высокоскоростного доступного для населения интернета.

Большое количество студентов Мурманского арктического университета (66%) отметили «морской транспорт, судоходство», «добывающая промышленность (нефтегазовый сектор, освоение минеральных ресурсов и цветной металлургии)» (53%), «военное дело» (42%), «геология» (23%).

Добывающая промышленность является наиболее перспективной, по мнению студентов Северного (Арктического) федерального университета (63%), далее «морской транспорт, судоходство» (58%), каждый четвертый (23%) выбирали «военное дело» и «наука, научное обслуживание».

Анализ ответов студентов университетов Арктики выявил, что наиболее актуальными проблемы для современной молодежи Арктики являются «недостаточная продуманность и системность механизма притяжения талантливых, творческих, квалифицированных кадров» (55-63%) (таблица 2). 5 лет назад половина студентов определили проблему безработицы для современной молодежи как одну из главных (43-55%). Однако на данный момент эту проблему стали выбирать практически в 2 раза реже, уже не половина опрошенных, а треть, а в Мурманске – 26%.

Проблемы	СВФУ 2019	СВФУ 2024	МАГУ 2019	МАУ 2024	САФУ 2019	САФУ 2024
недостаточная продуманность и системность механизма притяжения талантливых, творческих, квалифицированных кадров для работы в Арктике	57	63	65	59	60	55
преодоление поведенческих и ментальных барьеров пассивного отношения к социальным проблемам Арктики	41	41	39	31	40	40
специфическая направленность рынка труда в арктических регионах	31	30	40	47	38	43

отсутствие целенаправленной государственной политики в Арктике	31	30	24	32	32	28
слабая профессиональная подготовка и слабость творческой энергии, духа предприимчивости	39	26	46	34	35	37
безработица	55	37	45	26	43	28
другое	1	14	1	17	4	11

Таблица 2. Ответы на вопросы «Какие проблемы считаете актуальными для современной молодежи Арктики?», %. Составлено авторами по итогам исследования

В МАУ и САФУ студенческая молодежь отметила специфическую направленность рынка труда в арктических регионах. 40-41% студентов федеральных вузов проявляют активность к социальным проблемам Арктики, при этом студенты МАУ недовольны низким уровнем, студенты СВФУ – отсутствием досуговых пространств, студенты САФУ – недостаточным предложением соответствующих профессий.

Несмотря на опережающий рост численности занятых в АЗРФ, территория сталкивается с дефицитом трудовых ресурсов, который может усилиться на фоне реализации крупных инвестиционных проектов без активной миграционной и кадровой политики.

Согласно данным анализа данных второй волны всероссийского мониторингового исследования «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии», проведенного Институтом социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, «нынешнее поколение студентов, в полной мере испытавшее кризисы и «большие вызовы» последних лет в качестве наиболее актуальных тревог настоящего и будущего определило для себя: 1) рост цен на товары и услуги; 2) проведение специальной военной операции и мобилизацию; 3) безработицу; 4) высокий уровень коррупции и 5) ухудшение экологической обстановки» [\[9\]](#).

В данном исследовании А. Е. Захаровой, У. А. Винокуровой установлено, что основными мотивами смены места жительства являются отсутствие перспектив для карьеры и неудовлетворенность уровнем зарплат [\[9\]](#). Н.Н. Глушач, З.Т. Кинфу выявили, что у молодежи установки, не соответствующие реальному рынку труда, отмечается «перекося на рынке труда предложений однотипных профессий выпускников учебных заведений и недостаток узкопрофильных специалистов; предлагаемые вакансии мало интересуют молодежь, т.к. со стороны работодателей предлагается незначительное число качественных рабочих мест» [\[6\]](#).

Рассмотрим миграционные настроения опрошенной студенческой молодежи (таблица 3). Практически половина студентов еще не определилась с намерениями – оставаться ли в Арктике после получения высшего образования. Ответ «Да, останусь здесь, так как я местный житель, выбрала 1/3 студентов СВФУ (33%) и МАУ (30%), ¼ студентов САФУ – 21%. По сравнению с данными 2017-2019 гг. – студентов, планирующих остаться в Арктике после окончания учебы, стало больше. Так, планируют оставаться в Арктике,

потому что «здесь есть условия для карьеры по специальности» в МАУ 18% и 15% в САФУ. Уехать за пределы Арктики намерены меньше студентов – 12-19% в вузах.

Варианты ответов	СВФУ 2019	СВФУ 2024	МАГУ 2019	МАУ 2024	САФУ 2019	САФУ 2024
Да, останусь здесь, так как я местный житель	26	33	22	30	17	21
Да, останусь здесь, так как здесь есть условия для карьеры по специальности	7	8	3	18	8	15
Не определился (ась) еще	41	46	53	40	46	42
Нет, перееду на другую территорию Арктики	2	2	0	2	1	3
Нет, уеду за пределы Арктики	23	12	20	10	24	19

Таблица 3. Ответы на вопрос «Намерены ли Вы остаться в Арктике сразу после окончания учебы?», %. Составлено авторами по итогам исследования

Наибольшее количество будущих выпускников, готовых постоянно работать в Арктике (выбор ответа «да, там, где живу в настоящее время»), определено по итогам опроса в Мурманском государственном университете (МАУ) – это 39 %, что больше, чем 5 лет назад в этом же вузе на 13 %. Аналогичная ситуация сложилась и в Северном (Арктическом) федеральном университете (САФУ) – здесь также увеличилось число приверженцев Арктики в два раза и составило треть опрошенных (29 %). Уменьшилось количество отрицательных ответов в МАУ и САФУ на 10%, в среднем – 27,6% (против 35,3 в 2019 г.) [\[14\]](#).

На выбор дальнейшего места работы и жительства влияет и качество жизни в определенном населенном пункте. Согласно исследованию ВЦИОМ и АНО «Диалог», жители Арктики наиболее остро воспринимают рост стоимости жизни, ухудшение дорог, снижение качества образования и ограниченные возможности трудоустройства [\[12\]](#).

В 2023 году Правительство Российской Федерации утвердило перечень 16 опорных населенных пунктов (агломераций) АЗ РФ. Планируется, что к 2035 году в Мурманской агломерации будут проживать 378 тысяч человек, из них 231 тысяча – занятые. Инвестиции в основной капитал достигнут 3 843 млрд. рублей, а валовой городской продукт достигнет показателей +186%. Проекты: увеличение провозной способности

Мурманского транспортного узла и газификация [\[3\]](#).

Архангельская агломерация охватит к 2-35 году 210 тысяч занятого населения, 1 046 млрд. рублей инвестиций в основной капитал и +81 к валовому городскому продукту. Планируется строительство глубоководного района морского порта Архангельск и Межвузовского мирового уровня «Арктическая звезда» [\[3\]](#).

В Якутии создается агломерация Тикси-Найба и планируется строительство глубоководного порта в районе села Найба и комплексного здания для совместного размещения аварийно-спасательных служб МЧС России и ФМБА России [\[3\]](#).

Амбициозные инвестиционные проекты ориентированы: на выполнение функции в области обеспечения национальной безопасности; на выполнение функции базы для развития минерально-сырьевых центров, на реализацию экономических или инфраструктурных проектов. Будут созданы рабочие места и возрастет необходимость в кадрах.

Агарков С.А. рассматривает подходы к повышению эффективности формирования человеческого капитала в условиях вызовов современности, особое внимание уделяя роли университетов в кадровом обеспечении наукоемкого развития региональной экономики. «Обоснована необходимость трансформации регионального пространства знаний и инноваций под задачи наукоемкого развития арктической экономики и перехода к индустрии 4.0... переход к новой модели организации пространства знаний и инноваций (с акцентом на НБИК и СТЕМ) позволит обеспечить воспроизводственный процесс формирования нового качества человеческого капитала для формирования экономики (промышленности) новой (шестой) технологической волны» [\[1\]](#).

Выводы. В выборе ответов студентов отражаются региональные особенности рынка труда, также отражаются и изменения, процессы на мировой арене. Выявлено, что по мнению студентов – будущих выпускников университета Арктики, наиболее перспективными являются сферы: добывающая промышленность (нефтегазовый сектор, освоение минеральных ресурсов и цветной металлургии); морской транспорт, судоходство; военное дело; культура, искусство, туризм; геология, геоинформационные технологии; торговля; образование; наука и научное обслуживание; международное сотрудничество; природоохранная деятельность в резерватах, заповедниках, территориях традиционного природопользования, экологический надзор.

Несмотря на опережающий рост численности занятых в АЗ РФ, территория сталкивается с дефицитом трудовых ресурсов, который может усилиться на фоне реализации крупных инвестиционных проектов без активной миграционной и кадровой политики, отмечают эксперты. Так, к 2035 году потребность экономики АЗ РФ в кадрах насчитывает 140 тыс.ч. (+13% рост производительности труда к 2035 г.) [\[12\]](#).

Мониторинг установил, что увеличилась на 15% в Мурманской области и на 7% доля студентов Архангельской области, намеренных остаться в Арктике, так как «здесь есть условия для карьеры по специальности». Гипотеза подтвердилась: жизненные ориентиры и ценностные установки являются одними из главных факторов в формировании планов и восприятии перспектив трудоустройства в Арктике у студенческой молодежи.

Авторы считают, что необходим рекрутинг старшекурсников, выпускников вузов и ссузов администрациями и предприятиями МО для привлечения и закрепления молодежи в арктических регионах. Приоритетное решение региональными и федеральными органами

власти наиболее актуальных вопросов и проблем молодежи: ускоренное инфраструктурное развитие, повышение качества жизни, обеспечение транспортной доступности, поддержка местных кадров для привлечения по госпрограммам «Земский учитель», «Земский врач» и др.

Главной проблемой при трудоустройстве выпускников вузов является не недостаток наличия вакансий, а его специфика наполненности предложениями от предприятий. Профессиональные притязания, личностная реализация являются одними из ключевых ценностных установок и жизненных ориентиров молодежи, поэтому в арктических регионах необходимо совершенствовать взаимодействие профессиональных образовательных организаций и рынка труда.

Перспективы исследования: дальнейший мониторинг жизненных планов и ориентиров студенческой и рабочей молодежи АЗ РФ, изучение жизненных траекторий участников государственных программ «Земский доктор», «Земский врач».

Благодарности. Выражаем признательность за содействие в организации анкетирования коллектив Управления студенческим развитием Северо-Восточного федерального университета в лице С. П. Новгородовой и С. И. Нестеревой; лидеров молодежной организации «Зема» районов и улусов А. Софронова и А. Новгородова; руководство Мурманского арктического университета и д. с. н., профессора, зав. кафедрой философии и социальных наук МАУ Г. В. Жигунову и руководителя научно-исследовательской лаборатории социологических исследований, к. соц. н. Е.Н Шарову; руководство Северного (Арктического) федерального университета и к. ф-м. н., директора Начальника научно-исследовательского управления САФУ С. В. Рябченко, к.и.н., директора Института стратегического развития Арктики САФУ А. А. Сабурова.

Библиография

1. Агарков, С. А. Воспроизводство человеческого капитала для новой экономики Арктики: вызовы и решения (на примере Мурманской области) // Непрерывное образование: XXI век. – 2023. – Вып. 4 (44). – DOI: 10.15393/j5.art.2023.8864 EDN: KRPAWS.
2. Аналитический сборник "Арктика в цифрах". Комиссия Государственного Совета Российской Федерации по направлению "Северный морской путь и Арктика", Правительство Мурманской области, Факультет городского и регионального развития НИУ ВШЭ. 2024. С. 88. URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://minec.gov-murman.ru/activities/arktika-v-tsifrakh> (дата обращения: 11.11.2025).
3. Аналитический сборник "Арктика в цифрах". Комиссия Государственного Совета Российской Федерации по направлению "Северный морской путь и Арктика", Правительство Мурманской области. 2025. URL: <https://nashsever51.ru/v2/files/researches/%D0%90%D1%80%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85%202025.pdf> (дата обращения: 11.11.2025).
4. Варламова, Т. А., Гохберг, Л. М., Зорина, О. А. и др. Образование в цифрах, 2024: краткий статистический сборник / Нац. исслед. ун-т "Высшая школа экономики". – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. – С. 44.
5. Винокурова, У. А., Яковец, Ю. В. Арктическая циркумполярная цивилизация. –

Новосибирск, 2016. – 320 с. EDN: YSUDTX.

6. Глушач, Н. Н., Кинфу, З. Т. Тенденции эффективного самообразования российской молодёжи в перспективе трудоустройства // Открытое образование. 2017. № 5. DOI: 10.21686/1818-4243-2017-5-97-106. EDN: ZSHIKV.

7. Жигунова, Г. В., Шарова, Е. Н. Оценка привлекательности жизни в Российской Арктике (на примере Мурманской области) // Теория и практика общественного развития. 2023. № 6 (182). С. 33-42. DOI: 10.24158/tipor.2023.6.3. EDN: XNWKCN.

8. Зайков, К. С., Кондратов, Н. А., Кудряшова, Е. В., Тамицкий, А. М. Потребность субъектов Арктической зоны РФ в трудовых ресурсах // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 6. С. 184-201. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.11. EDN: YSQETZ.

9. Захарова, А. Е., Винокурова, У. А. Образ будущего в ценностях молодежи Якутии // Студенты России: гражданская культура и политическое поведение: [монография] / Н. М. Великая, А. Р. Атласкиров, Д. Ц. Будаева [и др.]; под ред. Н. М. Великой; ФНИСЦ РАН. – М.: Мир науки, 2025. – 640 с. DOI: 10.15862/02LSNP25.

10. Козлов, Д. В., Платонова, Д. П., Лешуков, О. В. Где учиться и где работать: межрегиональная мобильность студентов и выпускников университетов / Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", Институт образования. – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – 32 с. (Современная аналитика образования. № 4 (12)).

11. Недосека, Е. В., Шарова, Е. Н. Особенности жизненных стратегий молодежи в условиях Арктики // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 355-375. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1611. EDN: TWRKYT.

12. Развитие Арктической зоны Российской Федерации. ФАНУ "Востокгосплан". – Москва, 2025. – 80 с. URL: https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/digest_arctic_2025.pdf (дата обращения: 11.11.2025).

13. Степусь, И. С., Шабаева, С. В. Настоящее и будущее рынка труда регионов Арктической зоны России: востребованные профессии // Непрерывное образование: XXI век. 2019. № 3 (27). DOI: 10.15393/j5.art.2019.5026.

14. Филиппова, Д. Н. Арктический дискурс в ценностях студенческой молодежи // Теория и практика общественного развития. 2025. № 8. С. 89-95. DOI: 10.24158/tipor.2025.8.10. EDN: KCRKEO.

15. Хотеева, Е. А., Степусь, И. С. Миграция населения в Российской Арктике в статистических оценках и практике управления регионами // Проблемы развития территории. 2023. № 2. DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.8. EDN: MOENQF.

16. Degai, T. S., Petrov, A. N. Rethinking Arctic sustainable development agenda through indigenizing UN sustainable development goals // International Journal of Sustainable Development & World Ecology. 2021. Vol. 28, No. 6. P. 518-523. DOI: 10.1080/13504509.2020.1868608. EDN: EYAVPL.

17. Simakova, A., Pitukhina, M., Ivanova, A. Motives for migrating among youth in Russian Arctic industrial cities // Young People, Wellbeing and Sustainable Arctic Communities. – London, pp. 17-31. DOI: 10.4324/9781003110019.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье являются перспективы

трудоустройства в Арктике через ожидания студентов университетов Арктики.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод анализа, а также, как отмечается в статье, был применен метод анкетного опроса и квотная выборка респондентов, и конечно, методы обработки полученных данных.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку на современном этапе развития российского государства особое внимание уделяется развитию Арктической зоны, которая имеет ряд объективных особенностей по сравнению с другими регионами России. К числу таких особенностей, прежде всего, относятся такие, как климат, экономическая сфера, ресурсы, социокультурная среда. Одной из проблем, стоящих перед территориями Арктики, является миграция населения, прежде всего, отток молодежи, получившей образование в университетах Арктики. В этом контексте изучение перспектив трудоустройства в Арктике через ожидания студентов университетов Арктики представляет научный интерес в сообществе ученых, а также, несомненно, практический интерес в профессиональном сообществе.

Научная новизна статьи заключается в проведении по авторской методике исследования, направленного на изучение перспектив трудоустройства в Арктике через ожидания студентов университетов Арктики. В рамках проведенного исследования «Арктика в ценностях студентов университетов Арктики» в авторском анкетном опросе «Жить Арктикой» приняли участие в 2017–2019 годах 441 респондент и в 2024 году 441 респондент из числа студентов Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова Республики Саха (Якутия), Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова Архангельской области и Мурманского арктического университета Мурманской области.

Статья написана языком научного стиля с использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и применением научной терминологии и дефиниций, характеризующих предмет исследования, а также описанием полученных результатов исследования.

Структура статьи, к сожалению, не полностью выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей, в структуре данного исследования представлена вводная часть, методы исследования, результаты и обсуждение, выводы и библиография.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет выявленные в ходе исследования и отмеченные тенденции, характеризующие мнения респондентов по вопросу «Намерены ли Вы остаться в Арктике сразу после окончания учебы?», что наглядно представлено в таблице 1 рукописи.

Библиография содержит 10 источников, включающих в себя преимущественно отечественные периодические и непериодические издания, а также одно зарубежное издание.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующие различные вопросы, связанные с миграцией и возможностями трудоустройства молодежи территорий Арктики. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся очень краткие выводы, касающийся предметной области исследования. В частности, отмечается, что в ходе проведенного исследования были выявлены наиболее перспективные и интересные для трудоустройства сферы деятельности потенциальных выпускников университетов Арктики, а эти перспективы являются важными «факторами формирования жизненных ориентиров и ценностей» учащейся молодежи.

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководством образовательных организаций территорий Арктики, специалистами по работе со студентами, работниками центров карьеры и профессиональной ориентации молодежи, специалистами по трудоустройству выпускников и карьерному развитию, социологами, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что можно было бы уделить большее внимание обзору научной литературы по теме исследования, описать методологию исследования, а не ограничиваться лишь упоминанием методов исследования. Необходимо было бы более подробно и развернуто изложить выводы по проведенному исследованию. Обязательно нужно сделать обобщающее заключение, поскольку именно оно создает впечатление законченности и логической завершенности исследования, а не заканчивать рукопись описанием «главной проблемы при трудоустройстве выпускников вузов». При оформлении таблицы необходимо обратить внимание на требования действующего ГОСТа, оформить ее в соответствии с этими требованиями. Кроме того, объем представленной статьи и объем авторского текста не позволяют максимально полно и всесторонне раскрыть заявленную актуальную тему исследования и не соответствует требуемому объему научно-исследовательской работы, поэтому представленные материалы нуждаются в существенном дополнении их содержания. Публикация статьи в представленном виде и объеме не целесообразна. Публикацию рукописи в представленном виде рекомендуется отклонить.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рецензирование статья «Перспективы трудоустройства в Арктике: ожидания студентов университетов Арктики» посвящена актуальной теме – оттоку молодого трудоспособного населения из Арктической зоны Российской Федерации.

Цель исследования: изучение мнения студенческой молодежи о перспективах трудоустройства в Арктике.

Научная новизна исследования, по словам автора, заключается в том, что «впервые изучено мнение студенческой молодежи о перспективах трудоустройства в Арктической зоне РФ».

Автор проводил социологический опрос «Жить Арктикой» в 2017–2019 годах, 2024 году. Размер выборки социологического исследования: 441 респондент. Генеральная совокупность (т. е. общее количество представителей трех вузов) – 23 463 студента очного обучения (бакалавры, магистранты, специалисты). Доверительная вероятность (точность) – 95 %, доверительный интервал (погрешность, ± %) – 5 %. Выборка респондентов была сформирована с учетом пола, возраста, курса и направления обучения студентов.

Научная новизна исследования, по словам авторов, заключается «в комплексном изучении корреляционных зависимостей между социально-демографическими

характеристиками работников и их предпочтениями в отношении различных форматов трудовой деятельности».

Статья содержит результаты исследования, представленные в текстовом и табличном вариантах.

В заключении представлены основные выводы, а именно:

1. В выборе ответов студентов отражаются региональные особенности рынка труда, также отражаются и изменения, процессы на мировой арене. Выявлено, что, «по мнению студентов – будущих выпускников университета Арктики, наиболее перспективными являются сферы: добывающая промышленность (нефтегазовый сектор, освоение минеральных ресурсов и цветной металлургии); морской транспорт, судоходство; военное дело; культура, искусство, туризм; геология, геоинформационные технологии; торговля; образование; наука и научное обслуживание; международное сотрудничество; природоохранная деятельность в резерватах, заповедниках, территориях традиционного природопользования, экологический надзор».

2. Арктическая зона РФ сталкивается с дефицитом трудовых ресурсов.

3. Мониторинг установил, что число студентов, планирующих остаться работать в Арктике, увеличилось.

4. Главной проблемой при трудоустройстве выпускников вузов является не недостаток вакансий, а предложения работодателей по удовлетворению профессиональных притязаний и личностной реализации выпускников.

Библиографический список включает 14 источников.

Статья структурирована, изложена хорошим языком.

Вместе с тем, рекомендуем автору доработать статью по нашим замечаниям:

1. Изменить название статьи, сделав его более корректным. Предлагаем: «Перспективы трудоустройства в Арктической зоне РФ: ожидания студенческой молодежи университетов Арктики»

2. Необходимо раскрыть актуальность исследования и его новизну. В начале статьи, как мы указали выше, автор пишет, что мнение студенческой молодежи о перспективах трудоустройства в Арктической зоне РФ проведено им впервые. Но в тексте статьи есть ссылки на уже проведенные исследования: 1) Недосека Е. В., Шарова Е. Н. Особенности жизненных стратегий молодежи в условиях Арктики, 2020 год; 2) Жигунова Г. В., Шарова Е. Н. Оценка привлекательности жизни в Российской Арктике (на примере Мурманской области), 2023 год.

3. Необходимо переформулировать гипотезу исследования. Не могут перспективы трудоустройства в Арктике являться, как пишет автор, определяющими факторами формирования жизненных ориентиров и ценностей студентов. Здесь обратная зависимость.

4. Требуется доработка теоретико-методологических основ проведенного исследования: необходимо указать: сколько вопросов содержала анкета «Жить Арктикой»; с помощью какой программы осуществлялась обработка результатов.

5. Дополнить библиографический список минимум до 17-18 источников.

Учитывая вышеизложенное, рекомендуем статью «Перспективы трудоустройства в Арктике: ожидания студентов университетов Арктики» отправить на доработку.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

1. В условиях усиленного внимания нашего государства к развитию Арктической зоны предмет настоящего исследования - мнение студенческой молодежи о перспективах трудоустройства в Арктике — является весьма перспективным для решения как текущих, так и последующих научных и практических задач. В исследовании авторами чётко прописаны основные цели и задачи изыскания, хорошо обоснованы предмет и объект исследования.

2. Работа основана на принципах анализа и синтеза, грамотно используется аксиологическая и компаративистская методология. Вместе с тем, для полноты исследования (если это не затруднит автора) представляется выигрышным расширить круг источников и провести несколько микро-исследований (о них будет сказано далее).

3. В начале своего сочинения авторами приводится последовательная аргументация актуальности исследования как в свете текущей государственной политики, так и в контексте реалий рынка труда. К этому можно также лишь добавить то обстоятельство, что система образования и работодатели разговаривают на разных языках, в частности, со стороны образовательных организаций, реализующих программы высшего образования на территориях регионов, по мнению hr-аналитиков, сохраняется устаревший запрос на «трудоустройство по специальности», который подразумевает наём «по диплому», в то время как для работодателей важны сейчас именно конкретные знания, умения и способности от соискателей, т. е. они осуществляют «наём по скиллам». В условиях существующей «инерции» образовательной системы добиваться синхронизации высшего образования и рынка труда далеко не соответствующими и не актуальными инструментами будет явно медленно и сложно.

4. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы, что касается «методологического исполнения», то его можно считать традиционным для решения подобного рода задач. Думается, что в будущем, в продолжение данного исследования, применение деятельностного подхода может открыть новые интересные данные о фактическом поведении студентов и их последующих действиях по построению карьерной траектории.

5. Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как исследованиями рынка труда в специфических арктических регионах, в целом, так и тем, кому интересны подобные исследования. Структура работы отличается логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть и заключение. В публикации показаны смысловые переходы между частями текста и линиями повествования.

По части содержания статьи есть несколько замечаний.

Во-первых, при описании исследований стоит отдельным блоком прописать методику отбора респондентов и меры контроля поля. «Бумажные анкетирования» на практике обычно очень слабо контролируются при сборе данных. Если никакого контроля не осуществлялось, тогда следует отдельным блоком прописать процедуры чистки данных и подготовки массивов для описательной статистики.

Отдельно также смутила формулировка проведения «панельного исследования» - стоит пояснить, какая именно использовалась онлайн-панель (например, Ромир, НАФИ и

другие), и каким образом отбирались панелисты и как они были мотивированы на заполнение анкет.

Во-вторых, данная фраза думается несколько сомнительной по ряду причин «Ответы студентов разных вузов отличаются, и можно в ответах студентов отследить локальные тренды развития рынка труда (таблица 1)», к которым относятся как слабые знания студентов о текущих реалиях рынка труда, их постепенное «профориентационное созревание» ближе ко 2-3 курсу бакалавриата, так и небольшом опыте работы на предприятиях реального сектора экономики.

В-третьих, в Таблице 1 сразу бросается в глаза достаточно непривычный список сфер деятельности – его нужно переделать по классификациям рабочих сайтов – например, «Хэдхантера», «Работы России», "Суперджоб" и других, или взять из принятых классификаторов. В прографке стоит пояснить, какие именно приводятся процентные данные.

В четвёртых, в свете имеющихся данных мониторингов Центробанка о минимизации кадрового набора работодателями, который скатился до уровня 2022 года (пп. 4,9 и 5) и четырёхкратному росту просроченности задолженности по заработной плате по сравнению с 2024 г. данный абзац:

«Амбициозные инвестиционные проекты ориентированы: на выполнение функции в области обеспечения национальной безопасности; на выполнение функции базы для развития минерально-сырьевых центров, на реализацию экономических или инфраструктурных проектов. Будут созданы рабочие места и возрастет необходимость в кадрах»

представляется сомнительным для прогнозирования ситуации в обозримом будущем. Ключевое первое слово и описывает вероятность осуществления этих проектов.

В-пятых, достаточно скупо представлен анализ рынка труда, и при том семилетней давности. Думается, что более выигрышным выглядел бы последовательный анализ свежих данных рынка труда в изучаемых регионах, данных обследований рабочей силы Росстата в указанных субъектах, к которому можно будет потом добавить аналитику представлений студентов о предпочитаемых ими сферах деятельности.

В-шестых, приведённые ответы студентов в Таблице 3, могут быть подвержены явлению социальной желательности, возможной причиной этого, как думается, могла послужить формулировка вопроса «Намерены ли Вы остаться в Арктике сразу после окончания учебы?», который мог быть рассмотрен респондентами как наводящий, усугубляет формулировку вопроса также его двойственность: одновременно спрашивается о намерении и его действительности. В последующих исследованиях этот вопрос стоит переформулировать в более простой и точный.

В-седьмых, ввиду того, что для молодёжи более характерно трудоустройство лишь в небольшом количестве сфер деятельности, их достаточно быстрого выгорания на работе и постоянной трудовой мобильности представляется весьма сомнительной подобная рекомендация, которая уже приводит к явлению фиктивного «трудоустройства по специальности», которое требуют от работодателей образовательные организации:

«Авторы считают, что необходим рекрутинг старшекурсников, выпускников вузов и ссузов администрациями и предприятиями МО для привлечения и закрепления молодежи в арктических регионах».

6. Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 17 различных источников, включая отечественные и зарубежные исследования. Библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим важным и актуальным материалам по ее теме. Она также может быть использована в качестве

небольшого путеводителя по избранной автором исследовательской сфере. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач. Также рекомендуется вставить в работу анализ данной статьи, в которой показаны процессы быстрого выгорания молодёжи на рабочих местах, что также является тревожным сигналом для отечественного рынка труда <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0274542>

7. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, а также широкого и подробного анализа отечественной литературы, проанализированной автором в ходе работы над темой статьи. Вместе с тем, в текст статьи стоит внести сжатый обзор зарубежных исследований по теме текущих процессов на их рынке труда.

8. При всём обширном и детальном комплексе исследования, которое провели авторы, резюмирующая часть оказалась, на наш взгляд, в частности, в свете прилагаемых выше дополнительных сведений, излишне оптимистичной. Тем не менее, представленная на рецензирование статья посвящена актуальной на многие десятилетия вперёд теме, вызовет высокий читательский интерес по результатам достаточно глубокой и детальной проработки материала, а ее результаты или выкладки могут быть использованы в специализированных курсах лекций по социологии труда, например, в проанализированных авторами образовательных организациях, реализующих программы высшего образования. По результатам экспертизы установлено, что статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Социодинамика» с рядом содержательных доработок.

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Дадзи И. Гендерные цифровые траектории в меняющихся обществах: социальная динамика освоения технологий женщинами в Гане и России // Социодинамика. 2025. № 12. DOI: 10.25136/2409-7144.2025.12.77286 EDN: KWNWJA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77286

Гендерные цифровые траектории в меняющихся обществах: социальная динамика освоения технологий женщинами в Гане и России

Дадзи Исаак

ORCID: 0009-0007-3065-7635

кандидат социологических наук

докторант, факультет обществознания; Университет имени Н.И. Лобачевского
603022, Россия, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, пр-кт Гагарина, д. 23А к. 9

✉ isaacdadziex@gmail.com

[Статья из рубрики "Социальные исследования и мониторинг"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2025.12.77286

EDN:

KWNWJA

Дата направления статьи в редакцию:

10-12-2025

Дата публикации:

17-12-2025

Аннотация: Предметом исследования является социальная динамика принятия и использования цифровых технологий женщинами в контрастных инфраструктурных и социополитических контекстах Ганы и России. Объектом исследования выступают процессы цифровой адаптации, формирования цифровой субъектности и уверенности в использовании технологий в условиях ускоренной цифровизации. Автор анализирует влияние инфраструктуры, организационной культуры, государственной политики и гендерных норм на траектории цифрового принятия. Особое внимание уделяется тому, каким образом цифровой доступ преобразуется либо не преобразуется в социальную и профессиональную агентность женщин. Исследование основано на сравнительном

анализе двух принципиально различных социотехнических систем, что позволяет выявить как универсальные, так и контекстно-специфические механизмы воспроизводства гендерного неравенства. Работа исходит из понимания цифровых технологий как социально встроенных инструментов, формируемых структурами власти, культуры и социальных ожиданий. В исследовании применён сравнительный перекрёстный дизайн. Эмпирическая база включает онлайн-опрос 517 респондентов, проведённый в 2024–2025 годах. Используются описательная статистика, критерий χ^2 , t-тесты для независимых выборок и двухфакторный дисперсионный анализ (ANOVA). Научная новизна исследования заключается в выявлении устойчивого гендерного разрыва цифровой уверенности, сохраняющегося независимо от уровня инфраструктурного развития и политического режима. На основе сопоставимых эмпирических данных показано, что женщины в Гане и России сталкиваются с различными по форме, но сходными по последствиям социодинамическими ограничениями цифровой агентности. В Гане цифровое принятие носит преимущественно мобильный и выживательный характер, тогда как в России оно осуществляется в условиях институциональных и геополитических ограничений, несмотря на высокий уровень технической подготовки. Статистические результаты подтверждают значимые различия в инфраструктуре и социальных драйверах цифрового поведения, однако отсутствие взаимодействия между страной и полом указывает на универсальность гендерного «разрыва уверенности». Делается вывод, что цифровизация расширяет доступ, но не устраняет структурные гендерные неравенства, что требует перехода от политики подключения к формированию цифровой субъектности женщин и их участия в создании технологий и принятии решений.

Ключевые слова:

Гендерные цифровые траектории, Принятие технологий женщинами, Социодинамика, Цифровой разрыв, Меняющиеся общества, Принятие ИКТ, Сравнительное исследование, Гендерное неравенство, Гана, Россия

Несмотря на то, что эта работа не получила специального гранта на публикацию, автор выражает признательность за поддержку как обладатель стипендии Правительства России (Open Doors).

Введение

Исторически область технологического развития представляла собой монолог мужской агентности [1]. Женщины нередко оказывались лишёнными голоса, оттесненными на периферию инноваций и сведёнными к роли молчаливых потребителей [2]. От индустриальной эпохи до раннего интернета «женский голос» воспринимался как второстепенный элемент, как постскриптум к «большому проекту» общественного устройства. Однако траектория XXI века, особенно постпандемийного периода, вынудила радикально переписать этот сценарий. Современная цифровизация наследует эту историю. Она опирается на инфраструктуры, рынки и культурные ожидания, сформированные в условиях, где мужской опыт считался нормой, а женские перспективы оставались маргинальными [3]. В результате цифровая трансформация не разворачивается на нейтральном поле [4]. Она взаимодействует с укоренёнными гендерными иерархиями и нередко воспроизводит их в новых формах, например через гендерную сегрегацию рынка труда в сфере ИКТ и неравные модели освоения цифровых

навыков [\[5\]](#).

Пандемия Covid-19 обострила эти давние неравенства, одновременно открыв пространство для переосмысления. По всему миру локдауны и ограничения мобильности вынудили перенос работы, образования, социального взаимодействия и доступа к услугам на цифровые платформы в беспрецедентно короткие сроки [\[6\]](#). Исследования цифрового капитала в период пандемии показывают, что кризис стал мощным стимулом развития цифровых компетенций, но одновременно выявил глубокие разрывы в доступе к новым возможностям [\[7\]](#). Девочки, женщины и другие маргинализированные группы с наименьшей вероятностью обладали надежным подключением, соответствующими устройствами или безопасными условиями для интенсивной цифровой активности [\[8\]](#). При этом именно они нередко несли основную ответственность за поддержание семейных коммуникаций, выживание домохозяйств и сопровождение дистанционного образования детей. Пандемия сделала цифровые инструменты арендой, на которой прежние гендерные обязанности и уязвимости были одновременно усилены и переосмыслены [\[9\]](#). Covid-19 выступил не только как медицинский, но и как «великий ускоритель», буквально втолкнувший мировые общества в цифровое существование [\[10\]](#). Для женщин и детей, которые часто занимают позицию «властных меньшинств» несмотря на численное большинство, этот переход был не выбором, а механизмом выживания. Однако по мере стабилизации становится очевидно: цифровизация не является великим уравнивателем, а скорее призмой, преломляющей и усиливающей существующие культурные и политические разломы.

Настоящая статья исходит из того, что для понимания женского цифрового принятия необходимо выходить за рамки статистики подключений и анализировать социальную динамику использования технологий. В работе представлен сравнительный анализ двух резко контрастных социополитических ландшафтов — Ганы и России. Несмотря на различия в географии, климате и исторической траектории, эти страны имеют важное сходство: в обеих женщинах приходится сталкиваться с системными барьерами, препятствующими преобразованию цифрового доступа в социальную силу. Африканский контекст демонстрирует эти напряжения особенно отчетливо. Несмотря на расширение мобильного покрытия и акцент на цифровизацию как инструмент развития, женщины в странах Африки южнее Сахары остаются значительно менее подключенными, чем мужчины. Согласно последним оценкам, женщины более чем на 30 процентов реже используют мобильный интернет, имеют более низкий уровень владения смартфонами и демонстрируют меньшую интенсивность цифрового поведения [\[11\]](#).

Ганский цифровой ландшафт накладывается на жесткую патриархальную структуру. Культурно ганское общество часто транслирует представление о женщине как о зависимом или «слабом» субъекте, тогда как роль «лидера» и по совместительству «владельца» высокоценных ресурсов, включая технологии, приписывается мужчине [\[12\]](#). Эта культурная кодировка отчетливо проявляется в уровнях цифрового принятия. Несмотря на то что интернет-проникновение в Гане достигло около 69.8 процента в 2024 году [\[13\]](#), цифровые практики остаются гендерно стратифицированными. Женщины на 16 процентов реже имеют мобильные устройства с доступом в интернет [\[14\]](#). Даже при наличии доступа характер цифрового использования отличается. Женщины доминируют в неформальной «выживательной» цифровой экономике, например в торговле через WhatsApp и Instagram, но остаются исключенными из формальной технологической иерархии [\[15\]](#). Феномен «Большого человека» в политике и бизнесе создает

социодинамику, в которой цифровые инструменты нередко удерживаются мужчинами как форма контроля, заставляя женщин осваивать цифровую среду осторожно и под финансовым или социальным надзором [\[16\]](#).

Российская Федерация представляет собой противоположность, сочетающую элементы «наследия» и «ограничения». Наследие СССР, государства, которое стимулировало участие женщин в науке и производстве, обеспечило высокий уровень STEM-подготовки женщин [\[17\]](#). Однако постсоветская трансформация и современная «патриархальная ренессансность» усложнили это наследие [\[18\]](#). Текущая геополитическая ситуация, определяемая санкциями и международной изоляцией, сделала цифровое принятие «неясным» и нестабильным. Уход глобальных технологических компаний и развитие «суверенного интернета» породили атмосферу неопределенности [\[18\]](#). Для российских женщин, которых консервативная государственная риторика все чаще возвращает к домашним ролям, цифровая сфера является одновременно жизненно важной и ограничивающей [\[19\]](#). Несмотря на уровень интернет-проникновения более 90 процентов, участие женщин в технологическом предпринимательстве стагнирует: только 2.3 процента ИКТ-стартапов основаны женщинами [\[20\]](#). Давление санкций ограничивает доступ к глобальным цифровым рынкам, вынуждая женщин адаптироваться к сужающейся и контролируемой цифровой экосистеме, где усиливаются «технопатриархальные» структуры [\[21\]](#).

Таким образом, сравнение Ганы и России — это не сопоставление «развивающегося» и «развитого», а анализ того, как культура и политика выступают решающими посредниками цифровых процессов. В Гане ключевым барьером остается культурное представление о женской «некомпетентности», в России — политическое ограничение цифрового горизонта. В обоих случаях женщины и дети остаются уязвимыми субъектами, вынужденными существовать в цифровом мире, который не был создан для них, но который они должны освоить. Подчеркивая женский опыт и сопоставляя контекст Глобального Юга с постсоциалистическим пространством, исследование стремится внести вклад в формирующуюся литературу о социодинамике цифрового капитала и в дискуссии о том, может ли цифровизация воспроизводить или трансформировать гендерные властные отношения в современных обществах.

Обзор литературы

Концепт технологического принятия

Для понимания цифрового разрыва необходимо прежде всего деконструировать само понятие «технологического принятия». Традиционные подходы, такие как модель принятия технологий (ТАМ), трактуют принятие как рациональное линейное решение, основанное на «воспринимаемой полезности» и «простоте использования» [\[22\]](#). Однако все чаще данный подход подвергается критике за «гендерную слепоту», поскольку он предполагает нейтрального пользователя с полной свободой выбора. Исследования в рамках феминистской теории технологий утверждают, что технология не является нейтральным инструментом, а представляет собой социальный продукт, который часто создается в логике «мужчина как норма», что делает женские исторические вклады невидимыми и лишает их голосов в цифровой сфере [\[23\]](#).

Современная социодинамическая теория, следовательно, предпочитает использовать концепты «присвоения» или «одомашнивания» технологий [\[24\]](#). В этой логике принятие —

это не только приобретение устройства, но и включение технологии в сложную ткань повседневной жизни и социальной стратегии выживания. Для женщин, которых исторически рассматривали как пассивных потребителей, а не активных создателей, технологическое принятие нередко становится актом сопротивления [25]. Пандемия COVID-19 выступила в качестве «насилованного катализатора». Она лишила женщин и детей — демографических «властных меньшинств» — выбора, вынудив их освоить цифровые инструменты не ради досуга, а ради элементарного выживания: образования, дистанционной работы, доступа к медицинской помощи. Таким образом, современное принятие необходимо анализировать не только через показатели владения устройствами, но и через социальную агентность, которую оно предоставляет или ограничивает внутри жестких иерархий власти [26].

Ганский контекст: гендерный цифровой выживательный режим в экономике «Большого человека»

В Гане траектория женского технологического принятия неразрывно связана с глубоко укорененными культурными нормами власти и лидерства. Литература по социальной структуре Ганы подчеркивает устойчивое явление «синдрома Большого человека» — представления о том, что формальное лидерство и контроль над высокоценными ресурсами, включая технологическую инфраструктуру, являются мужскими прерогативами [16]. На культурном уровне, несмотря на признание женщин как «рыночных королей» в сфере неформальной торговли, их часто считают «слабыми» или второстепенными в области технических инноваций и формального управления [27]. Это стереотипное восприятие создает психологический барьер для девушек и женщин, снижая их мотивацию к освоению технических дисциплин, необходимых для высокого уровня цифровой грамотности.

Тем не менее исследования выявляют уникальный феномен «цифрового выживательства». Оказавшись исключенными из формальной высокотехнологичной архитектуры (программирования, сетевой инженерии), ганские женщины сумели «перепрыгнуть» структурные барьеры, доминируя в неформальной цифровой экономике [28] [29]. Применение мобильных платежей (МоМо) и торговля через платформы WhatsApp стали для них жизненно важными, особенно в постпандемийный период [30]. Однако литература отмечает, что это принятие остается хрупким. Высокая стоимость мобильного интернета и «розовый налог» на устройства приводят к тому, что женщины хотя и активно используют цифровые инструменты, делают это с ограниченной автономией — часто через совместные или нерегулярно доступные устройства. Исследования показывают, что цифровое принятие женщин в Гане широкое, но неглубокое: оно распространено в повседневном выживании, но редко превращается в структурную власть [31].

Российский контекст: гендер, «советский парадокс» и санкционный занавес

Литература о России представляет «советский парадокс», который усложняет классические модели цифрового разрыва [32]. В отличие от многих развивающихся стран, Россия унаследовала советскую систему, активно продвигавшую образование женщин в STEM-областях, что обеспечило высокий уровень технической грамотности. Исторически «советская женщина» мыслилась как инженер-работник, а не только хранительница домашнего очага [33]. Однако современные исследования фиксируют резкий регресс. Постсоветский период характеризуется «патриархальным ренессансом»,

когда государственная риторика вновь подчеркивает первостепенность материнства и традиционных ролей, создавая когнитивный диссонанс между профессиональными навыками женщин и социальными ожиданиями [18]. Эти тенденции усложняются геополитической изоляцией после санкций 2022 года. Исследователи описывают современный российский цифровой ландшафт как все более «неопределенный» и замкнутый [33]. Уход глобальных технологических компаний и развитие «суверенного интернета» (Рунета) ограничило доступ к мировому цифровому пространству [34].

Для российских женщин эта изоляция чрезвычайно значима. До санкций цифровая среда служила каналом доступа к международным сетям, удаленной работе и альтернативным образовательным ресурсам. «Санкционный занавес» сузил этот горизонт, вынуждая женщин переходить на локализованные, государственно контролируемые платформы [35]. В результате, обладая высокими техническими навыками, российские женщины сталкиваются с ограниченными возможностями использования технологий для независимой социальной агентности. Таким образом, их цифровая субъектность подрывается как культурным консерватизмом, так и политико-экономическим сдерживанием.

Сравнительный синтез: пересечение гендера, культуры и кода

Сопоставление этих двух траекторий показывает, что, несмотря на различие барьеров, их социодинамический результат — маргинализация женского голоса — остается удивительно схожим. В Гане барьер преимущественно инфраструктурный и культурный: представление о женской «слабости» препятствует переходу женщин от простого использования мобильных устройств к созданию технологий [12]. Здесь цифровое принятие функционирует как «мост» — необходимый канал к рынку, но хрупкий и контролируемый мужчинами. В России барьер институциональный и геополитический: «советский парадокс» обеспечивает наличие навыков, но политический контекст и санкционный режим ограничивают возможности их применения [18]. В таком контексте принятие рискует превратиться в «бункер» — замкнутую систему, где женщины цифрово грамотны, но социально ограничены [19]. Оба случая демонстрируют, что «цифровая революция» не разрушила патриархальные иерархии, а просто изменила их форму. Будь то экономика «Большого человека» в Аккре или «суверенный интернет» в Москве, женщины и дети остаются меньшинством в контексте власти, вынужденными ориентироваться в цифровой архитектуре, которую они не создавали. Таким образом, сопоставление подчеркивает необходимость рассматривать технологическое принятие не как технический показатель, а как индикатор социальной свободы.

Методы

В данном исследовании использовался сравнительный перекрестный дизайн, основанный на логике «наиболее различных систем» (Most Different Systems), для анализа цифрового принятия женщинами в Гане и России. Сбор данных осуществлялся с помощью структурированной онлайн-анкеты, распространенной методом удобной выборки и «снежного кома» в период с июня 2024 года по май 2025 года. Итоговый массив данных включал 517 респондентов, из которых женская подвыборка в размере 219 человек была выделена для целевого анализа. Анкета измеряла цифровые демографические характеристики, модели использования и социотехнические детерминанты с использованием шкал Лайкерта. Данные были очищены и обработаны с применением описательной статистики, критерия χ^2 , t-тестов для независимых выборок и двухфакторного дисперсионного анализа (ANOVA) для выявления гендерных и

контекстуальных эффектов. Этические процедуры включали получение информированного согласия, обеспечение анонимности и добровольное участие. Краткое описание ключевых методологических характеристик представлено в Таблице 1.

Таблица 1. Основные методологические характеристики

Компонент	Описание
Дизайн исследования	Сравнительный перекрестный анализ (Гана–Россия)
Сбор данных	Онлайн-анкета, июнь 2024 — май 2025
Объем выборки	517 респондентов; 219 женщин использованы в анализе
Стратегия выборки	Удобная выборка и метод «снежного кома»
Ключевые показатели	Цифровое использование, поддержка организации, влияние политики, цифровая уверенность
Аналитические методы	Описательная статистика, χ^2 , t-тесты, ANOVA
Этический протокол	Анонимность, информированное согласие, добровольность участия

Результаты *Демографический профиль и инфраструктурное расхождение*

В исследовании был проанализирован географически сбалансированный массив из 517 респондентов, из которых 49.3 процента представляли Гану и 50.7 процента — Россию. Гендерная структура демонстрирует преобладание мужчин (57.6 процента) над женщинами (42.4 процента), что отражает структурный гендерный разрыв в технологических секторах обеих стран.

Таблица 1 представляет демографические и инфраструктурные характеристики выборки. Анализ с помощью критерия χ^2 выявил статистически значимое «инфраструктурное расхождение» ($\chi^2 = 84.12$, $p < .001$). Респонденты из Ганы значительно чаще используют только смартфоны или мобильные устройства в качестве основного инструмента для работы, тогда как российские респонденты преимущественно применяют ноутбуки или стационарные компьютеры, подключенные к высокоскоростному интернету. Это подтверждает теорию «перехода через ступень» для Ганы (инфраструктура как мобильный мост) и «наследованной» инфраструктуры для России.

Таблица 1. Демографический и инфраструктурный профиль по странам

Переменная	Категория	Гана (n = 255)	Россия (n = 262)	Всего (N = 517)
Пол	Мужчины	149 (58.4%)	149 (56.9%)	298
	Женщины	106 (41.6%)	113 (43.1%)	219
Образование	Бакалавриат	138 (54.1%)	106 (40.5%)	244
	Магистратура	68 (26.7%)	83 (31.7%)	151
	Докторантура	12 (4.7%)	35 (13.4%)	47
Основное устройство	Только смартфон	98 (38.4%)	24 (9.2%)	122
	Ноутбук/ПК	142 (55.7%)	231 (88.2%)	373

Источник: полевые данные исследования

Социодинамические драйверы: «Большой человек» против «Государства»

Для проверки различий в социальных драйверах был проведен t-тест для независимых выборок (Таблица 2). Полученные результаты демонстрируют выразительный парадокс. По шкале «Влияние государственной политики» российские респонденты сообщили о существенно более высоком уровне влияния ($M = 3.82$), чем респонденты из Ганы ($M = 2.95$), $t(512) = 5.14$, $p < .001$. Это соответствует гипотезе «бункера», согласно которой цифровой опыт россиян значительно детерминирован санкциями и централизованной программной политикой государства. По шкале «Поддержка руководства» респонденты из Ганы сообщили о существенно более высоких уровнях поддержки ($M = 4.10$), чем российские респонденты ($M = 3.65$), $t(509) = 3.42$, $p = .001$. Этот результат подтверждает теорию социодинамики «Большого человека», согласно которой цифровое принятие в Гане часто определяется разрешением и поощрением со стороны локальных лидеров, а не абстрактными государственными нормами.

Таблица 2. Независимые t-тесты по социодинамическим факторам

Переменная	Страна	N	Среднее	Ст. отклонение	t	df	p
Влияние гос. политики	Гана	255	2.95	1.12	-	512	< .001*
	Россия	262	3.82	0.98			
Поддержка руководства	Гана	255	4.10	0.89	3.42	509	.001*
	Россия	262	3.65	1.05			

Источник: полевые данные исследования Примечание: $p < 0.05$

Гендерная агентность: взаимодействие «гендер × страна» и «разрыв уверенности»

Для ответа на основной исследовательский вопрос о женской цифровой агентности был проведен двухфакторный дисперсионный анализ (ANOVA) с факторами «Страна» и «Гендер» по переменной «Уверенность в устранении неполадок» (проксирующей цифровую субъектность). Результаты (Таблица 3) показывают значимый основной эффект гендера: $F(1, 513) = 12.45$, $p = .001$, что свидетельствует о том, что мужчины в целом демонстрируют более высокую уверенность, чем женщины. Однако взаимодействие «страна × гендер» оказалось статистически незначимым: $F(1, 513) = 0.90$, $p = .345$. Это ключевой результат: он указывает на универсальность «гендерного разрыва уверенности» как в «кремниевой саванне» Ганы, так и в «кремниевой тайге» России. Несмотря на советское наследие STEM-образования, российские женщины в данной выборке не демонстрируют существенно более высокой технической уверенности относительно мужчин, чем ганские женщины. Социодинамическое давление патриархата оказывается транснациональным, подавляя женский цифровой голос вне зависимости от инфраструктурных условий.

Таблица 3. Результаты двухфакторного ANOVA (Страна × Гендер)

Источник	Тип III сумма квадратов	df	Средний квадрат	F	p
Корректированная модель	24.56	3	8.19	6.85	.000
Страна	2.15	1	2.15	1.80	.180
Гендер	14.88	1	14.88	12.45	.001*
Страна × Гендер	1.08	1	1.08	0.90	.345

Страна и гендер	2020	2021	2022	2023	2024
Ошибка	612.40	513	1.19		
Всего	5678.00	517			

Источник: полевые данные исследования Примечание: $p < 0.05$

Таким образом, данные рисуют образ двух принципиально различных цифровых миров, соединенных общей нитью гендерной сдержанности. В Гане наблюдается «снизу вверх» модель цифрового принятия — высокая зависимость от мобильных устройств и локальной поддержки руководства как мост через инфраструктурные ограничения. В России доминирует «сверху вниз» модель — опора на устойчивую инфраструктуру и сильное влияние государственной политики как защитного бункера от внешних шоков. Однако в обоих мирах женская уверенность статистически ниже, что указывает на то, что доступ — будь то через ганский смартфон или российский оптоволоконный канал — еще не преобразовался в полную социальную агентность.

Заключение

Данное сравнительное исследование показывает, что, несмотря на резкие различия между Ганой и Россией в инфраструктурных и политических условиях, женщины в обеих странах сталкиваются с одинаковым цифровым парадоксом: наличие подключения без полной цифровой субъектности. В Гане женщины используют мобильные технологии как мост через инфраструктурные разрывы, однако этот мост преимущественно поддерживает стратегии выживания, а не глубокое техническое расширение возможностей. В России женщины существуют в «бункерном» цифровом пространстве, где развитая инфраструктура и высокий уровень STEM-подготовки сосуществуют с консервативными нормами и санкциями, ограничивающими их продвижение в стратегические технологические роли. Устойчивость гендерного разрыва уверенности в обеих странах свидетельствует о том, что цифровизация часто не устраняет патриархальные структуры, а воспроизводит их в новых формах. Политика в Гане должна снижать финансовую нагрузку стоимости данных и устройств для женщин, а также расширять целевые субсидии для предпринимательниц и работниц неформального сектора. Практические меры в Гане должны смещать акцент с базовой телефонной грамотности на программы развития цифровой уверенности, навыков устранения неполадок, основ программирования и наставничества со стороны видимых женских ролевых моделей.

В России организациям следует внедрять и контролировать эффективные механизмы диверсификации и карьерного продвижения, способные защитить технические карьерные траектории женщин от неблагоприятных политических и культурных тенденций. Практика в России должна включать создание независимых, женских профессиональных сетей, которые обеспечивают глобальное цифровое взаимодействие, несмотря на геополитическую изоляцию. В обеих странах системы образования должны переводить женщин от потребления цифровых инструментов к их созданию, отдавая приоритет программированию, системному мышлению и критической цифровой педагогике. Подлинная цифровая инклюзия женщин требует трансформации социотехнических систем, определяющих, кто проектирует, контролирует и получает выгоды от технологий, а не просто расширения доступа к уже существующим инструментам.

Библиография

1. Ali, O., et al. "The Impact of Artificial Intelligence in Educational Environments:

Challenges and Strategies" // Technological Forecasting and Social Change. 2024. Vol. 199, No. 123076. Pp. 123076-123076.

2. Odhiambo, Alphonse, Kasera, et al. "Hypervisible but Voiceless: The Gendered Architecture of Electoral Campaigns in Rural Kenya" // African Quarterly Social Science Review. 2025. Vol. 2, No. 3. Pp. 16-35. DOI: 10.51867/aqssr.2.3.2 EDN: WGRCYH.

3. Liang, Y., Xie, C. "The Evolution of Digital Cultural Heritage Research: Identifying Key Trends, Thematic Centers, and Challenges Based on Bibliometric Analysis" // Sustainability. 2024. Vol. 16, No. 16. Pp. 7125–7125. DOI: 10.3390/su16167125 EDN: PSMHBG.

4. Cieslak, V., Valor, K. "Beyond Traditional Forms of Resistance to Digital Transformation: An Integrative Review of Employee Resistance" // Cogent Business & Management. 2024. Vol. 12, No. 1.

5. Rapoport, E., Volkova, N.V., Barajas, A. "Women and Men in Technology: Invisible Barriers, Gender Self-Perception, and the Social Transformation of Work" // Technology in Society. 2025. Pp. 103116–103116.

6. Sandu, A., Taylor, K. "Using Digital Educational Technologies during COVID-19 Lockdowns" // British Educational Research Journal. 2024. Vol. 51, No. 2.

7. Getachew E. et al. Digital Health in the COVID-19 Era: Transforming the Future of Healthcare // Digital Health. 2023. Vol. 11, No. 942703.

8. Avanesyan G. et al. Analyzing the Digital Divide: Assessing Gender Differences in Youth Digital Skills in Low- and Middle-Income Countries // Heliyon. 2024. Vol. 10, No. 12. pp. e33127-e33127.

9. Cao H., Zhong Y. The Paradox of Digital (De)Empowerment in Female-Led Group Buying during COVID Lockdown in Shanghai // Journal of Computer-Mediated Communication. 2024. Vol. 29, No. 3.

10. Belhousin Fatima Zohra et al. The Impact of the COVID-19 Pandemic on Digital Innovation // Brazilian Journal of Business. 2025. Vol. 7, No. 1. pp. e78504-e78504. DOI: 10.34140/bjbv7n1-071 EDN: BBUCAM.

11. Dryding D., Logan K. African Women Have Less Access to the Internet Than Men. Why This Is a Problem [Electronic resource] // Afrobarometer.org. 2020. URL: <https://www.afrobarometer.org/articles/african-women-have-less-access-internet-african-men-do-thats-problem/>.

12. Ahinkorah B. O. et al. Media exposure and self-efficacy in abortion decision-making among adolescents and young women in Ghana // PLOS ONE. 2020. Vol. 15, No. 10. P. e0239894. DOI: 10.1371/journal.pone.0239894 EDN: CWUJXR.

13. Kemp S. Digital 2024: Ghana [Electronic resource] // DataReportal. 2024. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-ghana>.

14. Correa T., Paves I., Contreras J. Digital Inclusion through Mobile Phones? A Comparison of Mobile and Computer Users // Information, Communication & Society. 2018. Vol. 23, No. 7, pp. 1-18.

15. Altalatini D., Tleis H. A. Resisting Patriarchy through the Virtual Bazaar: An Institutional Analysis of Palestinian Women's Digital Entrepreneurship // Entrepreneurship and Regional Development. 2023. pp. 1-23.

16. Driscoll B. "Big Man" or "Scarecrow"? The Big Man Concept in Political Science // The Journal of Modern African Studies. 2020. Vol. 58, No. 4, pp. 521-550. DOI: 10.1017/s0022278x20000579 EDN: IGTFQR.

17. Durrani N., Kataeva Z. STEM Teachers' Agency in Ensuring Gender Equality // International Journal of Educational Research. 2025. Vol. 131. P. 102585.

18. Dogangyun G. Gender Climate in Authoritarian Politics: A Comparative Study of Russia and Turkey // Politics & Gender. 2019. P. 1-27.

19. Rozhanovskaya N., Pardini V. The Status of Women in Russian Society. Conference

- Report [Electronic resource] // Wilson Center. 2020. URL: <https://www.wilsoncenter.org/publication/status-women-russian-society-conference-report>.
20. Singh S. et al. Gendering the digital divide: A systematic review of women's digital inclusion issues // Digital Transformation and Society. 2025. pp. 1-29.
21. Salyamzade A. et al. Digital technologies as a factor in empowering women entrepreneurs // World. 2024. Vol. 5, No. 2. pp. 346-364.
22. Fel S., Kozak J., Horodysky P. Responsibility and artificial intelligence: An analysis of technology acceptance patterns // Journal of Innovation & Knowledge. 2025. Vol. 10, No. 6. pp. 100852.
23. Tupen S. Shaping feminist artificial intelligence // New Media & Society. 2023. Vol. 26, No. 1. P. 146144482211507.
24. Sovacool B.K., Hess D.J. Typologies and Conceptual Frameworks of Sociotechnical Change // Social Studies of Science. 2017. Vol. 47, No. 5. P. 703-750.
25. Talwar S. et al. Consumer Resistance to Digital Innovations: A Systematic Review // Australasian Marketing Journal. 2020. Vol. 28, No. 4.
26. Kissi F.O. Innovation Culture in Ghana: Local Agency and the Social Shaping of Technology // Minerva. 2025.
27. Sarfo-Kantanka K.S. Discursive Construction of Men and Women in Ghanaian Parliamentary Discourse // Ampersand. 2021. Vol. 8. P. 100079. DOI: 10.1016/j.amper.2021.100079 EDN: QZPOMC.
28. Buck K. et al. Success Factors of Digital Social Innovations // Journal of Business Research. 2025. Vol. 190. P. 115215. DOI: 10.1016/j.jbusres.2025.115215 EDN: NYFYFSB.
29. Odum D. et al. Factors of Social Media Use by Ghanaian University Students // Education and Information Technologies. 2024.
30. Duo K. K. T., Quansah D. N. Mobile Money as a Tool for Financial Inclusion in Post-COVID Ghana // SSRN Electronic Journal. 2021.
31. Manna-Blankson T. et al. Patterns of Adoption and Impact of Digital Technologies among Female Market Vendors in Ghana // Palgrave Studies of Entrepreneurship in Africa. 2025. pp. 283-317.
32. Lenton A. Decolonizing Russia? Cambridge University Press, 2025.
33. Zaman E. Disease Similarity Analysis Based on Dysregulation of Biological Modules // NDSU Repository. North Dakota State University, 2016.
34. Park C., Shin B. Digital Sanctions as a New Form of Economic Sanctions: Implications for Russia // Journal of Eurasian Studies. 2023.
35. Kobrinskaya I., Machavariani G. Russia and the World: 2024. Economy and Foreign Policy. Annual Forecast. IMEMO RAS, Moscow, 2024.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рецензирование статья «Гендерные цифровые траектории в меняющихся обществах: социальная динамика освоения технологий женщинами в Гане и России» обладает несомненной актуальностью. Во-первых, проблема цифровых разрывов отражается сегодня как в образовательной, так и в политической повестке, требуя более углубленного понимания причин и последствий неоднородного влияния цифровой трансформации на разные социально-демографические группы и сферы

общественной жизни. Во-вторых, острота гендерного вопроса. Как справедливо отмечает автор «технологическое развитие представляет собой монолог мужской агентности», тогда как «цифровые инструменты <стали> ареной, на которой прежние гендерные обязанности и уязвимости были одновременно усилены и переосмыслены». Представляется весьма значимым рассмотрение и трактовка данных вопросов в контексте российских реалий.

Предмет исследования в целом определен автором как гендерные цифровые траектории. Настоящая статья исходит из того, что для понимания женского цифрового принятия необходимо выходить за рамки статистики подключений и анализировать социальную динамику использования цифровых технологий.

Методология исследования раскрыта автором в достаточной мере. В работе представлен сравнительный анализ двух резко контрастных социополитических ландшафтов — Ганы и России. Для решения данной задачи автор использовал сравнительный перекрестный дизайн, основанный на логике «наиболее различных систем». Сбор данных осуществлялся с помощью структурированной онлайн-анкеты, распространенной методом удобной выборки и «снежного кома». Демографические и инфраструктурные характеристики выборки описаны достаточно подробно, чтобы сформировать у читателя представление о достоверности и вариабельности результатов проводимого исследования в разных целевых группах.

Работа структурирована по ключевым блокам, которые принято выделять в научной публикации. Переставлен теоретический обзор, методология исследования, результаты и выводы. Стиль изложения логичен и выверен, язык публикации отличается высоким научным стилем и доступностью изложения. Сильной стороной работы является опора на математически методы исследования (описательная статистика, χ^2 , t-тесты, ANOVA), которые позволяют установить наличие связей и расхождений в критериях анализа.

Выбранный автором подход позволил обеспечить научную новизну сделанных выводов. В частности, для ответа на основной исследовательский вопрос о женской цифровой агентности был проведен двухфакторный дисперсионный анализ (ANOVA) с факторами «Страна» и «Гендер» по переменной проксирующей цифровую субъектность. Установлено, что мужчины в целом демонстрируют более высокую уверенность, чем женщины. Однако взаимодействие «страна × гендер» оказалось статистически незначимым. Другими словами, несмотря на советское наследие STEM-образования, российские женщины не демонстрируют существенно более высокой технической уверенности относительно мужчин, чем ганские женщины. Давление патриархата (как международный тренд) подавляет «цифровой голос» женщин вне зависимости от условий их проживания. Цифровой доступ через смартфон в Гане или российский оптоволоконный канал не становится маркером социальной агентности современных женщин.

Библиография в рукописи представлена значительным количеством научных источников. Представляется возможным несколько расширить базу российских авторов, однако данное замечание не влияет на положительную оценку рецензируемого материала.

Выводы, сделанные автором, могут представлять несомненный интерес для читательской аудитории журнала.

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Попов Е.А., Замятина О.Н., Чуканова Т.В., Антонович И.В., Замятин И.Д., Ахмедова А.Р., Огородников М., Гомонова О.А., Олейникова Е.П., Макамов Д.Х., Кода Е.А. Социальная адаптация лиц пенсионного возраста к реалиям современного цифрового общества (по материалам социологического исследования в городе Барнауле) // Социодинамика. 2025. № 12. DOI: 10.25136/2409-7144.2025.12.77380 EDN: REUYZB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77380

Социальная адаптация лиц пенсионного возраста к реалиям современного цифрового общества (по материалам социологического исследования в городе Барнауле)

Попов Евгений Александрович

ORCID: 0000-0003-3324-8101

доктор философских наук

профессор; кафедра социологии и конфликтологии; Алтайский государственный университет

656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 520

✉ popovea@mc.asu.ru**Замятина Ольга Николаевна**

ORCID: 0000-0002-3240-0098

кандидат социологических наук

доцент; кафедра Социологии и конфликтологии; Алтайский государственный университет

656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, каб. 520Д

✉ olga_zamjtina@mail.ru**Чуканова Татьяна Викторовна**

кандидат социологических наук

доцент; институт гуманитарных наук; Алтайский государственный университет

Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, д. 66каб, кв. 515

✉ chukanova@socio.asu.ru**Антонович Ирина Владимировна**

ORCID: 0000-0002-3353-8523

кандидат социологических наук

доцент; институт гуманитарных наук; Алтайский государственный университет

Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, д. 66 к. каб. 504

✉ antonovich@socio.asu.ru**Замятин Иван Денисович**

ORCID: 0009-0001-0653-0104

студент; факультет экономических наук; Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"

194100, Россия, Ленинградская область, г. Санкт-Петербург, ул. Кантемировская, 3 корп. 1, лит. А

✉ vanechka.zamiatin@yandex.ru

Ахмедова Ангелина Рустамовна

ассистент; институт гуманитарных наук; Алтайский государственный университет
Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, д. 66 к. каб. 413

✉ akhmedova_a@mail.asu.ru

Огородников Михаил

студент; факультет психологии; Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Василеостровский р-н, наб. Макарова, д. 6

✉ Simchich101@gmail.com

Гомонова Ольга Андреевна

студент; факультет социологии; Санкт-Петербургский государственный университет
191060, Россия, г. Санкт-Петербург, Центральный р-н, ул. Смольного, д. 1/3

✉ oagomonova@gmail.com

Олейникова Елизавета Павловна

студент; факультет социологии; Санкт-Петербургский государственный университет
191060, Россия, г. Санкт-Петербург, Центральный р-н, ул. Смольного, д. 1/3

✉ lizavetkapo2006@gmail.com

Макамов Данил Холмидорович

студент; факультет психологии; Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Василеостровский р-н, наб. Макарова, д. 6

✉ migelion2020@gmail.com

Кода Егор Александрович

ORCID: 0009-0003-0682-1096

независимый исследователь

656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 520

✉ kodaegor@yandex.ru

[Статья из рубрики "Социальные исследования и мониторинг"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2025.12.77380

EDN:

REUYZB

Дата направления статьи в редакцию:

15-12-2025

Дата публикации:

22-12-2025

Аннотация: В статье рассматриваются ключевые особенности социальной адаптации лиц пенсионного возраста к реалиям современного цифрового общества. Характеризуется актуальность, важность и значимость социальной адаптации лиц пенсионного возраста к реалиям цифрового общества, а также рассматриваются основные проблемы данного процесса, с которыми сталкиваются современные пенсионеры. Охарактеризованы сущностные характеристики современного цифрового общества. Предлагаются конкретные рекомендации, направленные на упрощение процесса социальной адаптации лиц пенсионного возраста к реалиям современного цифрового общества. Полученные данные, в ходе проведения комплексного социологического исследования, позволили получить общее представление о процессе социальной адаптации лиц пенсионного возраста к реалиям современного цифрового общества: выявлен как объективный, так и субъективный компоненты данного процесса в жизнедеятельности пенсионеров. Методология данного исследования базировалась на совокупности структурного функционализма и системного подхода, а методика социологического исследования основывается на принципе триангуляции: одновременном использовании качественных и количественных методов. Анкетный опрос пенсионеров города Барнаула выступает количественным методом социологического исследования ($n=212$), а экспертный опрос выступает в роли качественного метода социологического исследования ($n=12$). Полученные данные в результате применения совокупности качественных и количественных методов позволили комплексно охарактеризовать процесс социальной адаптации пенсионеров к реалиям современного цифрового общества. Также полученные данные позволяют найти определенные возможности для упрощения процесса социальной адаптации пенсионеров к реалиям современного цифрового общества. Автор пришел к выводу, что социальная адаптация пенсионеров к реалиям цифрового общества жизненно необходима в актуальных реалиях для обеспечения полноценной жизнедеятельности и максимальной степени социальной включенности лиц старшего возраста во все социальные процессы. Социальная адаптация пенсионеров позволяет им пользоваться всеми благами цифрового общества, а также ощущать себя в безопасности при совершении тех или иных операций в системе феноменологических практик жизнедеятельности. На сегодняшний день далеко не все пенсионеры оказываются адаптированными к реалиям цифрового общества, а это является важным и значимым сигналом по созданию определенной программы адаптации к этим реалиям. Дальнейшие исследования в этой области позволят лучше понимать сущность социальной адаптации лиц пенсионного возраста к различным процессам.

Ключевые слова:

Социальная адаптация, Цифровое общество, Психологическая адаптация, Социальная психология, Структурный функционализм, Современные технологии, Системный подход,

Объективный компонент, Пенсионеры, Экспертный опрос

В настоящее время компоненты цифрового общества проникли во все сферы жизнедеятельности современного человека. Как правило, молодые люди достаточно быстро адаптируются к реалиям цифрового общества, не испытывая при этом существенных проблем. В то же время представители старшего поколения, пенсионного возраста, пожилого возраста сталкиваются с изрядным числом всевозможных преград, затрудняющих процесс социальной адаптации в условиях цифрового общества. Дело все в том, что их феноменологическая реальность формировалась вне современных технологий, все цифровых элементов бытия, следовательно, понять и принять для себя новые элементы, кардинально меняющие жизнедеятельность, оказывается достаточно сложно для многих пожилых людей. Такое положение дел создает условия для проявления социального отчуждения пенсионеров из системы социальной интеракций цифрового общества: если человек по тем или иным причинам не смог освоить новые ценности, нормы, социальные практики, то дальнейшее развитие в этой среде, а также комфортная жизнедеятельность оказываются по ряду причин недоступными [\[1, с. 225\]](#). Консервативные взгляды представителей пенсионного возраста формируют такие условия, при которых освоение даже локальных преобразований жизнедеятельности оказывается достаточно сложным, не говоря уже о фундаментальных трансформациях всей реальности бытия человека в условиях цифровизации социума.

Также стоит отметить, что у лиц пенсионного возраста адаптационный потенциал к всевозможным преобразованиям заметно ниже, чем у представителей молодого поколения. Так, перевод системы государственных услуг в цифровые экосистемы был воспринят современной молодежью как позитивный знак цифровизации, при этом пенсионеры столкнулись с заметными трудностями при получении государственных услуг в Интернет-среде [\[5, с. 34\]](#). Адаптация индивидов пенсионного возраста к реалиям цифрового общества осложняется еще и тем фактом, что зачастую пенсионеры не имеют должных цифровых и общекультурных компетенций, фундаментально необходимых для совершения базовых повседневных практик жизнедеятельности, например, для онлайн записи к врачу, оплаты коммунальных услуг не выходя из дома и т.д. Конечно, ввиду отсутствия альтернативных вариантов развития событий – представители пенсионного возраста постепенно осваивают и привыкают к реалиям цифрового общества, но в то же время немалый процент пожилых людей оказывается в состоянии непонимания происходящего, неумения взаимодействовать с системой цифровых сервисов [\[19\]](#).

Проблема оказывается не столь острой в тех случаях, когда у пожилого человека имеется возможность обращения к агентам социальной адаптации в цифровом обществе: детям, внукам, знакомым людям, заметно моложе их, которые уже освоили все компоненты и особенности цифрового общества. Но нередко происходит так, что пожилой человек оказывается одиноким – он фактически один на один остается с цифровыми вызовами, а значит для него ряд медицинских услуг, государственных услуг и иных услуг может оказаться либо совсем недоступным ввиду отсутствия соответствующих технических приспособлений для регистрации и записи на прием, либо ограниченно доступными, поскольку получение многих видов услуг в классическом варианте оказывается затруднительным.

Представители старшего поколения воспринимали все преобразования цифрового общества с определенной долей скептицизма, которая, в целом, им свойственна при восприятии любых преобразований и трансформаций [\[17\]](#). Конечно, трансформация

происходит постепенно: наряду с электронным документооборотом сохраняется бумажный документооборот, наряду с банковскими картами сохраняются классические сберегательные книжки и наличные денежные средства [\[13, с. 142\]](#). Но все же цифровизация с каждым днем все активнее распространяется на все сферы жизнедеятельности общества, а многие пенсионеры оказываются по сей день неготовыми к этим самым новым реалиям: они не воспринимают их, не понимают, зачем это нужно, а также не осознают всей опасности от отсутствия должных цифровых компетенций. В таком случае становится очевидно, что для многих пенсионеров процесс социальной адаптации в цифровом обществе оказывается достаточно затруднительным и проблемным, что и составляет актуальность данной темы социологического исследования.

Теоретическая разработанность данной проблемы имеет несколько исследовательских ракурсов. В первую очередь важно охарактеризовать классические представления о социальной адаптации индивида. В своих трудах представитель классического социологического знания Э. Дюркгейм рассматривал процесс социальной адаптации как взаимосвязанный элемент с феноменом социальной интеграции, благодаря чему происходит внедрение индивида в социальную систему, а также усвоение определенных норм и ценностей, доминирующих в этом обществе [\[4\]](#). Представитель методологической концепции органицизма Г. Спенсер рассматривал процесс социальной адаптации как некий закономерный этап приспособления человека к эволюционным процессам в жизнедеятельности социума, а Р. Мертон рассматривал компоненты социальной адаптации, а также этапы процесса социальной адаптации [\[12, 18\]](#). Кроме того, в трудах Т. Парсонса произведен подробный структурно-функциональный анализ феномена социальной адаптации, кроме того, проанализирована взаимосвязь между актуальными ценностями и нормами социума и особенностями процесса адаптации индивида [\[14\]](#).

В современном зарубежном социологическом знании подробно исследованы вопросы, связанные с социальной адаптацией лиц пожилого возраста, пенсионного возраста к тем или иным социокультурным реалиям. В трудах М. Лёнгфена и Е. Ларссона проанализирована сущность и структура процесса социальной адаптации пожилых людей к изменяющимся условиям, в особенности к условиям цифрового социума [\[25\]](#). В работах Дж. Морли и М. Берг-Вегера охарактеризованы особенности адаптационного потенциала пожилых людей, а также пределы адаптационных возможностей пожилых людей [\[24\]](#). Также стоит отметить труды В. Хостли в рамках которых проанализированы основные перспективы социальной адаптации современных пожилых людей в мире [\[26\]](#).

В рамках отечественного социогуманитарного знания также подробно рассмотрена проблема феномена социальной адаптации. В трудах И.А. Александрова дан подробный анализ методологических подходов к исследованию социальной адаптации, а также определен феномен социальной адаптации, при этом в работах О.В. Заниной выявлены компоненты успешной социальной адаптации в российском обществе, в частности, адаптации пенсионеров [\[2, 6\]](#). Достаточно подробно описано влияние социальной адаптации на жизнедеятельность социального субъекта в работах Т.Н. Кармадоновой, а Н.Л. Кириллова определила основные тенденции процесса социальной адаптации с точки зрения, как социологического, так и философского подходов [\[7, 9\]](#). Социокультурный подход в рамках изучения социальной адаптации населения подробно описан в работах Ю.М. Пасовец [\[15\]](#). Также стоит отметить работы Э.Н. Утеевой в рамках которых подробно описаны ключевые методологические подходы к исследованию

адаптации пожилых людей [\[20\]](#).

Сущностные характеристики цифрового общества определены М.Ю. Поляковой, при этом Л.Н. Яковлева определила сущностные черты цифрового общества, влияющие на жизнедеятельность среднестатистических граждан [\[16, 23\]](#). В работах А.А. Куликова освещена проблема цифрового неравенства в современном Российском обществе. С.Н. Евтушенко поднял проблему необходимости адаптации индивидов в цифровом обществе, а О.В. Занина определила некоторые особенности социальной адаптации пенсионеров в цифровом обществе [\[5, 6, 10\]](#). При этом В. Юаньян с позиции ресурсного подхода рассматривал проблемы и перспективы социальной адаптации пожилых людей в цифровом обществе [\[22\]](#).

Новизна данного социологического исследования предопределена следующими аспектами. Во-первых, будет проведено комплексное локальное социологическое исследование процесса социальной адаптации лиц пенсионного возраста к реалиям цифрового общества на примере жизнедеятельности современного провинциального города, во-вторых, путем удачной гибридизации количественных и качественных методов социологического исследования удастся в полной мере охарактеризовать как объективные компоненты социальной адаптации лиц пенсионного возраста к реалиям цифрового общества, так и субъективные компоненты данного процесса. Соответственно, социальная адаптация будет рассмотрена как с точки зрения экспертного сообщества, связанного с проблемами геронтологической интеграции пожилых людей в современный мир, так и с точки зрения самих пожилых людей, которым приходится сталкиваться с реалиями адаптации к текущим условиям. Фактически получен срез эмпирических данных, позволяющий комплексно охарактеризовать существующие проблемы и перспективы процесса социальной адаптации лиц пенсионного возраста к реалиям цифрового общества. Целью данной работы является изучение процесса адаптации лиц пенсионного возраста к реалиям современного цифрового общества.

Теоретико-методологическая база данной работы построена на совокупности структурного функционализма, а также системного подхода. Такая методологическая совокупность позволяет комплексно рассматривать процесс социальной адаптации лиц пенсионного возраста к реалиям цифрового общества. Так, структурный функционализм необходим для выявления и характеристики ключевых компонентов социальной адаптации и цифрового общества, а также структурный функционализм позволит выявить и описать ключевые функции процесса социальной адаптации. Системный подход позволит интегрировать в единую структуру субъективные и объективные компоненты социальной адаптации лиц пенсионного возраста к реалиям современного цифрового общества, благодаря чему исследование получится не только методологически грамотным, а также эвристически ценным и логически выстроенным.

Прежде всего нужно отметить, что социальная адаптация может рассматриваться как процесс приспособления индивида к тем или иным условиям среды, так и результат этого самого приспособления. И.А. Александров отмечает, что ключевая методологическая разница оказывается в том, что в рамках процесса идет продолжение усвоения и внедрения в собственную жизнедеятельность определенных норм, правил, компонент и детерминант жизнедеятельности, а в рамках результата мы уже наблюдаем некий итог прежних интеракций [\[2, с. 35\]](#). Под социальной адаптацией следует понимать процесс, направленный на полноценное и непосредственное приспособление индивида или социальной группы к актуальным условиям среды, посредством усвоения норм, социальных практик, правил поведения, социальных ролей и ключевых детерминант

жизнедеятельности, которые являются приемлемыми и допустимыми в данном обществе.

Процесс социальной адаптации является многокомпонентным, с точки зрения современного структурно-функционального анализа выделяется пять ключевых компонент. Поведенческий компонент социальной адаптации, по мнению О.В. Заниной, заключается в том, что индивид должен менять собственные паттерны поведения для того, чтобы соответствовать запросам и требованиям социальной среды [\[6, с. 19\]](#). В противном случае социальная среда применит определенные санкции для корректировки поведения социального субъекта. Коммуникативный компонент социальной адаптации подразумевает перманентное взаимодействие с другими социальными субъектами для оперативного освоения актуальных ценностей и норм. Кроме того, коммуникативный компонент позволяет индивиду оперативно внедряться в социальные сети общества, быстрее понимать всевозможные запросы и требования окружающего мира. Ценностно-нормативный компонент социальной адаптации включает в себя процесс усвоения совокупности ценностей и норм, которые являются базово необходимыми в современном обществе. Четвертый компонент социальной адаптации – психологический компонент, связанный с преодолением совокупности внутренних препятствий и ограничений для максимально эффективного и полного погружения в новые для себя социальные реалии [\[7, с. 263\]](#). Культурный компонент является пятым компонентом данной системы, в рамках которого социальным субъектом усваиваются традиции и соответствующие культурные нормы, возникает определенная идентификация с данным обществом, человек считает свою жизнедеятельность неотъемлемой частью актуальной культуры, в данном случае, цифрового общества.

Критериями успешной адаптации индивида в обществе, по мнению Н.Л. Кирилловой, можно считать следующие аспекты [\[9, с. 123\]](#). Во-первых, индивид для себя однозначно интерпретировал все актуальные правила социальной системы и научился их применять в рамках своей жизнедеятельности. Во-вторых, социальный субъект не испытывает каких-либо трудностей при совершении интеракций в текущей социальной системе. В-третьих, все элементы социальной системы, которые находятся в непосредственном доступе и структуре феноменологической реальности могут быть использованы по назначению, для достижения определенной личной или общественной полезности. В-четвертых, индивид чувствует себя достаточно комфортно, ощущает некую безопасность в сложившихся реалиях, благодаря чему вся деятельность осуществляется в штатном режиме без значимых проблем. В рамках социальной адаптации лиц пенсионного возраста к реалиям цифрового общества можно выделить следующие характеристики адаптированности пенсионеров: знания и навыки по использованию всевозможных благ цифрового общества, ощущение принадлежности и интеграции в цифровое общество, его ключевые реалии, отсутствие значимых сложностей при совершении необходимых повседневных действий в рамках цифрового общества, некое доверие к актуальным инструментам цифрового общества [\[10, с. 166\]](#).

По мнению автора данной работы, социальная адаптация к реалиям цифрового общества может быть рассмотрена через условную схему следующего порядка: «Я понимаю, что это такое» + «Я знаю, как этим пользоваться» + «Я ощущаю себя в безопасности, используя эти предметы». Соответственно, если на субъективном уровне восприятия цифровой реальности эти детерминанты выполняются, при этом человек не нуждается в посторонней помощи при совершении тех или иных действий, то можно говорить о достаточной степени социальной адаптации к реалиям цифрового общества.

В то же время социальная адаптация лиц пенсионного возраста в принципе осложняется

рядом уникальных особенностей представителей данной социальной группы [\[15, с. 116\]](#). В своих трудах Т.С. Киенко отмечает, что адаптационный потенциал пожилых людей, как и социальная гибкость, заметно ниже, чем у представителей современной молодежи или людей среднего возраста [\[8, с. 25\]](#). Поэтому всевозможные новшества, изменения компонентов феноменологической реальности воспринимаются скорее негативно, ввиду непонимания, отсутствия осознания необходимости подобных преобразований. С возрастом снижается физическая активность, социальная активность, интеллектуальная активность, в результате простые практики адаптации могут вызвать затруднения, в особенности, если есть некоторые деструктивные когнитивные изменения или изменения в рамках психического восприятия окружающего мира [\[20, с. 115\]](#). С течением времени положение дел постепенно меняется, пенсионер постепенно привыкает к новым для себя аспектам жизнедеятельности, но все же сама адаптация происходит с определенными трудностями. Зачастую пенсионеры сразу не понимают зачем им осваивать те или иные новые технологии, ведь и так жизнь оказывается достаточно благополучной и беспроблемной [\[22\]](#). При этом освоение новых технологий, приспособление к реалиям цифрового общества оказывается жизненно необходимым для того, чтобы быть полноценным членом современного общества, для наличия возможности получения всего комплекса государственных и социальных услуг без каких-либо проблем. Попытка проигнорировать вызовы цифрового общества может обернуться для индивида совокупностью неблагоприятных последствий, среди которых стоит выделить невозможность полноценной и комфортной жизнедеятельности в ряде сфер жизни или даже полную социальную изоляцию без возможности перманентной коммуникации с другими людьми путем применения смартфона, мессенджеров, социальных сетей [\[21, с. 140\]](#).

Цифровое общество ставит перед каждым человеком определенный ряд вызовов, которые необходимо принять и преодолеть, после чего жизнедеятельности в обществе такого типа окажется относительно беспроблемной и комфортной. Необходимость адаптации к реалиям цифрового общества обусловлена тем фактом, что человек может лишиться части социальных возможностей, у него не будет всех форм реализации личностного потенциала [\[11, с. 365\]](#). В условиях цифрового общества особенно ярко проявляется цифровое неравенство: когда люди, освоившие компоненты такого общества имеют несколько больше привилегий и удобств, чем люди, не освоившие те или иные компоненты.

Цифровое общество представляет собой инновационный тип общества, в котором информационно-коммуникационные технологии играют фундаментальную роль в жизнедеятельности социума в целом. Социальные взаимоотношения в цифровом обществе приобретают опосредованный характер взаимодействия через гаджеты, мессенджеры и социальные сети, а вся система хранения информации переводится в компьютеризированную систему [\[16, с. 239\]](#). Для цифрового общества с точки зрения современного социологического знания характерны следующие сущностные черты. Во-первых, Интернет, онлайн-коммуникация, онлайн-образование и даже онлайн-медицина становятся обыденным и опривыченным явлением в обществе. Как правило, использование современных технологий дает определенные преимущества для индивида. Во-вторых, в цифровом обществе начинает доминировать цифровая экономика, развивается не только электронная коммерция, но и цифровые сервисы по оплате услуг, переводу денежных средств и т.д. [\[11\]](#). Все сферы жизнедеятельности пронизаны инновациями, а искусственный интеллект является важной частью

жизнедеятельности современного человека, поскольку он обеспечивает автоматизацию ряда задач и упрощение рутинных дел [\[5, с. 29\]](#).

Методика социологического исследования социальной адаптации лиц пенсионного возраста к реалиям современного цифрового общества базируется на методической триангуляции, включающей в себя совместное использование качественных и количественных методов. Количественный метод представлен массовым анкетным опросом лиц пенсионного возраста, а качественный метод представлен экспертным опросом в форме глубинного интервью. Анкетирование предназначено для характеристики процесса адаптации лиц пенсионного возраста к реалиям цифрового общества преимущественно в рамках субъективного компонента, а экспертный опрос необходим для характеристики в большей степени объективного компонента процесса социальной адаптации. Имеется реальная необходимость одновременного использования нескольких методов социологического исследования для решения задачи рассмотрения объективной и субъективной сторон социальной адаптации лиц пенсионного возраста к реалиям цифрового общества, более того, необходимо на методическом уровне обеспечить согласованность объективных и субъективных компонентов. Это позволит сделать социологическое исследование эвристически ценным. Кроме того, совместное использование качественного и количественного методов социологического исследования позволяет усилить достоинства каждого из них, а также снизить кумулятивный эффект влияния от недостатков этих методов.

Выборочная совокупность для реализации количественного метода социологического исследования, а именно анкетного опроса, составила 229 респондентов пенсионного возраста, проживающих в городе Барнауле. Выборка квотная с элементами стихийного отбора внутри заранее определенных квот. Основными квотами отбора респондентов стали пол, возраст, район проживания и уровень образования. В рамках реализации метода анкетного опроса применялось как классическое анкетирование (очное) по месту проживания респондента, так и дистанционное анкетирование с помощью «Яндекс форм».

Качественный метод исследования представлен экспертным опросом в форме глубинного интервью, в рамках которого было опрошено 14 экспертов. Эксперты отбирались методом снежного кома с учетом наличия у них соответствующих знаний и компетенций, необходимых для полноценной и грамотной оценки процесса адаптации лиц пенсионного возраста к реалиям цифрового общества. Экспертами стали ведущие социологи региона, социальные психологи города Барнаула. Также роль экспертов выполняли руководители комплексных центров социального обслуживания населения, руководители некоммерческих организаций, которые связаны с пожилыми людьми, а также руководители домов престарелых города Барнаула. Стоит отметить, что в рамках экспертного опроса были задействованы руководители отделений Социального фонда России, а также депутаты Алтайского краевого Законодательного Собрания, занимающиеся вопросами социальной и информационной политики. Такой экспертный состав позволил максимально подробно рассмотреть социальную адаптацию лиц пенсионного возраста к реалиям современного цифрового общества, выявить ключевые проблемы и перспективы в этой области.

Начать описание результатов социологического исследования следует с обобщения данных о том, насколько сложными восприятия пенсионеров являются различные современные технологии. Цифровые компетенции не всегда могут приобретаться пенсионерами, а все привычные феноменологические практики жизнедеятельности

кардинально изменились. Участники экспертного опроса отмечали: «Пенсионеры в возрасте 60-65 лет в среднем успели поработать в условиях, когда компоненты цифрового общества были достаточно сильно распространены в нашей жизни. Поэтому для них нет ничего удивительного в том, что есть электронная запись к врачу, возможность оплаты товаров картой или наличие электронных государственных услуг. А вот пенсионеры возрастом старше 75 лет, как правило, сталкиваются с полным непониманием цифрового мира...» (депутат); «Все зависит от индивидуальных особенностей пожилых людей: некоторые сохраняют социальную активность, легко переживают трудные времена, связанные с адаптацией к тем или иным компонентам цифрового общества, а другие пенсионеры вообще отказываются как-либо подстраиваться под новые реалии. Вот для них этот мир и является чужим и сложным» (социальный психолог).

В ходе исследования на вопрос «Бывает ли у Вас ощущение, что этот мир для пенсионеров стал слишком сложным и чужим?» – были получены следующие ответы (см. Рисунок 1). Практически каждый третий опрошенный респондент отметил, что у них такое чувство складывается очень часто – 31%, при этом 26% опрошенных пенсионеров отметили, что у них такое чувство возникает достаточно редко, а у 22% опрошенных респондентов подобное ощущение иногда возникает. Стоит обратить внимание на тот факт, что у 15% опрошенных респондентов такое ощущение возникает достаточно часто. Следовательно, абсолютное большинство пенсионеров сталкивается с ощущением сложности нового мира, но, как правило, это по мере реализации практик социальной адаптации проходит, в результате чего лица пенсионного возраста чувствуют себя достаточно комфортно. Лишь 6% опрошенных лиц пенсионного возраста отметили, что у них никогда не бывает ощущения чуждости и сложности современного мира. Такие ответы респондентов оказываются достаточно предсказуемыми ввиду того, что 49% опрошенных пенсионеров отметили, что они так и не смогли полноценно адаптироваться ко всем изменениям жизнедеятельности, прошедшим в течении последних пятнадцати лет. Лишь 8% опрошенных пенсионеров чувствуют себя определенно адаптированными в современном цифровом обществе.

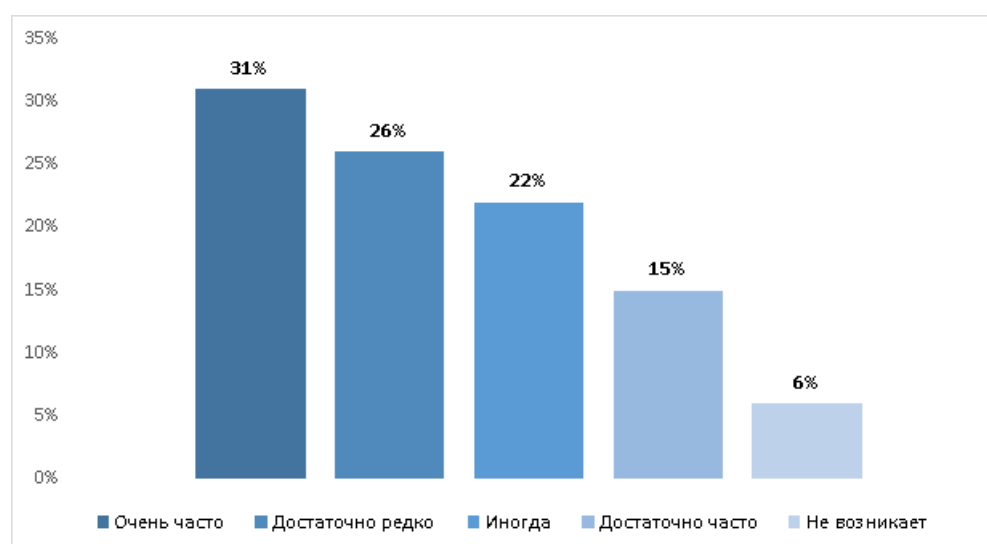

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Бывает ли у Вас ощущение, что этот мир для пенсионеров стал слишком сложным и чужим?», %.

Одним из важных и значимых компонентов социальной адаптации пенсионеров к реалиям цифрового общества является использование в повседневной жизнедеятельности предметов, появившихся в нашей жизни благодаря процессу

цифровизации. Если смартфоны, социальные сети и всевозможные мессенджеры лица пенсионного возраста осваивают достаточно успешно, что электронный документооборот, новая цифровая культура и бесконтактная оплата до сих пор остаются недоступными для большинства современных пенсионеров. Отсутствие практик освоения части компонентов жизнедеятельности цифрового общества приводит к ощущению некоего отчуждения в современной социальной системе, в результате чего общее качество жизни пожилого человека ухудшается.

Участники экспертного опроса отмечали: *«Пенсионеры без проблем пользуются смартфоном, выходят в Интернет для поиска информации, в большинстве своем умеют сообщать родственникам информацию в социальных сетях или мессенджерах. Но при этом к электронному документообороту до сих пор нет у них никакого доверия, в преимуществах переубедить пенсионера невозможно...»* (руководитель организации), *«К сожалению, лица пенсионного возраста до сих пор испытывают проблемы, связанные с освоением цифровой культуры. Им сложно понять и освоить все возможные правила и нормы виртуального общения, взаимодействия в сети Интернет. Иногда просто пенсионерам не хватает цифровой грамотности для самостоятельного решения документальных вопросов...»* (социолог). Так, на вопрос «Какие элементы цифрового общества Вы не освоили по сей день?» – были получены следующие ответы (см. Рисунок 2). Для абсолютного большинства опрошенных неосвоенным элементом оказалась новая цифровая культура – 81%, при этом для 59% опрошенных респондентов неосвоенным оказался электронный документооборот, а для 39% опрошенных неосвоенной осталась бесконтактная оплата. Практически третья часть опрошенных респондентов не освоила практику онлайн-записи к врачу, а также виртуальные государственные услуги – 34%, а для пятой части опрошенных респондентов неосвоенным оказался выход в Интернет. Практически десятая часть опрошенных респондентов не освоила практику использования социальных сетей – 9%, при этом лишь каждый двадцатый опрошенный респондент не освоил мессенджеры, а только 2% опрошенных не освоили смартфоны. В целом, можно говорить о том, что пенсионеры постепенно приспосабливаются к реалиям цифрового общества, по крайней мере использование базовых элементов цифровой жизнедеятельности не вызывает особых проблем.

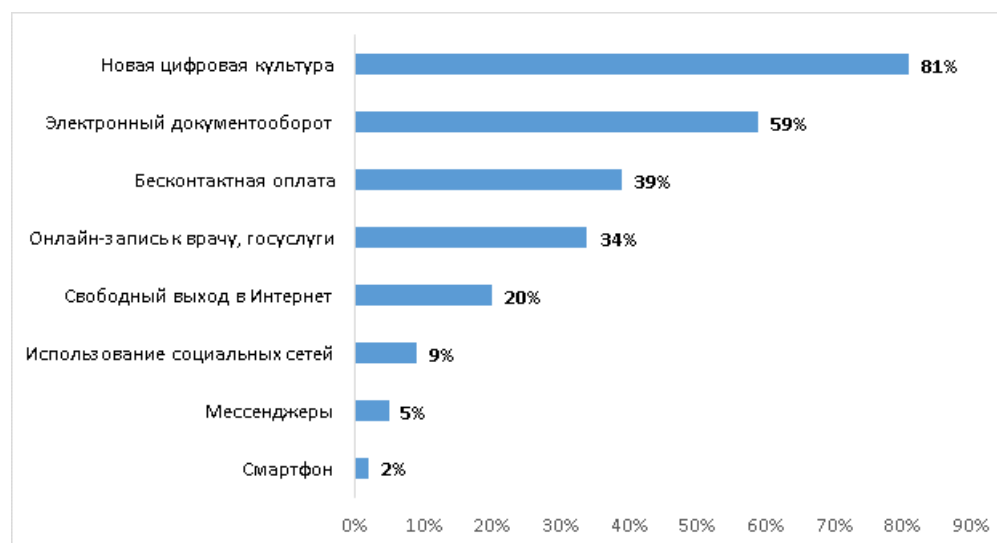

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие элементы цифрового общества из нижеперечисленных Вы не освоили и по сей день?», %.

Социальная адаптация, в целом, является завершенной в тех случаях, когда пенсионер легко ориентируется в реалиях цифрового общества, все аспекты жизнедеятельности

ему понятны, а бытовые операции выполняются без какой-либо посторонней помощи. В данном случае речь идет о посторонней помощи в рамках процесса адаптации к реалиям цифрового общества. Участники экспертного опроса отмечали: *«Условно молодые пенсионеры, как правило, самостоятельно осваивают все аспекты жизнедеятельности в цифровом обществе, чаще всего им требуется лишь разовая консультативная помощь от компетентного человека. В то время как люди старческого возраста испытывают серьезные затруднения с тем, чтобы освоить новые для себя компоненты жизнедеятельности в цифровом обществе.»* (руководитель организации), *«Освоение определенных компонентов цифрового общества может оказаться затруднительным даже для молодых людей. Поэтому очевидно, что пенсионеры нуждаются в определенной поддержке со стороны общества и государства при освоении всевозможных компонент цифрового общества. Особое внимание нужно уделить лицам старше 80 лет, ведь они в современном обществе наименее защищены от мошенничества в сети, от иных неблагоприятных аспектов жизнедеятельности цифрового общества...»* (депутат).

Так, на вопрос «Нуждаетесь ли Вы в посторонней помощи в процессе адаптации к реалиям цифрового общества?» – были получены следующие ответы (см. Рисунок 3). Пенсионеры возрастом от 55 до 65 лет в наименьшей степени испытывают нужду в посторонней помощи в рамках процесса адаптации к реалиям цифрового общества. Лишь 6% таких опрошенных нуждаются в посторонней помощи, а абсолютное большинство таких респондентов не нуждаются в помощи в процессе адаптации к реалиям цифрового общества. С группой респондентов возраста от 65 до 75 лет ситуация несколько иная, ведь практически каждый второй опрошенный временами нуждается в посторонней помощи в процессе адаптации к реалиям цифрового общества – 52%, соответственно 48% опрошенных респондентов не нуждаются в посторонней помощи в процессе адаптации к реалиям цифрового общества. Респонденты старческого возраста, то есть старше 75 лет в абсолютном большинстве случаев определенно нуждаются в посторонней помощи в процессе адаптации к реалиям цифрового общества – 89%, лишь 11% таких опрошенных не нуждаются в помощи в процессе адаптации к реалиям цифрового общества. В данном случае очевидно, что возраст респондента прямо пропорционально связан со степенью нуждаемости в помощи в рамках процесса социальной адаптации к цифровому обществу. Причем помощь может потребоваться самая разнообразная, начиная от объяснения правил безопасности в цифровой среде, заканчивая помощью с регистрацией аккаунтов, подачей электронных заявлений в электронном портале «Госуслуги» и т.д.

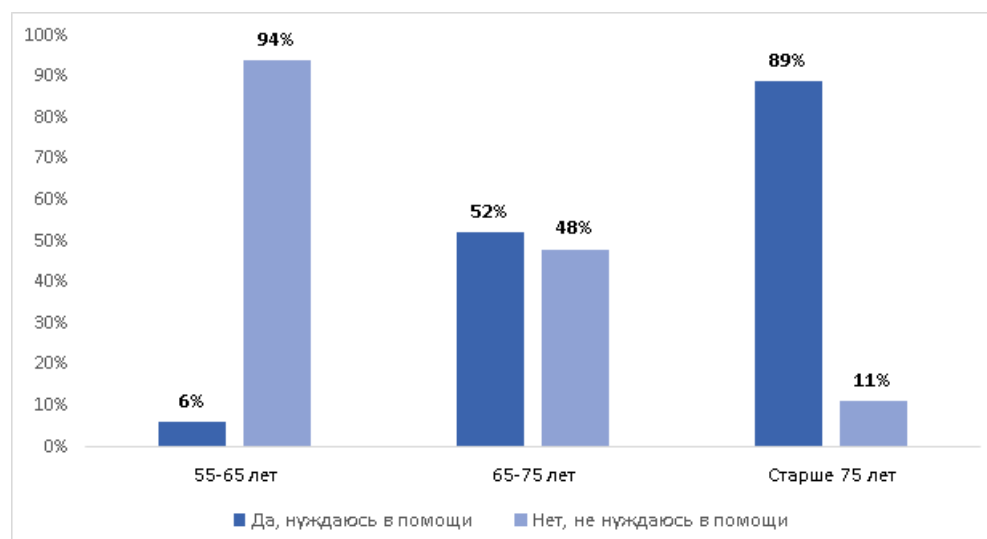

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Нуждаетесь ли Вы в

посторонней помощи в процессе адаптации к реалиям цифрового общества?» в зависимости от возраста, %.

Важной характеристикой жизнедеятельности индивида в цифровом обществе выступает онлайн-коммуникация. Дело в том, что если индивид может без особых проблем поддерживать онлайн-общение, пользоваться соответствующими коммуникационными устройствами по типу смартфона или ноутбука, освоил социальные сети и имеет базовые навыки взаимодействия с другими людьми в виртуальном мире, – то это свидетельствует о достаточной степени адаптированности в цифровом обществе. Хотя, безусловно, данный показатель не является единственным. Участники экспертного опроса отмечали: *«Если индивиды неплохо взаимодействуют с другими индивидами в онлайн-формате, то можно говорить уже об определенной степени адаптации человека. Все-таки мир онлайн-взаимодействия является ключевой характеристикой в рамках современного цифрового общества...»* (социолог); *«Конечно, хотелось бы, чтобы все ныне живущие люди без проблем могли пользоваться благами цивилизации, в частности, онлайн-общением. Но в силу сложностей с адаптацией к реалиям цифрового общества это не представляется в полной мере возможным.»* (социальный психолог); *«Как правило, пожилые люди сталкиваются с проблемами, связанными с набором сообщений, интерпретацией всевозможных смайликов и стикеров, а также с непониманием того, как использовать чаты для обратной связи на тех или иных сайтах»* (руководитель организации).

В анкете задавался вопрос: «Сталкивались ли Вы со сложностями в процессе осуществления онлайн-коммуникации?». Были получены следующие ответы (см. Рисунок 4). Большинство опрошенных респондентов часто сталкивались со сложностями при реализации практик онлайн-коммуникации – 48%, при этом практически третья часть опрошенных респондентов очень часто сталкивалась со сложностями при осуществлении онлайн-коммуникации – 29%, а каждый десятый опрошенный респондент иногда сталкивался со сложностями при осуществлении онлайн-коммуникации – 10%. Лишь 8% участников опроса редко сталкиваются со сложностями при осуществлении онлайн-коммуникации, и только каждый двадцатый опрошенный респондент не сталкивался со сложностями в процессе онлайн коммуникации – 5%. Следовательно, по данному показателю требуется еще время для адаптации лиц пенсионного возраста к цифровому обществу.

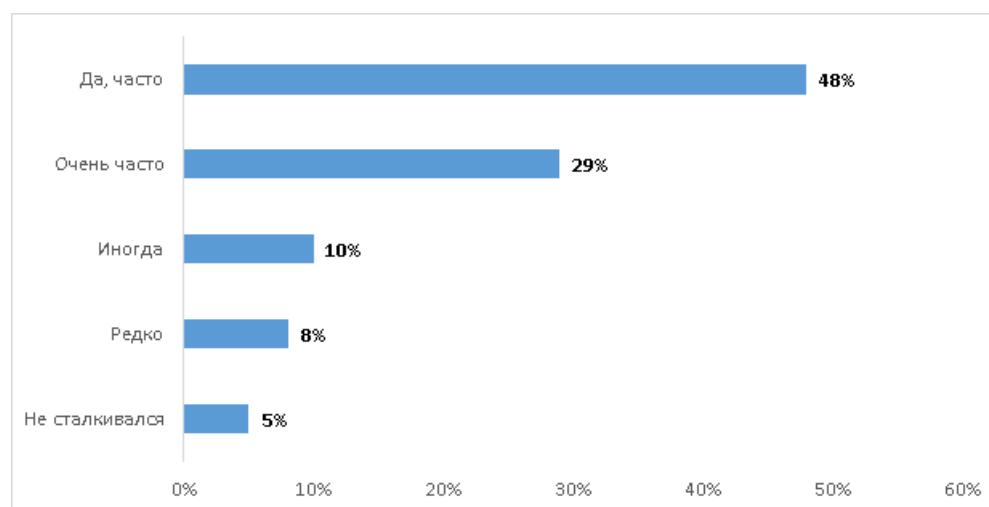

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Сталкивались ли Вы со сложностями в процессе осуществления онлайн-коммуникации?», %.

Один из важных и значимых показателей социальной адаптации пожилых людей в

цифровом обществе является ощущение себя в безопасности в сложившихся реалиях. Если индивид знает, что он находится в безопасности, то он охотно совершает те или иные феноменологические интеракции, соглашается на участие в мероприятиях, живет полной жизнью. Совершенно обратная ситуация происходит в тех случаях, когда субъект не чувствует должного уровня уверенности в собственной безопасности, тогда социальная жизнь оказывается совершенно ограниченной, человек не стремится к развитию. Участники экспертного опроса отмечали: *«Сложно пока говорить о том, что человек чувствует себя безопасно в современном обществе. Этому есть несколько причин. Если физически он, скорее всего, не пострадает, то может пострадать ментально или финансово от деятельности мошенников. Пока что данный фактор – основной камень преткновения процесса совершенствования цифрового общества»* (руководитель организации); *«По своему опыту могу сказать, что пенсионеры в большинстве своем опасаются цифрового общества, множества его компонентов. Участвовавшие случаи всевозможного мошенничества, сбой программ – все это достаточно сильно деструктурирует доверие пенсионеров ко всей системе в целом. Даже когда в официальном учреждении просим у пенсионера данные для занесения в базы – они относятся с крайней степенью недоверия, уточняя, не являемся ли мы мошенниками...»* (депутат).

Так, на вопрос «Чувствуете ли Вы себя в безопасности, находясь в современном, цифровом обществе?» – были получены следующие ответы (см. Рисунок 5). Абсолютное большинство опрошенных респондентов скорее не чувствуют себя в безопасности, находясь в цифровом обществе – 68%, поскольку слишком большой риск потерять свои денежные накопления и даже репутацию порядочного человека, при этом каждый пятый опрошенный респондент определенно не чувствует себя в безопасности, находясь в цифровом обществе – 20%, а 8% опрошенных респондентов скорее чувствуют себя в безопасности, находясь в цифровом обществе. Лишь 4% опрошенных респондентов – фактически меньшинство чувствуют себя в полной безопасности. Следовательно, по показателю ощущения безопасности пока преждевременно говорить о достаточной степени социальной адаптированности пенсионеров к реалиям цифрового общества.

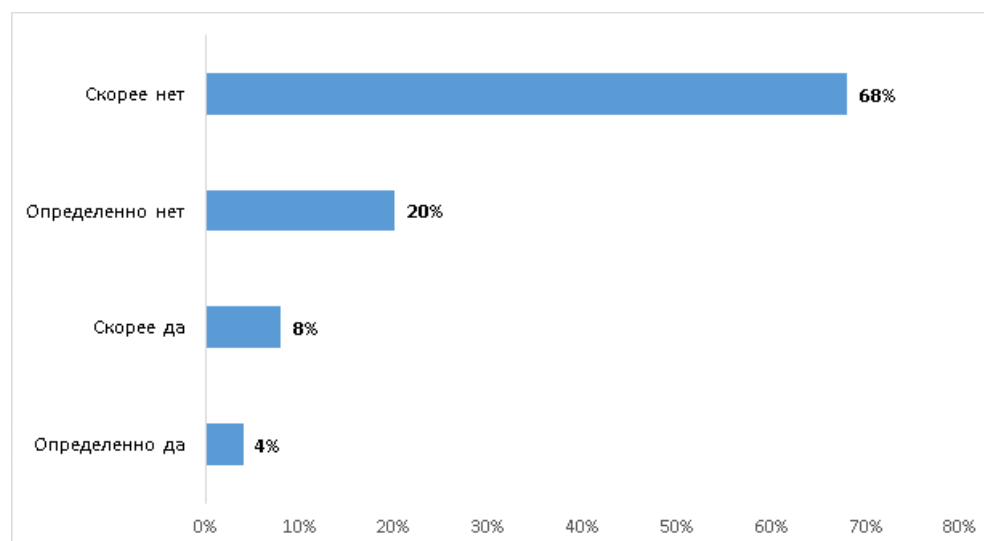

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос «Чувствуете ли Вы себя в безопасности, находясь в современном, цифровом обществе?», %.

По мере самореализации пенсионера в реалиях цифрового общества, у него формируется определенное отношение к происходящим явлениям и процессам, которое так или иначе влияет на степень его социальной адаптированности к текущим условиям.

Если при индивидуально-личностном анализе положения дел в окружающей среде преобладают негативные оценки, общее недоверие и скепсис, разумеется, нельзя говорить о полноценной социальной адаптации, можно отметить лишь частичную социальную адаптацию лиц пенсионного возраста к реалиям цифрового общества. Если же при личных оценках преобладают оптимистичные и позитивные характеристики, то это является достаточно надежным индикатором о достаточном уровне социальной адаптированности пожилых граждан. Все же большинство пенсионеров с крайней степенью недоверия относятся к совокупности реалий цифрового общества: они не понимают реалий этого социума, ключевых детерминант жизнедеятельности, при этом сами реальность цифрового общества не предполагает достаточно мягкой и комфортной системы адаптации к сложившемуся положению дел.

Участники экспертного опроса отмечали: *«Пенсионеры в возрасте до 65 лет более благосклонно и лояльно относятся к реалиям цифрового общества, при этом люди 70 лет и старше категорически отказываются принимать такую реальность, где нет уверенности в завтрашнем дне, базовой безопасности... Нам еще предстоит поработать в этом направлении»* (социолог); *«Цифровизация пошла не так благоприятно, как планировалось изначально, поэтому некоторая степень принудительности сказывается на оценках пенсионеров о сложившемся положении дел. Тем не менее со временем ситуация должна выравниваться, а оценки стать более благоприятными. Просто не все пенсионеры для себя поняли те преимущества, которые предоставляются цифровым обществом...»* (руководитель организации).

Респонденты возрастом от 55 до 65 лет – «молодые пенсионеры» относятся наиболее оптимистично к цифровому обществу и его реалиям. Так, практически каждый десятый такой опрошенный определенно положительно относится к цифровому обществу – 9%, при этом абсолютное большинство опрошенных респондентов отметили, что скорее положительно относятся к цифровому обществу в целом – 54%. Респонденты этой возрастной группы успели еще в период накопления трудового стажа оценить многие преимущества цифрового общества в рамках собственной жизнедеятельности, что обуславливает столь позитивные оценки. При этом практически каждый третий такой опрошенный скорее отрицательно относится к цифровому обществу – 31%, а 6% опрошенных респондентов определенно отрицательно относятся к цифровому обществу.

Среди респондентов возраста 65-75 лет ситуация уже несколько иная, лишь 8% опрошенных определенно положительно относятся к цифровому обществу, а 14% таких опрошенных скорее положительно относятся к цифровому обществу. Абсолютное большинство опрошенных респондентов скорее отрицательно относятся к цифровому обществу – 60%, а 18% таких опрошенных определенно отрицательно относятся к цифровому обществу. С возрастом скепсис по отношению к цифровому обществу возрастает, так как индивиды не успели ознакомиться с благостностью данного общества, но при этом столкнулись с множеством деструктивных аспектов жизнедеятельности в этом типе общества.

Равные доли опрошенных респондентов в возрасте старше 75 лет положительно и скорее положительно относятся к цифровому обществу, при этом больше половины таких опрошенных респондентов скорее отрицательно относятся к реалиям цифрового общества – 55%. Свыше трети респондентов старческого возраста определенно отрицательно относятся к цифровому обществу в целом. Эта возрастная группа респондентов в наибольшей степени скептически относится к цифровому обществу, ведь им пока еще не удалось освоить сколько-нибудь значимые преимущества жизнедеятельности в реалиях цифрового социума.

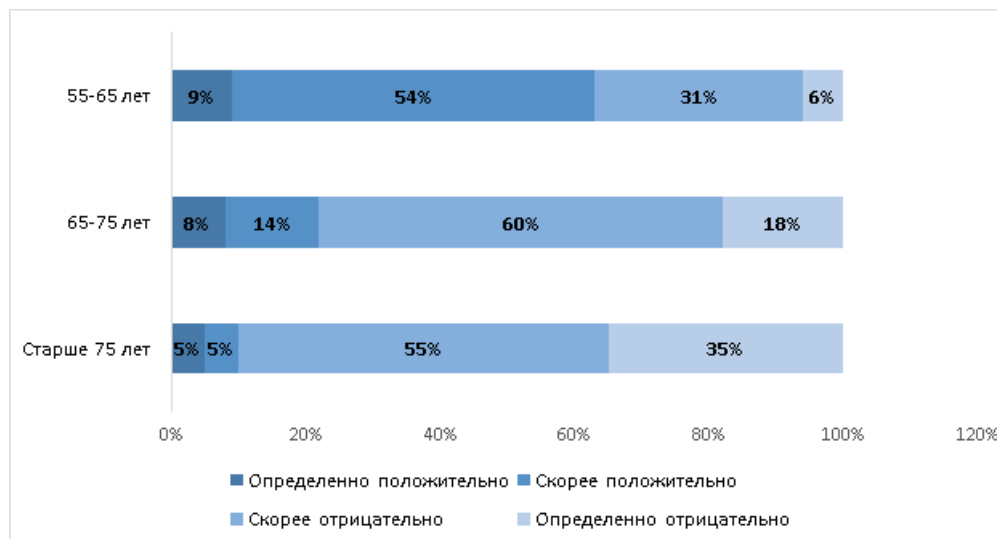

Рис. 6. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как лично Вы в целом относитесь к цифровому обществу?» в зависимости от возраста, %.

Таким образом, социальная адаптация пенсионеров к реалиям цифрового общества происходит с некоторыми затруднениями, хотя сами пенсионеры прилагают определенные усилия для того, чтобы научиться комфортно жить в этом новом для себя мире. Одной из главных причин затрудненного процесса адаптации пенсионеров является отсутствие должной социальной гибкости и дефицит личностного ресурса, который мог бы быть направлен на процесс адаптации к среде. Кроме того, современным пенсионерам оказывается попросту непривычно и некомфортно жить в постоянной изменяющейся парадигме феноменологической реальности. Регулярно появляются новые средства и механизмы связи, определенные инновационные компоненты жизнедеятельности, которые пенсионеры не могут освоить в силу определенных индивидуально-личностных и социальных особенностей. В результате пожилые люди считают сложившийся мир для себя недостаточно дружелюбным и приветливым, более того, цифровое общество кажется бесконечно сложным для лиц пенсионного возраста.

Затрудняют процесс социальной адаптации пенсионеров к реалиям цифрового общества следующие аспекты: во-первых, большинство пенсионеров не освоило в рамках повседневной жизнедеятельности ряд компонентов цифрового общества, например, электронный документооборот, новую цифровую культуру, а также бесконтактную оплату, во-вторых, цифровое общество создает такой темп жизни и социальной динамики, что пенсионеру оказывается не под силу охватить все эти процессы, обдумать их и успеть встроить в собственное сознание. В результате пенсионер начинает опасаться тех аспектов жизнедеятельности цифрового общества, которые он не понял, ведь полностью отсутствует понимание того, как следует взаимодействовать с той или иной вещью, или аспектом цифрового социума. Пенсионеры в возрасте от 55 до 65 лет, как правило, в большинстве случаев самостоятельно адаптируются к большинству реалий цифрового общества, их адаптационный потенциал в принципе выше, как и общие результаты процесса адаптации. А вот пенсионеры в возрасте старше 65 лет испытывают куда более существенные трудности в рамках самостоятельной адаптации к реалиям цифрового общества без посторонней помощи, при этом респонденты возрастом старше 75 лет чаще всего не могут адаптироваться без должной посторонней помощи.

Достаточно позитивным аспектом в рамках процесса социальной адаптации пенсионеров к реалиям цифрового общества является тот факт, что у большинства опрошенных респондентов имеются следующие блага цифрового общества: смартфон, выход в

Интернет, ноутбук, банковская карта, возможность общаться в мессенджерах и социальных сетях. Постепенно эти аспекты жизнедеятельности становятся все более опривыченными и естественными, соответственно пенсионеры уже не представляют полноценной жизни без названных элементов цифрового общества. Для облегчения процесса адаптации пенсионеры комбинируют возможности коммуникации цифрового общества и традиционные возможности коммуникации, также комбинируют как инновационные практики совершения покупок с помощью банковской карты и NFC, так и совершают классические покупки за наличные. Благодаря тому, что современное общество практически во всех сферах сохранило традиционные возможности совершения привычных интеракций социальная адаптация проходит гораздо легче.

С другой стороны, пенсионеры в большинстве своем не чувствуют себя в безопасности в цифровом обществе. Все же достаточно большое количество цифровых рисков сводит до минимального уровня социальное доверие к цифровому обществу, а это, в свою очередь, негативно влияет на весь процесс социальной адаптации в целом. Распространенные практики онлайн-мошенничества беспокоят лиц пенсионного возраста в современных реалиях. При этом не все пенсионеры до конца понимают, что же представляет собой цифровое общество, как в нем следует себя вести и как взаимодействовать с другими людьми. Все же позитивные элементы цифрового общества постепенно обнаруживаются пенсионерами, они приживаются в системе феноменологических интеракций жизнедеятельности, ввиду чего общая оценка цифрового общества оказывается скорее положительной, причем наиболее положительно относятся респонденты возраста 55-65 лет, поскольку столкновение с реальностью цифрового общества произошло в достаточно молодом возрасте, в период трудовой активности. Негативные оценки цифровому обществу дают респонденты старше 75 лет, им адаптация дается наиболее тяжело и сложно.

На основании проведенного социологического исследования были разработаны следующие рекомендации, призванные упростить и оптимизировать процесс социальной адаптации пенсионеров к цифровому обществу. 1. Современные пенсионеры достаточно слабо осведомлены о ключевых преимуществах цифрового общества, а также о правилах максимально безопасного поведения в современном цифровом обществе. Поэтому очень важно разработать и запустить по региональному телевидению рекламную компанию, направленную на объяснение ключевых компонентов и характеристик цифрового общества, а также на то, как эти самые ключевые компоненты и характеристики цифрового общества могут быть успешно применены пенсионером в рамках системы феноменологических практик жизнедеятельности. Также целесообразно разработать курс публичных лекций, которые бы читались представителями местной власти в селах и деревнях в местных домах культуры по случаю проведения тех или иных мероприятий. Все это повысит уровень осведомленности пенсионеров о сущности и структуре цифрового общества, а также упростит адаптацию к данному периоду жизнедеятельности.

2. Для благоприятного протекания процесса социальной адаптации лиц пенсионного возраста к реалиям цифрового общества очень важно сохранить на постоянной основе возможность классического получения государственных услуг, то есть при личном визите, за наличные средства и без использования электронных сервисов. Для многих пожилых людей получить государственную услугу таким образом является экзистенциально важным параметром жизнедеятельности, так они чувствуют себя в опривыченной реальности. В любом случае очень важно размещать в местах оказания государственных услуг соответствующие информационные стенды, которые в доступной и

понятной форме для пенсионеров бы рассказывали о реальном преимуществе электронного документооборота, а также об его реальной безопасности и эффективности.

3. Многие пожилые люди старше 65 лет испытывают существенные сложности в освоении тех или иных компонентов цифрового общества. Для таких людей необходимо предусмотреть систему централизованной помощи, когда нуждающийся пенсионер может обратиться в социальную службу или местную администрацию, после чего к нему направят волонтера: студента или школьника 10-11 класса, который поможет пенсионеру разобраться с новым для себя цифровым инструментом. Такая практика позволит одновременно обеспечить вторичную занятость современной молодежи, найти объединяющее начало для представителей разных поколений, а также упростить процесс социальной адаптации лиц пенсионного возраста к реалиям цифрового общества.

Таким образом, социальную адаптацию лиц пенсионного возраста к цифровому обществу можно считать на сегодняшний день удовлетворительной. Большинство пенсионеров постепенно все лучше понимают, как необходимо взаимодействовать с другими людьми в цифровом обществе, также перманентно осваивают все новые компоненты, свойственные исключительно такому типу общества. Конечно, присутствуют определенные опасения и недопонимания, но со временем они будут все меньше и меньше себя проявлять, в результате чего в среднесрочной перспективе абсолютное большинство пенсионеров окажутся практически полностью адаптированными к реалиям цифрового общества.

Библиография

1. Абдрахманов, Д. В. Информационное общество, цифровое общество, цифровая конституция / Д. В. Абдрахманов // Право цифровой среды : Монография / Под редакцией Т.П. Подшивалова, Е.В. Титовой, Е.А. Громовой. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2022. – С. 220-231. EDN: SVUUBU.
2. Александров, И. А. Анализ классических подходов и современных исследований в вопросе изучения социально-психологической адаптации и ее стратегий / И. А. Александров, О. А. Овсяник // Человеческий капитал. – 2022. – № 6(162). – С. 30-40. DOI: 10.25629/НС.2020.06.04 EDN: ZUCKVF.
3. Вебер, М. О некоторых категориях понимающей социологии / М. Вебер // Избранные произведения. – М. : Прогресс, 2022. – С. 495-546.
4. Дюркгейм, Э. Ценностные и реальные суждения / Э. Дюркгейм // Социологические исследования. – 1991. – № 2. – С. 106-114.
5. Евтушенко, С. Н. Цифровой гражданин и цифровое общество: влияние индивида и общества на достижение национальных стратегических целей / С. Н. Евтушенко, С. Б. Епихина // Экономические стратегии. – 2021. – Т. 23, № 2(176). – С. 22-37. DOI: 10.33917/es-2.176.2021.22-37 EDN: LJOZGG.
6. Занина, О. В. Социальная адаптация и дополнительное образование пенсионеров в стационарных учреждениях / О. В. Занина // Социальная адаптация пенсионеров через образование : материалы всероссийской научно-практической конференции, Самара, 16-17 ноября 2023 года. – Самара : Самарская региональная общественная организация "Ассоциация выпускников Самарского (Куйбышевского) университета", 2023. – С. 19-20.
7. Кармадонова, Т. Н. Влияние социальной адаптации личности на конструирование социальной реальности / Т. Н. Кармадонова // Вопросы социальной теории. – 2021. – Т. 7. – С. 260-265.

8. Киенко, Т. С. Основы социальной геронтологии : Учебно-методическое пособие / Т. С. Киенко. – Ростов-на-Дону : Южный федеральный университет, 2023. – 112 с.
9. Кириллова, Н. Л. Философские аспекты социальной адаптации / Н. Л. Кириллова // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 1(20). – С. 122-125.
10. Куликов, А. А. Информатизация и цифровизация современного общества / А. А. Куликов, Г. Ян // Гуманитарные проблемы современности : сборник статей IV Международной научно-практической конференции, Курск, 20 мая 2022 года / Юго-Западный государственный университет. – Курск : Закрытое акционерное общество "Университетская книга", 2022. – С. 166-169. EDN: HNYKAT.
11. Куликов, А. А. Цифровое неравенство в российском обществе: причины, масштабы и последствия / А. А. Куликов // Исторические, философские, методологические проблемы современной науки : Сборник статей 8-й Международной научной конференции молодых ученых, Курск, 22 мая 2025 года. – Курск : ЗАО "Университетская книга", 2025. – С. 362-367. EDN: EDQZWX.
12. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М. : АСТ : Хранитель, 2006. – 873 с.
13. Николаева, О. В. Пенсионеры в современных условиях: ценности и социальное самочувствие (на материалах конкретно-социологического исследования в г. Казани) / О. В. Николаева // Вестник Чувашского университета. – 2022. – № 2. – С. 141-144.
14. Парсонс, Т. Социальная система / Т. Парсонс ; пер. с англ. Л. А. Седова, Л. А. Козловой. – Москва : Академический Проект, 2022. – 521 с.
15. Пасовец, Ю. М. Социокультурный подход в исследовании социальной адаптации населения / Ю. М. Пасовец // XIII Социологические чтения преподавателей, аспирантов и студентов : Межвузовский сборник научных трудов по материалам Всероссийской научной конференции, Пенза, 26-27 апреля 2021 года. – Пенза : Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского, 2021. – С. 114-119.
16. Полякова, М. Ю. Цифровое общество: проблемы и перспективы / М. Ю. Полякова // Проблемы автоматизации. Региональное управление. Связь и автоматика (ПАРУСА-2021) : Сборник трудов VI Всероссийской научной конференции молодых ученых, аспирантов и студентов, Геленджик, 09-10 ноября 2021 года / Редакционная коллегия: О. А. Фоменко, С. В. Кирильчик, А. Я. Номерчук. – Геленджик : Южный федеральный университет, 2021. – С. 238-241.
17. Русских, Л. В. Социальная адаптация пенсионеров / Л. В. Русских // Личность и культура в меняющемся мире: единство в многообразии. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2023. – С. 66-80. EDN: ENKDEB.
18. Спенсер, Г. Основания социологии / Г. Спенсер ; пер. с англ. [Ф.И. Переводчика]. – [Изд., если указано]. – Санкт-Петербург : Изд-во В.И. Яковенко, 2019. – Т. 1. – 500 с.
19. Толкачева, В. П. Сущность социальной адаптации и факторы, влияющие на социальную адаптацию государственных служащих / В. П. Толкачева // Студенческий форум. – 2022. – № 3-1(182). – С. 90-93. EDN: FTCNPC.
20. Утеева, Э. Н. Методологические подходы к адаптации пожилых людей / Э. Н. Утеева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2022. – № 1(9). – С. 111-116.
21. Ха, О. А. Специфика процесса социальной адаптации пожилых людей / О. А. Ха // Актуальные проблемы философии, социологии и политологии, экономики и психологии : Материалы XI Международной студенческо-аспирантской научной конференции, Пермь, 16-17 октября 2022 года. – Пермь : Пермский государственный университет, 2022. – С. 136-141.
22. Юаньян, В. Ресурсный подход в исследовании проблемы социально-психологической адаптации в изменяющихся обстоятельствах жизни / В. Юаньян // Социально-

психологическая адаптация мигрантов в современном мире : Материалы 4-й Международной научно-практической конференции, Пенза, 23-24 марта 2022 года / Ответственный редактор В. В. Константинов. – Пенза : Издательство "Перо", 2022. – С. 418-426.

23. Яковлев, Л. Н. Актуальные аспекты развития науки и общества в эпоху цифровой трансформации / Л. Н. Яковлев // Актуальные аспекты развития науки и общества в эпоху цифровой трансформации (шифр-МКАА) : Сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции, Москва, 25 июля 2024 года. – Москва : Центр развития образования и науки, 2024. – С. 160-164. EDN: LXTVPR.

24. Berg-Weger, M., Morley, J. E. Editorial: Loneliness and social isolation in older adults during the COVID-19 Pandemic: implications for gerontological Social Work [Электрон. текстовые дан.] // The Journal of Nutrition, Health & Aging. – 2020. – Vol. 24, № 5. – P. 456-458. DOI: 10.1007/s12603-020-1366-8 EDN: NEBDXZ.

25. Löfgren, M., Larsson, E., Isaksson, G., Nyman, A. Older adults' experiences of maintaining social participation: creating opportunities and striving to adapt to changing situations [Электрон. текстовые дан.] // Scandinavian Journal of Occupational Therapy. – 2022. – Vol. 29, № 7. – P. 587-597. DOI: 10.1080/11038128.2021.1974550 EDN: DUVYUE.

26. Housley, W. Society in the Digital Age: An Interactionist Perspective [Электрон. текстовые дан.] / W. Housley. – London : SAGE Publications Ltd, 2021. – 48 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является социальная адаптация лиц пенсионного возраста к реалиям современного цифрового общества на примере материалов социологического исследования в городе Барнауле.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье в рамках теоретико-методологических структурно-функционального и системного подходов были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, а также, как отмечается в статье, был применен метод массового анкетного опроса, метод экспертного опроса в форме глубинного интервью и, конечно, методы обработки полученных данных.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку цифровизация многих сфер общественной жизни и активное внедрение информационных технологий во многие области жизнедеятельности людей уже стали объективной реальностью современности. Эти процессы охватывают огромное количество пользователей, которые являются представителями различных социальных групп. Особого внимания заслуживает вовлечение в процессы цифровизации людей старшего поколения и пожилого возраста, а также их адаптация к новой цифровой реальности. С этих позиций изучение социальной адаптации лиц пенсионного возраста к реалиям современного цифрового общества на примере материалов социологического исследования в городе Барнауле представляет научный интерес в сообществе ученых и практический интерес в профессиональном сообществе.

Научная новизна представленной работы заключается в проведении по авторской методике исследования, направленного на изучение социальной адаптации лиц пенсионного возраста к реалиям современного цифрового общества на примере

материалов социологического исследования в городе Барнауле. В ходе авторского исследования был проведен массовый анкетный опрос 229 респондентов их числа лиц пенсионного возраста, а в глубинных интервью приняли участие 14 экспертов, в качестве которых выступили профильные специалисты, должностные лица и представители органов власти, непосредственно занимающиеся вопросами пожилых людей, либо работающих с этой социальной группой.

Статья написана языком научного стиля с изложением в тексте исследования различных позиций ученых к изучаемой проблеме и применением научной терминологии и дефиниций, характеризующих предмет исследования, а также наглядной демонстрацией и описанием полученных результатов исследования.

Структуру статьи, в целом можно считать выдержанной с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. В структуре данного исследования представлены такие элементы как вводная часть, основная часть, заключительная часть и библиография.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляют выявленные и отмеченные в ходе исследования тенденции, характеризующие мнение респондентов по ощущению чувства безопасности при нахождении в современном цифровом обществе, что наглядно представлено на рисунке 5 рукописи.

Библиография содержит 26 источников, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и неперіодические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующие вопросы социальной адаптации, а также ее особенности применительно к цифровым реалиям современного общества для лиц пенсионного возраста. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, представленные в заключительной части, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что социальная адаптация лиц пенсионного возраста к цифровым реалиям современности определена как удовлетворительная. Несмотря на наличие некоторых опасений и определенных пробелов в цифровых компетенциях, пожилые люди с пониманием относятся к расширению возможностей взаимодействия с помощью цифровой среды, а соответственно, возрастает их вовлеченность в процессы, связанные с цифровизацией.

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, представителями органов власти, к ведению которых относятся вопросы работы с пожилыми и пенсионерами, руководством и работниками домов престарелых, специалистами по работе с пожилыми людьми, социальными работниками, психологами, социологами, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить то, что при оформлении рисунков необходимо обратить внимание на требование действующего ГОСТа, оформить их в соответствии с этими требованиями. Кроме сформулированных рекомендаций и кратких выводов по проведенному исследованию целесообразно было бы завершить рукопись обобщающим заключением, поскольку именно оно создает впечатление законченности и логической завершенности научной работы. Указанные недостатки не снижают высокую степень научной и практической значимости самого исследования, а скорее, относятся к особенностям подачи материала и оформления текста статьи. С учетом незначительности указанных замечаний и, конечно же, после их устранения, несомненно, рукопись рекомендуется опубликовать.

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Карпов Г.А. Демографическая трансформация Соединённого Королевства в начале XXI вв // Социодинамика. 2025. № 12. DOI: 10.25136/2409-7144.2025.12.77137 EDN: OMIJULZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77137

Демографическая трансформация Соединённого Королевства в начале XXI вв.

Карпов Григорий Алексеевич

доктор исторических наук

старший научный сотрудник, Институт Африки, Российская академия наук

123001, Россия, г. Москва, ул. Спиридоновка, 30/1

✉ gkarpov86@mail.ru

[Статья из рубрики "Демография и статистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2025.12.77137

EDN:

OMIJULZ

Дата направления статьи в редакцию:

06-12-2025

Дата публикации:

27-12-2025

Аннотация: Статья посвящена изучению демографических процессов современной Великобритании. Объект исследования – демография страны, предмет – изменения численного, возрастного и этнического состава населения. Основным источником информации выступили данные официальных переписей, проводимых раз в десять лет. Подробному анализу подверглись динамика численности населения, рождаемость, этническая структура, возрастные сдвиги и расширение практики использования иностранных языков. Особое внимание уделено деградации института семьи и увеличению среднего возраста британских граждан. Работа опирается на значительный объём актуального статистического материала, ранее не представленного в отечественной историографии, что позволило выявить скрытые взаимосвязи демографических процессов и определить долгосрочные направления трансформации

общественной структуры современного британского населения с учётом его этнокультурной специфики и пространственного распределения. Методологическую основу работы составляет вторичный анализ официальных статистических данных. В качестве ключевых методов исследования применяются демографический анализ в динамике, сравнительный и проблемно-хронологический подходы. Выявлен главный тренд – абсолютный и относительный рост доли сообществ африканского, азиатского и европейского происхождения, прежде всего среди подрастающего поколения. До половины всех родившихся детей в начале 2020-х гг. приходится на матерей иностранного происхождения. Приобретают популярность имена, не относящиеся к британскому культурному полю. Приезжие обеспечивают основной прирост трудоспособного населения, тогда как уровень рождаемости среди коренных британцев на протяжении последних сорока лет стабильно остаётся ниже порога естественного воспроизводства. Формируется демографическое смещение в сторону потомков мигрантов. Длительный характер выявленных изменений свидетельствует об их стабильности и структурной устойчивости. Работа может представлять интерес для широкого круга читателей, а также специалистов в области демографии, политологии и этнографии.

Ключевые слова:

Великобритания, Лондон, ЕС, демография, миграция, рождаемость, семья, диаспора, этнические меньшинства, идентичность

Введение

Во второй половине XX – начале XXI вв. демографическое развитие Соединённого Королевства претерпело существенные и во многом необратимые изменения. Массовые миграционные потоки, снижение рождаемости среди коренного населения, старение общества, трансформация института семьи и ускоренная этнокультурная диверсификация стали повседневной реальностью британского общества. Процессы, которые ещё 30–40 лет назад воспринимались как исключение или временное отклонение от нормы, в настоящее время приобрели устойчивый и системный характер.

В политическую жизнь страны входят непредставимые ещё 30–40 лет назад явления. В 2016 г. мэром Лондона стал Садик Хан, лейбористский политик пакистанского происхождения. Риши Сунак, индуист с пенджабскими корнями, был премьер-министром в 2022–2024 гг. Шабана Махмуд, чьи родители эмигрировали из Пакистана, первая женщина-мусульманка в истории Великобритании, которая стала министром внутренних дел в 2025 г. Годом ранее, заступая на пост лорда-канцлера и министра юстиции, она давала присягу на Коране.

В 2000–2020 гг. количество постоянных жителей страны увеличивается самыми высокими за весь период наблюдения темпами. По данным на 2022 г., в Великобритании проживало около 67 млн человек, к осени 2024 г. – не менее 69,2 млн, что делает Туманный Альбион вторым по численности европейским государством после Германии. Огромный и давящий вклад в этот процесс вносят этнические меньшинства.

Демографическая проблематика Великобритании на протяжении последних десятилетий находится в центре внимания отечественных и зарубежных исследователей. В научной

литературе подробно анализируются вопросы миграционной политики, интеграции этнических меньшинств, изменения репродуктивного поведения, кризиса традиционной семьи и роста культурного многообразия. Вместе с тем большинство работ фокусируется на отдельных аспектах демографической трансформации, что затрудняет формирование целостного представления о глубинной логике происходящих изменений.

Настоящее исследование исходит из предположения, что демографические процессы, наблюдаемые в Соединённом Королевстве, не являются набором разрозненных кризисных явлений. Напротив, они представляют собой элементы единого процесса, затрагивающего численность населения, его возрастную структуру, этнический состав, языковую среду, а также институциональные основы воспроизводства общества.

Целью исследования является выявление системной логики демографической трансформации Соединённого Королевства в начале XXI вв. Исследовательский вопрос сформулирован так: как совокупность миграционных, репродуктивных, этнокультурных и институциональных изменений формирует устойчивый процесс демографического замещения в британском обществе.

Структура статьи включает введение, описание методологии и источниковой базы, обзор теоретического контекста и актуального дискурса, затем следует первая часть, где анализируется динамика численности и этнической структуры населения, далее рассматриваются изменения в репродуктивном поведении и институте семьи, после чего уделяется внимание трансформации языковой и культурной среды. В заключении подводятся итоги и формулируются обобщающие выводы.

Методология и источниковая база

Методологическую основу исследования составляет анализ официальных статистических данных, публикуемых государственными и международными организациями. Прежде всего используются материалы Государственной статистической службы Великобритании (Office for National Statistics), а также данные специализированных демографических баз. В работе используются показатели численности населения, рождаемости, возрастной структуры, этнического состава, языковой принадлежности и семейного статуса, представленные в динамике за длительный временной период.

В качестве ключевых методов исследования применяются демографический анализ в динамике, сравнительный и проблемно-хронологический подходы. Такой инструментарий позволяет выявить не только количественные изменения, но и их устойчивые структурные взаимосвязи. Особое внимание уделяется сопоставлению различных демографических индикаторов между собой, что даёт возможность рассматривать миграцию, снижение рождаемости и институциональные изменения в семейной сфере как взаимосвязанные элементы единого процесса.

Исследование носит аналитико-описательный характер. Его задачей является выявление долгосрочных трендов и закономерностей демографической трансформации, а не построение прогностических моделей или формализованных сценариев развития. Интерпретация статистических данных осуществляется с опорой на результаты предыдущих исследований, посвящённых проблемам демографии, миграции и этнокультурных изменений в странах Западной Европы. Используемый подход позволяет рассматривать демографическую динамику Соединённого Королевства не только в

национальном, но и в более широком сравнительном контексте, что делает полученные выводы релевантными для анализа аналогичных процессов в других развитых государствах.

Теоретический контекст и актуальный дискурс

Демографические изменения, происходящие в Соединённом Королевстве в конце XX – начале XXI вв., рассматриваются в научной литературе в рамках нескольких исследовательских подходов, которые различаются как по предмету анализа, так и по интерпретации долгосрочных последствий наблюдаемых процессов. Несмотря на значительный массив публикаций, единая объяснительная модель демографической трансформации британского общества до настоящего времени не выработана, что обуславливает сохранение дискуссионного поля.

В рамках рассмотрения миграции в качестве компенсаторного ресурса ключевое внимание уделяется вопросам естественной убыли и старения населения на фоне роста относительной и абсолютной доли этнических меньшинств. Данный ракурс характерен как для отечественных исследователей, анализирующих миграционную политику Великобритании в сравнении с Францией^[1] и в контексте общеевропейских трендов^[2], так и для зарубежных работ, ориентированных на экономические и институциональные эффекты миграции^[3].

В последние годы данный подход получил развитие в связи с анализом последствий Брекзита^[4]. В этом контексте интересна аналитика изменений миграционного режима Великобритании, которые привели не только к снижению притока граждан ЕС, но и к трансформации структуры миграционных потоков^[5], включая рост доли приезжих из стран Азии и Африки^[6]. В связи с Брекзитом изучаются также кратко- и среднесрочные эффекты для рынка труда и экономики в целом^[7].

Другой исследовательский блок сосредоточен на проблемах интеграции, идентичности и территориальной организации этнического разнообразия. Применительно к этому дискурсу в отечественной литературе можно найти работы, посвящённые культурно-идентификационным аспектам интеграции мигрантов в Европе^[8], а также анализу трансформации европейских обществ в условиях этнорелигиозных сдвигов^[9]. Существенный вклад в развитие данного направления внесли зарубежные учёные, анализирующие данные переписи населения 2021 г.^[10] Население Великобритании характеризуется не только ростом этнического разнообразия, но и усложнением структуры расселения. Наблюдается увеличение доли смешанных домохозяйств и формирование многоэтничных городских пространств без доминирования одной группы^[11]. Дополняют эту картину работы, использующие многомерные индексы депривации, фиксирующие различия социально-экономического положения этнических групп на локальном уровне^[12], что позволяет глубже понять «социальную ткань» демографических изменений.

В западной историографии распространены труды с фокусом на анализ различий в репродуктивном и брачно-партнёрском поведении между коренным населением, мигрантами и их потомками^[13]. Современные работы, основанные на событийных

моделях, демонстрируют устойчивую неоднородность воспроизводящих траекторий в зависимости от страны происхождения^[14]. Несмотря на, по сути, схожую институциональную среду, различия в уровне фертильности и структуре семьи между мигрантами и местными жителями сохраняются на протяжении нескольких поколений^[15]. Поведенческие и культурные факторы продолжают оказывать влияние на образовательные и возрастные сдвиги фертильности^[16].

Настоящая статья опирается на результаты отечественных и зарубежных ученых, включая прогностические материалы^[17], но исходит из необходимости сведения данных достижений в единую аналитическую рамку. В отличие от работ, рассматривающих миграцию, интеграцию или репродуктивное поведение изолированно, в данном исследовании предпринимается попытка показать, что демографическая трансформация Соединённого Королевства представляет собой системный процесс, включающий количественные, возрастные, этнические, языковые и институциональные изменения. Подобный подход ранее был апробирован автором при анализе демографических и этнокультурных процессов в Великобритании в контексте критики мультикультурализма^[18], однако в настоящей работе акцент смещён с идеологического дискурса на структурную демографическую динамику, фиксируемую статистическими данными последних десятилетий.

Численность в обмен на этничность

Вплоть до второй половины XX в. население Великобритании благодаря естественному приросту увеличивалось стабильными темпами, каждые десять лет примерно на 2-4 млн человек. С 1851 г. по 1961 г. оно практически удвоилось, с 27,3 млн до 52,8 млн, соответственно. К 1991 г. в Великобритании проживало уже 57,4 млн человек, прирост за десятилетие составил 1,1 млн. Перепись 2001 г. показала, что население выросло на 1,7 млн человек и приблизилось к 59,1 млн. За следующие десять лет (к 2011 г.) население увеличилось еще на 4,1 млн человек, до 63,2 млн человек^[20].

По данным на середину 2025 г., численность жителей страны достигла 69,5 млн человек^[21].

Относительные показатели также демонстрируют нарастающий темп. Ежегодный прирост увеличился с 0,2% в 1980-х гг. до 0,8% к началу 2010-х гг. Однако начал меняться этнический состав населения. По данным переписи 2001 г. из 57 млн населения каждый двенадцатый житель Соединённого Королевства не был британцем по происхождению, к началу 2010-х гг. – приблизительно каждый шестой, к началу 2020-х гг. – каждый четвертый. В первой половине 2020-х гг. в абсолютных цифрах на Британских островах проживало 15–16 млн человек (включая мигрантов из ЕС), не идентифицирующих себя с местным населением^[22].

Общая доля детей, появившихся в парах, где один или оба родителя сами появились на свет за пределами Британских островов, в Англии в 2016 г. составляла 34,7%, а к 2022 г. выросла до 36,7%, соответственно. Лидерами в этом отношении стабильно остаются крупные города страны Лондон (в 2016 г. – 66,6%, в 2022 г. – 66,5%), Манчестер (54,8% и 61%), Бирмингем (54,8% и 61%) и Лидс (32,2% и 35,8%)^[23].

В Лондоне наблюдается наибольшая по стране концентрация иностранных граждан. В 2001 г. их насчитывалось 1,9 млн человек (27,1% от общего населения), в 2011 г. – 3 млн (36,7%), в 2021 г. – 3,6 млн (40,6%). В отдельных районах британской столицы местные жители стали этническим меньшинством. По данным на 2021 г., доля коренного населения в районе Ньюам составляла 14,8%, районе Брент – 15,2%, районе Харроу – 20,5%, Вестминистере – 28%. Родители иностранного происхождения представляют абсолютное большинство в районе Ньюам (в 2016 г. – 83,7%, в 2022 г. – 80,5%), Брент (82,7% и 82,3%), Вестминистер (81,4% и 81%), Кенстигтон и Челси (79,1% и 76,9%), Илинг (78,1% и 78,7%), Харроу (77,3% и 80,5%), соответственно [\[23\]](#).

Столица Великобритании в плане этнического разнообразия трудно сравнивать с каким-либо другим британским городом или европейской столицей. Он становится не просто мультинациональным мегаполисом, его этнический состав утрачивает доминирование британского элемента.

Снижение рождаемости

Тенденция уменьшения количества рождений обозначилась в Великобритании после Второй мировой войны и с тех пор довольно стабильна. Показатель рождаемости (число рождений) на 1 тыс. населения снизился с 18,3 (в 1940-х гг.) до 12,3 (в 2010-х гг.). Уровень фертильности (количество детей на одну женщину) за последние 60 лет упал с 2,74 (в 1960-х гг.) до 1,52 (в начале 2020-х гг.) [\[24\]](#). Предварительные данные за 2023 г. демонстрировали 1,42 [\[25\]](#). Количество зафиксированных беременностей снизилось с 80,4 случаев на 1 тыс. женщин в год в 2011 г. до 71,5 случая в 2021 г., соответственно [\[26\]](#).

Наблюдается уменьшение и абсолютного количества рождений. Если в 1950-х гг. ежегодно рождалось около 832 тыс. детей, то в 2000-х гг. – 738 тыс. [\[27\]](#) В 2022 г. на свет появилось всего 673 тыс. детей, примерно столько же (около 700-750 тыс. в год) рождалось в стране в 1970-е гг. Снижение рождаемости сопровождается многократным ростом количества аборт, с 49,8 тыс. в 1969 г. до 218,9 тыс. в 2021 г. [\[28\]](#) Лидерами в этом отношении остаются коренные британцы. В частности, доля африканцев, совершающих аборты, уменьшилась с 12% в 2002 г. до 7% в 2021 г., среди китайских мигрантов – с 3% до 1%, соответственно [\[29\]](#).

Динамика рождений смещается в пользу более возрастных матерей, что также неблагоприятно для демографической ситуации. В 1950-х гг. в среднем в год на 1 тыс. женщин в возрастной группе младше 20 лет фиксировалось 25,3 рождений, в группе 20-24 года – 140,7 случаев, 25-29 лет – 145,8, 30-34 года – 89,3, 35-39 лет – 45,3. В 1990-х гг., младше 20 лет – 30,8, 20-24 года – 80,6, 25-29 лет – 110,5, 30-34 года – 88,6, 35-39 – 36,1, 40 лет и старше – 6,7, соответственно. В 2010-х гг., младше 20 лет – 16,1, 20-24 года – 59,4, 25-29 лет – 97,9, 30-34 года – 108,3, 35-39 лет – 62,9 [\[30\]](#).

Впрочем, негативные показатели по стране практически не затрагивают новый элемент репродуктивной составляющей страны – родителей иностранного происхождения. Они активно и успешно участвуют в решении проблемы утраты человеческого ресурса на своей новой родине. Приезжие из ЕС демонстрировали в 2001 г. уровень фертильности 2, в 2011 г. – уже 2,2 (отдельно представители Польши – 2,8 и 2,1, остальная Европа – 2,7 и 1,9), из Африки – 2,4 и 2,8 (при этом Северная Африка – 4,6 и 3,9, Западная

Африка – 2,7 и 3,3, Центральная Африка – 5 и 3,1, Восточная Африка – 2,3 и 2,6), из Пакистана – 4,7 и 3,8, Бангладеш – 3,9 и 3,3, соответственно^[31].

В 1980-1990-х гг. 12–13% детей появились на свет у матерей, родившихся за пределами Британских островов, в 2004 г. – уже 20%. В 2022 г. в Англии и Уэльсе было зафиксировано 605 тыс. родов, из которых только 69% пришлось на местных мам, остальные были иностранками (58 тыс. – из ЕС, 12 тыс. – Европы, 32 тыс. – Африки, 11 тыс. – Северной и Южной Америки, 67 тыс. – Ближнего Востока и Азии)^[32].

В 2008 г. 170,8 тыс. родов пришлось на мам, не имеющих британское гражданство, из них 126,8 тыс. были не из стран Европы, в 2022 г. – 183,3 тыс. и 125,2 тыс. За этот же самый период времени количество рожаящих женщин с британскими паспортами уменьшилось на 27% – с 537,8 тыс. в 2008 г. до 422 тыс. в 2022 г. Лидеры стран происхождения матерей, не имеющих британское гражданство, последние 5-10 лет стабильны – Польша, Пакистан, Индия, Румыния, Бангладеш, Нигерия^[33].

Коллапс института семьи и старение населения

Параллельно с изменением этнического состава родителей в Великобритании мы видим и кардинальные сдвиги в семейной сфере. Доля традиционных моногамных браков среди британцев сокращается. В наши дни общее количество регистрируемых в стране браков (280-300 тыс.) сопоставимо с уровнем столетней давности, когда в стране проживало в два раза меньше людей, чем сейчас^[34]. К отсутствию роста числа браков добавляется многократное увеличение количества разводов. В середине прошлого века органы статистики фиксировали 20-25 тыс. разводов в год. В 2010 г. распалось 119,5 тыс. семей в 2011 г. – 117,5 тыс., в 2020 г. – 102,4 тыс., в 2021 г. – 111,9 тыс.^[35]

Наблюдается и относительное снижение числа браков. На 1 тыс. взрослых, не состоящих в браке, в 1991 г. в Англии и Уэльсе приходилось 39,3 брака среди мужчин и 33,2 брака среди женщин, в 1995 г. – 34,7 и 29,4, в 2001 г. – 27,4 и 23,7, в 2005 г. – 26,4 и 23,3, в 2011 г. – 23,4 и 21,3, в 2015 г. – 22,2 и 20,4, в 2019 г. – 19,1 и 17,8, соответственно^[36].

Полноценные многодетные семьи к началу 2020-х гг. превратились в исключительное явление. Из 605 тыс. новорожденных в Англии и Уэльсе в 2022 г. только 52 тыс. родились у матерей, уже имевших трех и более детей, 81 тыс. – двух, 201 тыс. – одного, остальные стали в семье первыми (и с высокой степенью вероятности останутся единственными)^[37].

Наблюдается инфантилизация молодежи. Формируется целая социальная группа «взрослые дети» («Adult children»), состоящая из лиц, которые не создают семьи и не имеют постоянного места работы. В 2010-х гг. почти 12% молодых людей в возрасте 16-24 года не учились и не работали^[38]. Стабильно растет доля молодых людей (в возрасте 20–34 года), живущих с родителями. В 2013 г. доля таких юношей была 32%, а девушек – 20%, в 2023 г. – 34,4% и 23,2%, соответственно^[39].

По данным на 2021 г. в Англии и Уэльсе 12,9% домохозяйств состояли из одного пожилого человека (66 лет и старше), 16,7% – одной бездетной пары, 18,8% – из пар с

детьми на иждивении, 6,4% - из пар со взрослыми детьми^[40]. Средний возраст жителей Соединенного Королевства в 1950 г. составлял 34,9 года, в 1960 г. – 35,6 лет, в 1971 г. – 34,1 года, в 1981 г. – 34,5 года, в 1991 г. – 35,8 лет, в 2000 г. – 37,6 лет, в 2010 г. – 39,6 лет, в 2020 г. – 40,6 лет. По прогнозам, к 2100 г. средний возраст может вырасти до 47,7 лет^[41].

За период 2005-2025 гг. доля молодежи (до 25 лет) выросла на 5%, а возрастная группа от 60 до 89 лет - на 19%, от 80 до 89 лет – на 21%, от 85 до 89 лет – на 34%^[42]. В 1981 г. в стране проживало 0,6 млн человек старше 85 лет (около 1,1% от всего населения), к 2010 г. - уже 1,4 млн (примерно 2,3%)^[43].

Общая численность граждан, чей возраст превышает 90 лет, в 2022 г. составляла 550 тыс. человек^[44]. В 1985 г. столетних граждан насчитывалось 3,4 тыс. человек, в 1995 г. – уже 5,7 тыс., в 2005 г. – 8,8 тыс., в 2015 г. – 14,5 тыс.^[45], в 2022 г. – 15,1 тыс.^[46] Становится заметной группа населения, перешагнувшая возрастной рубеж в 105 лет, ее численность в 2002 г. была 300 человек, а в 2022 г. – 640^[47].

Приведенные выше средние цифры по стране — это сводная информация по всем этническим группам. Принимая во внимание, что мигранты с их высоким уровнем рождаемости существенно «омолаживают» общую статистику, ситуация с коренными жителями выглядит еще более негативно. Именно британское население стремительно стареет, в нем начинают преобладать люди пожилого возраста. Вероятно, к концу нашего столетия пенсионеры среди местного населения станут абсолютным большинством.

Новые имена и языки

Изменения, относящиеся к детским именам, подтверждают обозначенные выше тренды. В течение всего XX в. в Англии и Уэльсе первую десятку по популярности среди мальчиков составляли одни и те же имена – Джон, Уильям, Джордж, Питер, Дэвид, Майкл, Эндрю, Брайн, Роберт и Артур. Однако, уже во второй половине XX в. в лидеры стал стремительно врываться Мохаммед («Mohammed»), в 1944 г. находившийся всего лишь на 87 месте по популярности (рядом с очень редким Айвэном), в 1974 г. он поднялся на 61, в 1984 г. – на 54, в 1994 г. – на 41^[48].

В 1996 г. имена новорожденных мальчиков Мохаммад («Mohammad»), Мохаммед («Mohammed») и Мухаммад («Muhammad») занимали по распространенности 97, 36 и 108 места, в 2000 г. – 76, 26 и 69 места, в 2005 г. – 68, 20 и 52, в 2010 г. – 67, 17 и 31, в 2015 г. – 68, 29 и 12, в 2021 г. – 83, 35 и 5. За этот же самый период времени (с 1996 г. по 2021 г.) значительно нарастил свое присутствие Юсуф («Yusuf») – с 286 места на 94, а Дэниел («Daniel») опустился со 2 места на 54. По ситуации на 2021 г., Мухаммад («Muhammad») было самым распространенным именем для мальчиков в четырех из девяти основных регионов Англии. Сопоставимый тренд можно обнаружить и среди имен для девочек. За период с 1996 г. по 2021 г. имя Исла («Isla») поднялось с 382 места на 3, Ада («Ada») – с 2 683 на 44, Арабелла («Arabella») – с 519 на 47, Лейла («Layla») – с 270 на 53^[49].

Дети – это будущее страны, и разговаривать в быту они, став взрослыми, скорее всего,

будут не на английском. Смена этнического базиса Великобритании закономерно сопровождается уменьшением использования этого языка и ростом популярности других языков. В 2011 г. английский не был основным языком для 7,7% жителей страны, в 2021 г. – 8,9%, из которых 3,9% говорили на нем очень хорошо, 3,2% - хорошо, 1,5% - знали посредственно, 0,3% - не практиковали вообще^[50]. По данным на 2021 г., для 41% уроженцев Индии, проживающих в Англии и Уэльсе, английский не был основным языком общения, для представителей Польши – 61%, Пакистана – 36%, Румынии – 66%, Бангладеш – 37%^[51]. 2010-е гг. стали первым десятилетием, когда число мигрантов, не использующих английский язык в качестве основного, превысило число тех, кто использует английский на постоянной основе^[52].

Происходит стремительное расширение языкового разнообразия среди населения Великобритании. Численность носителей польского языка, использующих данный язык в качестве основного, выросла с 546 тыс. в 2011 г. до 611 тыс. в 2021 г., румынского – с 67 тыс. до 471 тыс., пенджаби – с 273 тыс. до 290 тыс., урду – с 268 тыс. до 269 тыс., португальского – со 133 тыс. до 224 тыс., испанского – со 120 тыс. до 215 тыс., арабского – со 159 тыс. до 203 тыс., итальянского – с 92 тыс. до 160 тыс., русского – с 67 тыс. до 91 тыс., соответственно^[53].

Разумеется, английский язык не исчезнет совсем, но, скорее всего, перестанет в ближайшие десятилетия быть доминирующим для населения Британских островов. Вероятно, он приобретет статус языка межнационального общения. Нельзя исключать возникновение новых диалектов английского, распространенных среди разнородных этнических групп.

Заключение

Анализ динамики численности населения, этнической структуры, рождаемости и институциональных изменений в семейной сфере Великобритании свидетельствует о наличии устойчивых долгосрочных трансформаций. Указанные процессы носят системный характер и затрагивают базовые механизмы воспроизводства общества. Снижение уровня рождаемости среди коренного населения, рост числа мигрантов и их потомков, а также старение британских граждан формируют новую демографическую реальность. Особое значение приобретают этнические и культурные сдвиги: доля населения иностранного происхождения стабильно увеличивается, что сопровождается изменением возрастной структуры, распространением новых практик именования и расширением языкового разнообразия. Данные переписей фиксируют значительные различия в репродуктивном поведении между коренным населением и мигрантами, что усиливает тенденцию к перераспределению демографического потенциала в пользу последних. Параллельно наблюдаются институциональные изменения в сфере брака и семьи: сокращение числа браков и рост количества разводов свидетельствуют о снижении значимости традиционной модели семьи. В совокупности выявленные изменения указывают на перестройку демографической структуры Соединённого Королевства. В дальнейшем они могут оказывать значительное воздействие на социальное развитие, этнокультурную идентичность и языковую среду страны. В кратчайшие по историческим меркам сроки, вероятно, уже ко второй половине XXI в. на Британских островах будет проживать совокупность диаспор различного происхождения, вероисповедания и языковой принадлежности без абсолютного доминирования какой-либо одной этнической группы.

Библиография

1. Деминцева Е.Б. Миграционная политика Великобритании и Франции: разные подходы – один итог? // Азия и Африка сегодня. 2009. № 12. С. 34-37. EDN: UFZEMN.
2. Пасякина Л.С. ЕС и трудовая миграция // Современная Европа. 2011. № 3. С. 92-105. EDN: OJSQDT.
3. Dustmann C., Theodoropoulos N. Ethnic minority immigrants and their children in Britain // Oxford Economic Papers, New Series. 2010. Vol. 62. No. 2. P. 209-233.
4. Хахалкина Е.В. Иммиграционная проблема в Великобритании после референдума о Брексите – что изменилось? // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 163-170. DOI: 10.17223/15617793/421/24 EDN: ZHYUKT.
5. Di Iasio V., Wahba J. Expecting Brexit and UK migration: Should I go? // European Economic Review. 2023. Vol. 157. P. 1-46. DOI: 10.1016/j.eurocorev.2023.104484 EDN: THHGWT.
6. Portes J. Unintended consequences? The changing composition of immigration to the United Kingdom after Brexit // National Institute Economic Review. 2024. Vol. 268. P. 63-78. DOI: 10.1017/nie.2024.16 EDN: WROKPC.
7. Portes J., Springford J. The impact of the post-Brexit migration system on the UK labour market // Journal of the Academy of Social Sciences. 2023. Vol. 18. No. 2. P. 132-149.
8. Малахов В.С. Мигранты неевропейского происхождения в Европе: культурно-идентификационный аспект интеграции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. № 3. С. 211-233. DOI: 10.31119/jssa.2019.22.3.9 EDN: АКРАЕК.
9. Старченков Г.И. Европа: куда ведет этно-религиозная трансформация? // Современная Европа. 2014. № 1. С. 40-50. EDN: RTZIKF.
10. Catney G. et al. Ethnic diversification and neighbourhood mixing: A rapid response analysis of the 2021 Census of England and Wales // Geographical Journal. 2023. Vol. 189. No. 1. P. 63-77. DOI: 10.1111/geoj.12507 EDN: IPQZND.
11. Catney G., Ellis M., Wright R. Changes in mixed ethnicity households and neighbourhood transitions in England and Wales // Population, Space and Place. 2023. Vol. 30. No. 4. P. 1-15.
12. Lloyd Ch. D. An ethnic group specific deprivation index for measuring neighbourhood inequalities in England and Wales // Geographical Journal. 2023. Vol. 190. No. 3. P. 1-22.
13. Mikolai J., Kulu H. Partnership and fertility trajectories of immigrants and descendants in the United Kingdom: A multilevel multistate event history approach // Journal of Demography. 2023. Vol. 77. No. 3. P. 359-378.
14. Harrison J. et al. Union formation and fertility amongst immigrants from Pakistan and their descendants in the United Kingdom: A multichannel sequence analysis // Demographic Research. 2023. Vol. 48. P. 271-320. DOI: 10.4054/demres.2023.48.10 EDN: AEJHDZ.
15. Baek J. et al. Fertility differences across immigrant generations in the United Kingdom // Demographic Research. 2025. Vol. 52. P. 1051-1096. DOI: 10.4054/demres.2025.52.33 EDN: YNJVKF.
16. Kuang B. et al. Educational trends in cohort fertility by birth order: A comparison of England and Wales, Scotland, and Northern Ireland // Demographic Research. 2024. Vol. 51.

- P. 1126–1166. DOI: 10.4054/demres.2024.51.36 EDN: XMWDWY.
17. Coleman D. A. Projections of the Ethnic Minority Populations of the United Kingdom 2006–2056 // *Population and Development Review*. 2010. Vol. 36. No. 3. P. 441–486.
18. Карпов Г.А. Британский мультикультурализм: мина замедленного действия? // *Азия и Африка сегодня*. 2012. № 5. С. 26–32. EDN: OZDKAH.
19. Brown C. *Black and White Britain*. Heinemann Educational, London, 1984. 331 p.
20. Population estimates time series dataset // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/populationestimates/datasets/populationestimates-times-series-dataset> (дата обращения: 07.12.2025).
21. U.K. Population, 07.11.2025. URL: <https://www.worldometers.info/world-population/uk-population/> (дата обращения: 07.12.2025).
22. Ethnic group, England and Wales: Census 2021 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/culturalidentity/ethnicity/bulletins/ethnicgroupenglandandwales/census2021> (дата обращения: 07.12.2025).
23. Percentage of live births where either one or both parents were born outside of the UK by local authority district, England and Wales, 2016 to 2022 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2646/map/datadownload.xlsx> (дата обращения: 07.12.2025).
24. Total Fertility Rate, England and Wales, 1939 to 2022 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/livebirths/bulletins/birthsummarytablesenglandandwales/2022refreshedpopulations> (дата обращения: 07.12.2025).
25. Births in England and Wales: 2022 (refreshed populations) // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/livebirths/bulletins/birthsummarytablesenglandandwales/2022refreshedpopulations#fertility-rates> (дата обращения: 07.12.2025).
26. Conception rate by age group of women, England and Wales, 2011 and 2021 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/generator-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/conceptionandfertilityrates/bulletins/conceptionstatistics/2021/aeb3a395&format=xls> (дата обращения: 08.12.2025).
27. Live births // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/livebirths> (дата обращения: 08.12.2025).
28. Number of conceptions, births and abortions for women of all ages, England and Wales, 1969 to 2021 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/generator-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/conceptionandfertilityrates/bulletins/conceptionstatistics/2021/ec2aef95&format=xls> (дата обращения: 08.12.2025).
29. Abortion statistics in England and Wales // Office for National Statistics. URL: <https://www.gov.uk/government/collections/abortion-statistics-for-england-and-wales> (дата обращения: 08.12.2025).
30. Age-specific fertility rates, England and Wales, 1939 to 2022 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/generator-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/livebirths/bulletins/birthsummarytablesenglandandwales/2022refreshedpopulations/7c1812be&format=xls> (дата обращения: 08.12.2025).
31. Total fertility rates by country of birth of mother, 2001 and 2011, England and Wales // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/file-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/livebirths/datasets/parentsc>

countryofbirth/2022/workbookparentscob2022.xlsx (дата обращения: 08.12.2025).

32. Live births, stillbirths and infant deaths: birthweight and mother's country of birth, numbers and rates, 2022 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/file-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/deaths/datasets/childmortalitystatisticschildhoodinfantandperinatalchildhoodinfantandperinatalmortalityinenglandandwales/2022/cim2022deathcohortworkbook.xlsx> (дата обращения: 08.12.2025).

33. Ten most common countries of birth for non-UK-born mothers, England and Wales, 2016, 2019, 2022 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2646/fig2/datadownload.xlsx> (дата обращения: 08.12.2025).

34. Annual data: Marriages, Civil Partnerships, Divorces and Civil Partnership Dissolutions (numbers and rates) // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/file-uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/populationestimates/datasets/vitalstatisticspopulationandhealthreferencetables/current/annualreferencetablessummer2016final.xls> (дата обращения: 08.12.2025).

35. Divorces in England and Wales: 2022 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/file-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/divorce/datasets/divorcesinenglandandwales/2022/2022divorcesworkbookupdatedfinal.xlsx> (дата обращения: 08.12.2025).

36. Marriage rates decreased by more than half in 2020 and were lower than divorce rates // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/generator-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/marriagecohabitationandcivilpartnerships/bulletins/marriagesinenglandandwalesprovisional/2020/b60e66b8&format=xls> (дата обращения: 08.12.2025).

37. Live births, stillbirths and infant deaths: mother's age and number of previous children, numbers and rates, 2022 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/file-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/deaths/datasets/childmortalitystatisticschildhoodinfantandperinatalchildhoodinfantandperinatalmortalityinenglandandwales/2022/cim2022deathcohortworkbook.xlsx> (дата обращения: 08.12.2025).

38. People aged 16 to 24 years NEET as a percentage of all people aged 16 to 24 years, seasonally adjusted, UK, October to December 2012 to October to December 2022 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/generator-uri=/employmentandlabourmarket/peoplenotinwork/unemployment/bulletins/youngpeoplenotineducationemploymentortrainingneet/february2023/d5418425&format=xls> (дата обращения: 08.12.2025).

39. Household type as a percentage of all households, UK, 2023 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/families/bulletins/familiesandhouseholds/2023> (дата обращения: 08.12.2025).

40. Units: Number and percent of all households // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2200/fig3/datadownload.xlsx> (дата обращения: 08.12.2025).

41. Ritchie H., Roser M. Age Structure. Our World in Data. URL: <https://ourworldindata.org/age-structure> (дата обращения: 08.12.2025).

42. Overview of the UK population // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/file-uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/populationestimates/articles/overviewoftheukpopulation/mar2017/74e8afc8.xlsx> (дата обращения: 08.12.2025).

43. Annual Mid-year Population Estimates, 2010 // Office for National Statistics. URL:

<http://www.ons.gov.uk/ons/search/index.html-newquery=Annual+Mid-year+Population+Estimates%2C+2010> (дата обращения: 08.12.2025).

44. Estimated number of people aged 90 years and over, England and Wales, 1990 to 2022 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/generator-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/ageing/bulletins/estimatesoftheveryoldincludingcentenarians/2002to2022/fc556e69&format=xls> (дата обращения: 08.12.2025).

45. Number of centenarians in the UK, 1985 to 2015 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/generator-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/ageing/bulletins/estimatesoftheveryoldincludingcentenarians/2002to2015/356bc90d&format=xls> (дата обращения: 08.12.2025).

46. Estimated number of people aged 100 years and over, England and Wales, 2002 to 2022 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/generator-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/ageing/bulletins/estimatesoftheveryoldincludingcentenarians/2002to2022/3f1f9fd3&format=xls> (дата обращения: 08.12.2025).

47. Estimated number of people by single year of age from 90 to 104 and 105 years and over and sex, England and Wales, 2002 to 2022 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/ageing/bulletins/estimatesoftheveryoldincludingcentenarians/2002to2022> (дата обращения: 08.12.2025).

48. Top 100 Baby Names – Historical Series // Office for National Statistics. URL: https://www.ons.gov.uk/file-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/livebirths/datasets/babynamesenglandandwalestop100babynameshistoricaldata/19041994/historicname_tcm77-254032.xls (дата обращения: 10.12.2025).

49. Baby name ranks, England and Wales, 1996 to 2021 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2154/figure1timeseries/datadownload.xlsx> (дата обращения: 10.12.2025).

50. TS029 – Proficiency in English. 07.05.2025. URL: <https://www.nomisweb.co.uk/datasets/c2021ts029> (дата обращения: 10.12.2025).

51. English proficiency by individual country of birth by year of arrival, usual residents, 2021, England and Wales // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2266/Fig10/datadownload.xlsx> (дата обращения: 10.12.2025).

52. English proficiency of non-UK-born residents by year of arrival, usual residents, 2021, England and Wales // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2266/Fig9/datadownload.xlsx> (дата обращения: 10.12.2025).

53. Total usual resident population, aged three years and over, who speak each language as their main language, 2011 and 2021, England and Wales // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2205/fig1/datadownload.xlsx> (дата обращения: 10.12.2025). ""

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рецензирование статья «Демография Соединенного Королевства: динамика замещения» посвящена анализу динамики численности населения, этнической структуры, рождаемости и институциональных изменений в семейной сфере Великобритании в свете смены этнического базиса.

Мы солидарны с автором в том, что «снижение уровня рождаемости среди коренного населения, рост числа мигрантов и их потомков, а также старение британских граждан формируют новую демографическую реальность. Особое значение приобретают этнические и культурные сдвиги: доля населения иностранного происхождения стабильно увеличивается, что сопровождается изменением возрастной структуры, распространением новых практик именования и расширением языкового разнообразия». Все это подтверждает актуальность исследования.

Статья содержит анализ основных демографических трендов, наблюдаемых в Великобритании в XXI веке, среди которых: различие в репродуктивном поведении коренного населения и мигрантов, ведущее к перераспределению демографического потенциала в пользу последних, «коллапс» института традиционной семьи и старение населения, и все это на фоне стремительного расширения языкового разнообразия среди населения Великобритании.

В заключении представлены основные выводы, а именно: 1. Данные переписей фиксируют значительные различия в репродуктивном поведении между коренным населением и мигрантами, что усиливает тенденцию к перераспределению демографического потенциала в пользу последних. 2. Параллельно наблюдаются институциональные изменения в сфере брака и семьи: сокращение числа браков и рост количества разводов свидетельствуют о снижении значимости традиционной модели семьи. В совокупности выявленные изменения указывают на перестройку демографической структуры Соединённого Королевства. 3. В дальнейшем они могут оказывать значительное воздействие на социальное развитие, этнокультурную идентичность и языковую среду страны. 4. В кратчайшие по историческим меркам сроки, вероятно, уже ко второй половине XXI в. на Британских островах будет проживать совокупность диаспор различного происхождения, вероисповедания и языковой принадлежности без абсолютного доминирования какой-либо одной этнической группы. Библиографический список включает 42 российских и зарубежных источника.

Статья структурирована, изложена хорошим языком.

Вместе с тем, рекомендуем автору доработать статью по нашим замечаниям:

1. Проработать теоретические основы исследования - статья посвящена теме демографического развития Великобритании в условиях этнического замещения, но нет ссылок на тех исследователей, кто занимался и занимается данной научной проблематикой; какие теоретические концепции и/или подходы легли в основу исследования. 2. Требуется серьезная доработка теоретико-методологических основ проведенного исследования - важно указать методы исследования, разделив их на общенаучные и специальные. 3. Необходимо прописать научную новизну исследования. Учитывая вышеизложенное, рекомендуем статью «Демография Соединенного Королевства: динамика замещения» отправить на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение работа выполнена на актуальную для мирового сообщества тематику. В частности, затрагиваются вопросы миграции, укрепления диаспор, их влияния на жизнь и политику современных государств. Автором справедливо отмечается, что «этнический, культурный, религиозный и языковой состав населения <Соединенного Королевства> претерпевает стремительные и кардинальные изменения», делая повседневной реальностью явления, которые не были спрогнозированы и учтены. В данной статье приведен обширный аналитический материал, который представляет интерес для сравнительного анализа проблем демографии Великобритании и иных стран, нацеленных на изменение демографической повестки.

Предмет исследования не имеет четкой структуры. Автором захватывается широкий круг демографических проблем: этническое разнообразие, снижение рождаемости, старение населения, кризис семьи, и даже более «современные тренды» - новые языки и имена. Представляется, что каждый из указанных вопросов может служить отдельным предметом более глубокого анализа, что затрудняет формирование целостного представления о работе.

Методология исследования наиболее слабое звено представленной рукописи. Отсутствует постановка цели и задач исследования, не определены исследовательские вопросы, ключевые методы исследования. Дизайн исследования, сбора и обработки данных не описан. На основе изучения авторской рукописи можно предположить, что ключевым методом выступает статистический анализ. Однако в работе приводится лишь описание статистических данных, тогда как авторские выводы и предложения практически не представлены. Нет сопоставления с результатами аналогичных исследований, не сформирован теоретический базис. Такой подход к структуризации авторских материалов (без разбиения на традиционные для научной публикации блоки: введение / теоретический обзор, методология, результаты исследования и обсуждение, выводы) представляется спорным с точки зрения методологической ценности, однако может отражать авторское видение проблемы исследования.

Несмотря на наличие положительных черт представленного к рассмотрению материала имеется ряд существенных замечаний.

1. Отсутствие анализа теоретической базы по тематике исследования. Библиография научной статьи представлена 42 источниками, из которых к научным публикациям могут быть отнесены только 9. При этом датируются они 2009, 2010, 2011, 2014 и 2019 годами, что явно не отражает современный отечественный и зарубежный научный дискурс. Остальные источники дают отсылку к статистическим данным. Таким образом, работа приобретает черты статистического отчета, но не научной публикации.

2. Новизна авторских выводов представляется сомнительной. «Снижение уровня рождаемости среди коренного населения, рост числа мигрантов и их потомков, а также старение британских граждан формируют новую демографическую реальность». «Доля населения иностранного происхождения стабильно увеличивается, что сопровождается изменением возрастной структуры, распространением новых практик именования и расширением языкового разнообразия» - данные тренды свойственны большинству европейских стран, отмечались не единожды и подтверждаются бытовым наблюдением.

3. В своей работе автор не апеллирует к оппонентам (что частично отражено в первом

замечании). Однако такой подход снижает интерес читательской аудитории, так как не позволяет увидеть теоретическую и прикладную значимость выводов, сделанных в работе.

В качестве рекомендаций хотелось бы предложить автору сосредоточиться на более узком круге демографических проблем, представить анализ современной научной литературы по рассматриваемой тематике, проработать методологическую базу (выделив отдельный раздел с целью, задачами, методами исследования). Вовлечение читателя в дискуссию за счет апеллирования к оппонентам позволит поднять интерес целевой аудитории журнала.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является демографическая трансформация Соединённого Королевства в начале XXI вв.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье в рамках сравнительного и проблемно-хронологического подходов были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, метод интерпретации данных.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку в условиях глобализации, развития мультикультурного общества и миграционных процессов вопросы демографии приобретают особую остроту. Изменения в демографической структуре многих европейских государств характеризуются такими тенденциями, как старение населения и снижение рождаемости, а также приток мигрантов. Однако каждое государство имеет свои особенности, характеризующие происходящие демографические изменения. В этом контексте изучение демографической трансформации Соединённого Королевства в начале XXI вв. представляет научный интерес в сообществе ученых.

Научная новизна представленной работы заключается в проведении по авторской методике исследования, направленного на изучение особенностей демографической трансформации Соединённого Королевства в начале XXI вв., а также описании и анализе достигнутых результатов. В ходе авторского исследования был проведен анализ официальных статистических данных, характеризующих предмет исследования.

Статья написана языком научного стиля с изложением в тексте исследования различных позиций ученых к изучаемой проблеме и применением научной терминологии и дефиниций, характеризующих предмет исследования, а также описанием полученных результатов исследования.

Структуру статьи, в целом можно считать выдержанной с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. В структуре данного исследования представлены такие элементы как введение, методология и источниковая база, основная часть, заключение и библиография.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет выявленные в ходе исследования и отмеченные тенденции, характеризующие процессы

снижения рождаемости, изменений в институте семьи и старения населения.

Библиография содержит 53 источника, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и непериодические издания, а также электронные ресурсы.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующие демографические процессы, а также их особенности в Соединённом Королевстве Великобритании и Северной Ирландии. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, изложенные в заключении, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что основными тенденциями, характеризующими демографические изменения в Соединённом Королевстве Великобритании и Северной Ирландии рассматриваемого периода, являются такие, как «снижение уровня рождаемости среди коренного населения, рост числа мигрантов и их потомков, а также старение британских граждан», что приводит к ряду этнических и культурных сдвигов. Кроме того, наблюдаются значительные изменения в институтах семьи и брака, что объективно оказывает влияние на демографическую ситуацию в государстве.

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, демографами, антропологами, культурологами, социологами, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить то, что при описании результатов исследования для наглядности можно было бы использовать рисунки и таблицы. Кроме заключения целесообразно было бы сформулировать отдельно более подробные и развернутые выводы по полученным результатам исследования, а не встраивать их в заключение в кратком виде. В качестве рекомендации, возможно, в названии статьи стоило бы использовать полное название государства, в отношении которого проводилось исследование, а именно, Соединённое Королевство Великобритании и Северной Ирландии. Указанные недостатки не снижают высокую степень научной значимости самого исследования, а скорее, относятся к особенностям изложения материала и оформления текста статьи. С учетом незначительности указанных замечаний и, конечно же, после их устранения, несомненно, рукопись рекомендуется опубликовать.

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Ковальжина Л.С., Орлова А.А. Технологии искусственного интеллекта в сфере управления персоналом: социальный опыт внедрения и использования // Социодинамика. 2025. № 12. DOI: 10.25136/2409-7144.2025.12.77472 EDN: OIUBJD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77472

Технологии искусственного интеллекта в сфере управления персоналом: социальный опыт внедрения и использования

Ковальжина Лариса Сергеевна

ORCID: 0000-0002-1650-1243

доктор социологических наук

профессор; кафедра менеджмента в отраслях топливно-энергетического комплекса (МТЭК);
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тюменский индустриальный университет»

625000, Россия, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Володарского, 38

✉ kls77@mail.ru

Орлова Анна Анатольевна

ORCID: 0009-0006-1729-0800

магистрант; Тюменский индустриальный университет

625000, Россия, Тюменская обл., г. Тюмень, ул. Володарского, д. 38

✉ orlovaaa@tyuiu.ru

[Статья из рубрики "Человек и труд"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2025.12.77472

EDN:

OIUBJD

Дата направления статьи в редакцию:

20-12-2025

Дата публикации:

27-12-2025

Аннотация: В статье обсуждаются социальные проблемы внедрения и использования

технологий искусственного интеллекта в управлении персоналом организаций и предприятий. Обсуждаются ожидания экспертов и перспективность внедрения искусственного интеллекта, барьеры для внедрения продвинутых ИИ-функций среди которых как технические проблемы, так и социальные (необходимость изменения корпоративной культуры). Теоретико-методологические основания исследования базируются на социологическом подходе, который рассматривает технологии не как нейтральные инструменты, а как социальные артефакты, встроенные в существующие социальные структуры, культурные нормы и организационные практики. Целью данного исследования является выявление и классификация социальных проблем внедрения и использования ИИ в HR, а также оценка текущего состояния и перспектив использования технологий искусственного интеллекта в управлении персоналом в компаниях Тюменской области. Приводится фрагмент результатов экспертного опроса HR-специалистов и руководителей HR-подразделений компаний различного масштаба и отраслевой принадлежности, проведенного в 2024 и 2025 годах на территории Тюменской области. Анализ показал, что существующие механизмы как саморегуляции (корпоративные политики, профессиональные кодексы), так и институциональной регуляции (законодательство) развиты недостаточно, носят фрагментарный и зачастую реактивный характер. Они не поспевают за динамикой технологических изменений и не всегда адекватно учитывают специфику социального опыта различных акторов, вовлеченных в цифровые HR-практики. Выделены четыре основных кластера социальных проблем: алгоритмическая предвзятость и воспроизводство социального неравенства; дегуманизация HR-процессов и эрозия социального капитала организации; нарушение приватности и создание «цифровой копии»; трансформация профессии HR-менеджера и проблема распределенной ответственности. На основе проведенного анализа использования технологий ИИ в управлении персоналом организаций Тюменской области и исследования теоретических концептов саморегуляции и институциональной регуляции предлагается интегративная модель «Сбалансированной институционализации ИИ в HR». Принципы модели: принцип контекстуальной встроенности и человеческого суверенитета; принцип алгоритмической прозрачности и подотчетности; принцип превентивной оценки социальных рисков; принцип плюралистического регулирования.

Ключевые слова:

технологии, управление персоналом, корпоративная культура, социальный опыт, саморегуляция, институциональная регуляция, цифровая трансформация организаций, искусственный интеллект, модель, HR-специалисты

Введение

Цифровая трансформация организаций, движимая развитием больших данных, машинного обучения и автоматизированных систем принятия решений, кардинально меняет ландшафт управления человеческими ресурсами. Технологии искусственного интеллекта все активнее внедряются в такие ключевые HR-процессы, как рекрутинг (скрининг резюме, видео-интервью с анализом эмоций), оценка персонала (прогнозная аналитика эффективности), обучение и развитие (персонализированные траектории), управление вовлеченностью и планирование карьеры [\[17\]](#). Согласно исследованию Аналитического центра НАФИ [\[5\]](#) за 2024 год, 30% предприятий малого и среднего бизнеса уже активно используют инструменты на базе искусственного интеллекта, при

этом 70% пользователей оценивают свой опыт внедрения как положительный. По данным НАФИ, 63% представителей бизнеса отмечают существенную экономию рабочего времени благодаря внедрению искусственного интеллекта (далее, ИИ), а 37% подтверждают оптимизацию бюджета компании. При этом только 12% тех, кто использует такие инструменты, применяют их для управления персоналом.

Если первоначальные дискуссии концентрировались на технической эффективности и экономической выгоде данных технологий, то современный академический и публичный дискурс смещается в сторону их глубоких социальных, этических и организационных последствий. Актуальность исследования обусловлена растущим разрывом между скоростью технологических внедрений и осмыслением их социальных эффектов. Управление персоналом, по своей сути, является социальной практикой, основанной на доверии, межличностной коммуникации, понимании контекста и этических нормах. Инструментализация этих процессов машинными алгоритмами порождает комплекс проблем, требующих междисциплинарного анализа на стыке социологии, менеджмента, права и компьютерных наук. Особую значимость приобретают исследования практики применения технологий искусственного интеллекта в HR-процессах на региональном уровне, где сосредоточено значительное количество крупных предприятий и активно развивается сектор малого и среднего предпринимательства.

Целью данного исследования является выявление и классификация социальных проблем внедрения и использования ИИ в HR, а также оценка текущего состояния и перспектив использования технологий искусственного интеллекта в управлении персоналом в компаниях Тюменской области.

Теоретико-методологические основания работы базируются на социологическом подходе, который рассматривает технологии не как нейтральные инструменты, а как социальные артефакты, встроенные в существующие социальные структуры, культурные нормы и организационные практики. Концепт социального опыта [\[1; 11\]](#) позволяет анализировать, как различные акторы - сотрудники, кандидаты, HR-менеджеры, разработчики - воспринимают, интерпретируют и взаимодействуют с ИИ-системами, формируя новые паттерны трудовых отношений. Понятия саморегуляции (профессиональные кодексы, внутренние политики компаний) и институциональной регуляции задают рамки для анализа механизмов контроля и адаптации этих новых практик.

В исследовании использованы: экспертный опрос HR-специалистов, анализ кейсов внедрения ИИ-решений в компаниях. Экспертный формализованный опрос проводился на территории Тюменской области в два этапа: в ноябре 2024 года приняли участие 23 эксперта, в 2025 году - 16 HR-специалистов и руководителей предприятий различных сфер деятельности. В статье представлен фрагмент результатов исследования.

Теоретические основания и обзор литературы

В литературе прослеживается эволюция взглядов на роль ИИ в HR: от рассмотрения его как простого инструмента автоматизации рутинных задач до признания его роли квази-актора, активно формирующего социальную реальность организации [\[25\]](#). Цифровое управление персоналом (Digital HRM) определяется как интеграция социальных, мобильных, аналитических и облачных технологий в HR-практики [\[24\]](#). ИИ, в данном контексте, представляет собой наиболее продвинутую фазу этой интеграции, где системы не только обрабатывают информацию, но и генерируют прогнозы, рекомендации и решения, претендуя на автономность.

Рассматривая социальный опыт взаимодействия с ИИ-HR-системами, отметим, что исследования, посвященные восприятию ИИ сотрудниками и кандидатами, выявляют амбивалентность социального опыта. С одной стороны, отмечается повышение эффективности и объективности процессов (например, сокращение времени обработки заявок). С другой, доминируют темы дегуманизации и отчуждения. Кандидаты описывают опыт взаимодействия с алгоритмическими системами рекрутинга как «разговор со стеной», отмечая отсутствие обратной связи и контекстуального понимания [14]. Это порождает феномен «черного ящика» - непонимания принципов принятия решений, что ведет к фрустрации и снижению доверия к организации [9]. Социальный опыт HR-менеджеров также трансформируется: их роль рискует редуцироваться до валидации решений алгоритма, что подрывает профессиональную идентичность, основанную на экспертизе, интуиции и межличностных навыках [21].

Исследуя процессы саморегуляции и профессиональную этику, отметим, что саморегуляция в данной сфере проявляется на нескольких уровнях. Во-первых, это этика разработчиков ИИ-систем. Исследователи указывают на «разрыв в ценностях» между инженерами, сфокусированными на оптимизации метрик (например, скорость найма), и HR-профессионалами, для которых важны справедливость и благополучие сотрудников [23]. Во-вторых, это профессиональные ассоциации HR, которые активно разрабатывают этические руководства по использованию ИИ, подчеркивая необходимость «человеческого надзора», справедливости и прозрачности. В-третьих, это корпоративные политики отдельных компаний, которые зачастую носят реактивный характер и разрабатываются постфактум, после возникновения скандалов, связанных с предвзятостью алгоритмов [22]. Эффективность саморегуляции ограничена добровольностью соблюдения и отсутствием универсальных стандартов.

Оценивая институциональную регуляцию, в частности формирование правового поля, важно отметить, что институциональный ответ на вызовы ИИ-HR находится в стадии становления. Например, Европейский регламент GDPR (2018) закрепил право на объяснение автоматизированных решений, что имеет прямое отношение к HR. Проект «Европейского акта об ИИ» (2021) относит системы рекрутинга и управления персоналом к категории высокого риска, накладывая на них строгие требования к прозрачности, надзору и качеству данных. В России существует ряд нормативных актов и стратегических документов, регулирующих сферу искусственного интеллекта, однако, регулирование находится в стадии активного формирования и носит преимущественно рамочный и стратегический характер, в отличие от детального законодательного регулирования, как, например, в ЕС. основополагающий стратегический документ, образующий основу регулирования ИИ в РФ это Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Это главный документ, утвердивший Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Стратегия определяет цели, задачи, принципы и основные направления развития ИИ в России, включая создание нормативной базы. Сфера ИИ также затрагивается нормами других отраслей права:

- Защита персональных данных (152-ФЗ): Любое использование ИИ, обрабатывающего персональные данные сотрудников (в HR - обязательно), должно соответствовать требованиям этого закона.
- Трудовой кодекс: Прямого регулирования ИИ в нем пока нет, но возникающие вопросы (например, алгоритмическое управление, оценка эффективности) решаются в рамках общих норм о правах работника.

- Гражданский кодекс: Вопросы ответственности за вред, причиненный решением ИИ, а также прав на результаты, созданные ИИ.
- Стратегия развития информационного общества и Цифровая экономика: Более широкие программы, в которые встроена политика по ИИ.

Однако с точки зрения регулирования ИИ именно в HR в России пока нет специальных норм. Применение ИИ в управлении персоналом будет регулироваться общими положениями Закона о регулировании ИИ (если система будет отнесена к «высокому риску»), законом о персональных данных и трудовым законодательством. Таким образом, ключевая проблема институциональной регуляции - это скорость: законодательные процессы неизбежно отстают от темпов технологических изменений.

Анализируя проблемы, поднимаемые в исследовательском поле, выделим четыре основных кластера социальных проблем:

1. Алгоритмическая предвзятость и воспроизводство социального неравенства. Это наиболее изученная проблема. Алгоритмы ИИ обучаются на исторических данных, которые зачастую содержат скрытые предубеждения (например, гендерный или расовый дисбаланс в найме на определенные позиции). В результате системы не устраняют, а амплифицируют и легитимизируют существующее неравенство, облекая его в мантию «объективности данных» [\[7\]](#). Классическим примером является скандал с Amazon, чья система рекрутинга, обученная на резюме за десятилетия, систематически дискриминировала женские кандидатуры [\[15\]](#). Проблема усугубляется непрозрачностью многих сложных алгоритмов, что затрудняет выявление и устранение предвзятости.
2. Дегуманизация HR-процессов и эрозия социального капитала организации. HR традиционно выполнял функцию социального интегратора и «хранителя» организационной культуры. Замена человеческого взаимодействия интерфейсами алгоритмов угрожает таким нематериальным, но критически важным активам, как доверие, лояльность и чувство справедливости. «Процедурная справедливость», ключевая для восприятия организационной легитимности, сильно страдает, когда решения воспринимаются как непонятные и не подлежащие апелляции [\[19\]](#). Это может привести к росту цинизма, снижению вовлеченности и увеличению текучести кадров.
3. Нарушение приватности и создание «цифровой копии». ИИ-системы в HR зачастую используют нетрадиционные данные: анализ микровыражений лица на видео-интервью, отслеживание активности в корпоративных чатах и электронной почте, данные с носимых устройств. Это стирает границы между рабочей и личной жизнью, создавая условия для тотального наблюдения [\[3\]](#). Сотрудники оказываются в ситуации постоянной видимости и потенциальной оценки, что порождает стресс, самодисциплину (необходимость саморегуляции социального поведения) и стратегии «игры в систему», а не подлинной вовлеченности.
4. Трансформация профессии HR-менеджера и проблема распределенной ответственности. Автоматизация смещает требования к навыкам HR-специалистов в сторону аналитики данных и управления технологиями, маргинализируя социальные и этические компетенции. Возникает проблема распределенной ответственности: в случае ошибки алгоритма (например, несправедливого увольнения) сложно установить, кто виноват - разработчик, поставщик программного обеспечения, HR-менеджер, утвердивший решение, или топ-менеджер, внедривший систему. Это создает «этический

вакуум» и размывает ответственность [\[20\]](#).

Результаты и обсуждение

Внедрение ИИ-решений позволяет оптимизировать рутинные операции, повысить качество принимаемых решений и обеспечить персонализированный подход к управлению человеческими ресурсами [\[2; 6\]](#). Рассмотрим наиболее распространённые области использования ИИ-технологий в управлении персоналом организаций и предприятий:

- Подбор и отбор персонала является одним из наиболее перспективных направлений применения искусственного интеллекта в HR [\[4; 18\]](#). ИИ-системы способны анализировать резюме, что значительно сокращает время на первичный отбор кандидатов. Технологии машинного обучения проверяют не только формальные критерии соответствия, но и способны предсказывать потенциальную успешность кандидата на основе анализа его цифрового следа и поведенческих паттернов [\[8; 12\]](#).
- Интеллектуальные чат-боты могут использоваться для первичной коммуникации с соискателями [\[10\]](#), например, для ответов на типовые вопросы и проведения предварительного интервью. Это позволяет существенно разгрузить рекрутеров и обеспечить круглосуточную доступность информации для кандидатов.
- ИИ-решения помогают создавать персонализированные программы адаптации, учитывающие индивидуальные особенности новичков. Виртуальные ассистенты сопровождают сотрудника на всех этапах адаптации, предоставляя необходимую информацию и фиксируя прогресс.
- Обучение и развитие персонала трансформируется благодаря применению адаптивных обучающих систем [\[6\]](#), которые формируют индивидуальные траектории развития на основе анализа компетенций и целей сотрудника. Искусственный интеллект помогает выявлять пробелы в знаниях и автоматически подбирать релевантный обучающий контент.
- Оценка персонала становится более объективной и комплексной благодаря ИИ-алгоритмам [\[6\]](#), которые анализируют множество параметров эффективности работы сотрудников. Предиктивная аналитика позволяет прогнозировать риски увольнения и своевременно принимать превентивные меры.

В исследовании использования технологий искусственного интеллекта в управлении персоналом организаций и предприятий в 2024 г. приняли участие 23 эксперта (HR-специалисты и руководители предприятий Тюменской области различных сфер деятельности); в 2025 г. - 16. Наиболее представлены компании, предоставляющие услуги населению и бизнесу, а также производственные предприятия, в т.ч. нефтегазовые. Большинство компаний (43%) имеют численность от 100 до 1000 человек.

Среди основных автоматизированных процессов эксперты называют кадровое планирование и учет (52%), подбор персонала (48%), расчет заработной платы (43%) что связано с доступностью российских программных продуктов по частичной автоматизации этих процессов (например, 1С.Управление персоналом или 1С.Зарплата и кадры). Наименее автоматизированными остаются процессы адаптации (22%) и сбора обратной связи (22%), несмотря на легкость и доступность их внедрения.

Меньше половины опрошенных экспертов в своей деятельности используют ИИ-решения (48%). При этом наиболее активными пользователями являются крупные предприятия (от 1000 сотрудников). Среди тех, кто внедряет ИИ-технологии, преобладающее количество используют в работе чат-боты (39%). Никто из опрошенных экспертов не применяет ИИ-решения для предиктивной аналитики несмотря на то, что 30% респондентов отметили, что хотели бы получать прогноз с помощью искусственного интеллекта.

По мнению трети опрошенных, их ожидания от использования ИИ-технологии соответствуют ожиданиям (30%), у 30% - частично оправдали ожидания, затруднились с оценкой 40% экспертов. При этом большинство экспертов (87%) отмечают перспективность внедрения ИИ-технологий на своих предприятиях, однако оценить бюджет на внедрение ИИ и обучение сотрудников ИИ-инструментам 70% респондентов не смогли.

Наибольший интерес у экспертов вызывают базовые функции искусственного интеллекта, позволяющие автоматизировать рутинные операции, такие как распознавание, классификация данных (например, автоматическая сортировка резюме, классификация кандидатов на основе их навыков, опыта и соответствия вакансий) (56%) и генерация контента – 52% (например, генерация описаний вакансий и ответов на часто задаваемые вопросы, создание обучающих материалов). Значительное внимание уделяется задачам оптимизации и управления (48%), что свидетельствует о понимании важности повышения эффективности HR-процессов. Меньший интерес вызывают более сложные функции, такие как прогнозирование (30%), обнаружение аномалий (22%), обработка естественного языка (17%). Это может быть связано с недостаточной зрелостью HR-процессов и отсутствием качественных данных для анализа.

Несмотря на сдержанную активность во внедрении, 87% опрошенных компаний оценивают перспективы использования ИИ как умеренные или высокие. 35% планируют обучение некоторых сотрудников работе с ИИ-инструментами, еще 35% уже обучили своих сотрудников этим навыкам.

Основными барьерами внедрения эксперты назвали проблемы с качеством данных (26%), сопротивление персонала (22%) и технические сложности интеграции (22%). Никто из опрошенных экспертов не указал в качестве барьеров риск информационной безопасности и высокую стоимость внедрения ИИ-решений (4%). Можно предположить, что это связано в целом с невысокой культурой принятия решений на основе данных и небольшим количеством квалифицированных аналитиков в штате отделов управления персоналом в регионе.

Большинство респондентов (70%) затрудняются оценить размер необходимого бюджета на использование ИИ-инструментов. Это может свидетельствовать как об отсутствии четкой стратегии цифровизации HR-процессов, так и о недостаточном понимании необходимости и стоимости внедрения ИИ-решений. Интересно отметить, что 43% опрошенных экспертов занимают руководящие должности, возглавляют департаменты и отделы управления персоналом. При этом лишь треть из них может определить готовность их компаний к финансированию ИИ-решений в HR.

Эксперты отмечают слабое понимание работы ИИ-алгоритмов и опасаются за безопасность обрабатываемых данных, при этом выражают озабоченность возможностью нарушения кадровой этики в принятии «машинных» решений и рисках игнорирования необходимых человеческих факторов.

Оценивая сложившуюся практику использования технологий искусственного интеллекта

в управлении персоналом организаций и предприятий Тюменской области, можно рекомендовать следующие мероприятия:

- развивать на предприятиях культуру принятия решений на основе данных;
- начинать использование ИИ-решений в HR с внедрения базовых решений (чат-боты, системы скрининга резюме);
- использовать облачные решения для снижения затрат на инфраструктуру и модель подписки для снижения первоначальных затрат;
- внедрять системы с открытым API для обеспечения интеграции;
- рассмотреть возможность участия в программах государственной поддержки цифровизации и региональных программах цифровой трансформации;
- создать систему оценки эффективности внедрения;
- организовать регулярный сбор обратной связи от пользователей;
- создать площадку для обмена опытом между компаниями региона;
- развивать сотрудничество с местными IT-компаниями и вузами.

Реализация данных рекомендаций позволит компаниям получить конкурентные преимущества на рынке труда за счет повышения эффективности HR-процессов, снижения затрат и уменьшения нагрузки сотрудников.

На основе проведенного анализа использования технологий ИИ в управлении персоналом организаций Тюменской области и исследования теоретических концептов саморегуляции и институциональной регуляции предлагается интегративная модель «Сбалансированной институционализации ИИ в HR». Модель исходит из того, что устойчивое и этическое внедрение технологий требует динамического взаимодействия «сверху вниз» (институциональные нормы) и «снизу вверх» (практики саморегуляции).

Принципы модели:

1. Принцип контекстуальной встроенности и человеческого суверенитета. ИИ должен рассматриваться исключительно как инструмент поддержки, а не замещения человеческого решения в социально-значимых HR-процессах (найм, увольнение, оценка). Ключевые решения должны оставаться за человеком, наделенным полномочиями и компетенцией для интерпретации и, при необходимости, отмены рекомендаций алгоритма. Это требует перепроектирования рабочих мест HR и инвестиций в обучение.
2. Принцип алгоритмической прозрачности и подотчетности. Необходимо смещение от недостижимой полной прозрачности «черного ящика» к практической аудируемости систем. Это предполагает: а) обязательное документирование целей, данных, процедур обучения и метрик валидации ИИ-HR-систем; б) создание внутренних (корпоративных) и внешних (отраслевых) комитетов по этике ИИ с правом аудита.
3. Принцип превентивной оценки социальных рисков. Внедрение любой ИИ-HR системы должно сопровождаться обязательной процедурой оценки социальных и этических рисков по аналогии с оценкой финансовых рисков. Оценка должна проводиться на этапе проектирования и закупки и включать анализ потенциальной предвзятости, влияния на

приватность, воздействия на организационную культуру и рабочие места HR-специалистов.

4. Принцип плюралистического регулирования. Эффективное регулирование требует кооперации различных акторов:

- о Институциональный уровень: Разработка и гармонизация международных стандартов (например, ISO) для сертификации ИИ-HR-систем. Ужесточение законодательства, требующего от компаний публичной отчетности об использовании алгоритмов, влияющих на трудовые права.

- о Отраслевой уровень: Создание профессиональными ассоциациями HR и IT совместных рабочих групп для выработки детализированных кодексов практики, стандартов данных и шаблонов контрактов с вендорами.

- о Корпоративный уровень: Внедрение внутренних хартий этики ИИ, обучение всех сотрудников (не только HR) основам алгоритмической грамотности, создание каналов для апелляции алгоритмических решений.

- о Уровень разработки: Внедрение практик «ответственной разработки ИИ», где этические требования интегрированы в процесс создания продукта с самого начала.

Схематически модель представляет собой цикл, в котором: а) институциональные нормы задают минимальные рамки и стимулы для компаний; б) корпоративные практики саморегуляции и профессиональные стандарты конкретизируют эти рамки; в) социальный опыт сотрудников и кандидатов (выражаемый через обратную связь, судебные иски, публичное мнение) предоставляет обратную связь, которая приводит к корректировке как саморегулятивных практик, так и институциональных норм.

Заключение

Проведенный систематический обзор литературы позволил выявить, что внедрение технологий искусственного интеллекта в управление персоналом порождает глубокий и многогранный комплекс социальных проблем, выходящих далеко за рамки технических несовершенств. Ключевые вызовы связаны с воспроизводством и усилением социального неравенства через алгоритмическую предвзятость, дегуманизацию трудовых отношений, тотальную эрозию приватности и размывание профессиональной ответственности. Эти проблемы угрожают фундаментальным основам социального контракта внутри организаций - доверию, справедливости и человеческому достоинству.

Анализ показал, что существующие механизмы как саморегуляции (корпоративные политики, профессиональные кодексы), так и институциональной регуляции (законодательство) развиты недостаточно, носят фрагментарный и зачастую реактивный характер. Они не поспевают за динамикой технологических изменений и не всегда адекватно учитывают специфику социального опыта различных акторов, вовлеченных в цифровые HR-практики.

Предложенная в статье теоретическая модель «Сбалансированной институционализации ИИ в HR» акцентирует важность принципов человеческого суверенитета, проверяемости, превентивной оценки социальных рисков и плюралистического управления. Ключевой тезис модели заключается в том, что технология не является внешней силой с predetermined последствиями; ее траектория и социальные эффекты формируются в процессе постоянных переговоров, конфликтов и кооперации между государством, бизнесом, профессионалами и обществом. Устойчивое будущее цифрового HR лежит не

в отказе от технологий, а в их подчинении четким социальным целям.

Для развития ИИ-технологий HR в практической деятельности специалистов управления персоналом и руководителей необходим комплексный подход, включающий как развитие цифровых компетенций HR-специалистов, создание системы обмена лучшими практиками между компаниями региона, так и формирование культуры принятия решений на основе данных.

Библиография

1. Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич. М.: МШПИ, 2019.
2. Берсин, Д. HR-технологии 2024: что действительно работает / Д. Берсин // MIT Sloan Management Review. 2024. URL: <https://sloanreview.mit.edu/> (дата обращения: 12.10.2025).
3. Зубофф, Ш. Век капитализма наблюдения: Борьба за человеческое будущее на новом рубеже власти / Ш. Зубофф ; [пер. с англ. А. Шоломицкой]. Москва : Издательский дом "Дело" РАНХиГС, 2023. 736 с.
4. Искусственный интеллект в HR: обзор российского рынка // TAdviser. 2024. URL: <https://www.tadviser.ru/> (дата обращения: 12.10.2025).
5. Использование искусственного интеллекта в МСП: аналитический отчет / Аналитический центр НАФИ. Москва, 2024. URL: <https://nafi.ru/analytics/> (дата обращения: 12.10.2025).
6. Малышев, М. А. Технологии искусственного интеллекта в управлении персоналом / М. А. Малышев // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2023. № 4. С. 45-62.
7. Ноубл, С. Алгоритмы угнетения: Как поисковые системы усиливают расизм / Пер. с англ. Е. Байкалов, К. Медведев. М.: Индивидуум, 2022. 272 с.
8. Обзор российского рынка HR-tech решений // РБК. 2024. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/ (дата обращения: 12.10.2025).
9. Паскуале, Ф. Общество черного ящика: Секретные алгоритмы, которые управляют деньгами и информацией / Пер. с англ. А. Карташов. М.: Карьера Пресс, 2022. 408 с.
10. Российская ассоциация искусственного интеллекта. Аналитический обзор рынка AI-решений. Москва, 2024. URL: <http://raai.org/> (дата обращения: 12.10.2025).
11. Шюц, А. Смысловое строение социального мира: Очерки по феноменологической социологии / Пер. с нем. и англ. А.Я. Алхасова, Д.Г. Лахути, Г.И. Белкиной; науч. ред. Н.М. Смирнова. М.: Издательский дом "Дело" РАНХиГС, 2020. 552 с.
12. AI in HR: Benefits and Challenges / PWC. 2024. URL: <https://www.pwc.com/> (дата обращения: 12.11.2025).
13. Barocas, S., & Selbst, A. D. Big data's disparate impact. California Law Review, 2016, 104, 671-732.
14. Bodie, M. T., Cherry, M. A., McCormick, M. L., & Tang, J. The law and policy of people analytics. University of Colorado Law Review, 2017, 88, 961-1042.
15. Dastin, J. Amazon scraps secret AI recruiting tool that showed bias against women. Reuters, 2018.
16. European Commission. Proposal for a Regulation laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act). Brussels, 2021.
17. Global Human Capital Trends 2024 / Deloitte. 2024. URL: <https://www2.deloitte.com/> (дата обращения: 12.10.2025).
18. HR-тренды 2024: аналитический отчет / HeadHunter. Москва, 2024. URL: <https://hh.ru/article/research> (дата обращения: 12.10.2025).

19. Lee, M. K. Understanding perception of algorithmic decisions: Fairness, trust, and emotion in response to algorithmic management. *Big Data & Society*, 2018, 5(1).
20. Martin, K., Shilton, K., & Smith, J. Business and the ethical implications of technology: Introduction to the symposium. *Journal of Business Ethics*, 2020, 167(1), 1-6.
21. McAbee, S. T., Landis, R. S., & Burke, M. I. Inductive reasoning: The promise of big data. *Human Resource Management Review*, 2017, 27(2), 277-290.
22. Möhlmann, M., Zalmanson, L., Henfridsson, O., & Gregory, R. W. Algorithmic management of work on online labor platforms: When matching meets control. *MIS Quarterly*, 2021, 45(4), 1999-2022. DOI: 10.25300/misq/2021/15333 EDN: QYKYWQ.
23. Raisch, S., & Krakowski, S. Artificial intelligence and management: The automation-augmentation paradox. *Academy of Management Review*, 2021, 46(1), 192-210. DOI: 10.5465/amr.2018.0072 EDN: MOPFOP.
24. Strohmeier, S. Digital human resource management: A conceptual clarification. *German Journal of Human Resource Management*, 2020, 34(3), 345-365. DOI: 10.1177/2397002220921131 EDN: JLJMQB.
25. Tambe, P., Cappelli, P., & Yakubovich, V. Artificial intelligence in human resources management: Challenges and a path forward. *California Management Review*, 2019, 61(4), 15-42.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рецензирование рукопись подготовлена на актуальную тематику. Вопросы использования ИИ в различных сферах общественной жизни весьма остро стоят в политической повестке. В частности, на заседании Государственного совета, состоявшегося 25 декабря 2025 г., Президентом России были озвучены тезисы об активном влиянии ИИ на отраслевое развитие и работу с кадрами. Несомненно, высокая значимость данного вопроса переносится в плоскость научного дискурса, где возможно работа ИИ-HR-систем становится наиболее дискуссионной. Как справедливо отмечает автор «если первоначальные дискуссии концентрировались на технической эффективности и экономической выгоде данных технологий, то современный академический и публичный дискурс смещается в сторону их глубоких социальных, этических и организационных последствий».

В тексте статьи предмет исследования не сформулирован четко, однако можно сделать вывод, что внимание автора сконцентрировано на региональных практиках применения технологий ИИ в HR-процессах. Цель исследования заключается в выявлении и классификации социальных проблем внедрения и использования ИИ в HR, а также оценке текущего состояния и перспектив использования технологий искусственного интеллекта в управлении персоналом в компаниях Тюменской области.

Методология исследования опирается на социологический подход, который рассматривает технологии не как нейтральные инструменты, а как социальные артефакты, встроенные в существующие социальные структуры, культурные нормы и организационные практики. Теоретические основы работы представлены трудами российских и зарубежных авторов, дополнены материалами Аналитического центра НАФИ. Ключевым методом авторского исследования выбран экспертный формализованный опрос HR-специалистов, который проводился на территории

Тюменской области в два этапа: в ноябре 2024 года ($n=23$) и в 2025 году ($n=16$). В качестве экспертов автором отобраны HR-специалисты и руководители предприятий различных сфер деятельности. Материалы опроса дополнены анализом кейсов внедрения ИИ-решений в компаниях.

Научная новизна представлена в расширении теоретико-прикладных аспектов кластеризации социальных проблем использования ИИ в сфере HR. Помимо очевидных и достаточно изученных проблем воспроизводства неравенства, автором обосновывается тезис о связи восприятия персоналом «процедурной справедливости» и организационной легитимности. «Замена человеческого взаимодействия интерфейсами алгоритмов угрожает таким нематериальным, но критически важным активам, как доверие, лояльность и чувство справедливости».

Стиль изложения соответствует требованиям к научной публикации. Работа структурирована на блоки: введение, теоретические основания и обзор литературы, результаты и обсуждение, заключение. Содержание работы в целом позволяет отследить достижение цели исследования.

Библиография состоит из 25 источников. Автор обращается к трудам отечественных и зарубежных авторов.

Апелляция к оппонентам частично представлена в заключительной части. Автором отмечается тотальная эрозия приватности и размывание профессиональной ответственности, что «угрожает фундаментальным основам социального контракта внутри организаций - доверию, справедливости и человеческому достоинству». Вместе с тем в научной литературе, эмпирических исследованиях постулируется и обратная позиция, где использование ИИ рассматривается как инструмент повышения объективности оценки кандидатов, снижения дискриминации при разработке кадровой политики. Однако дискуссия как отдельный аспект в работе автора не представлена.

Научная статья на тему «Технологии искусственного интеллекта в сфере управления персоналом: социальный опыт внедрения и использования» представляет интерес для широкой читательской аудитории.

В качестве незначительных замечаний к работе могут высказаны следующие комментарии: 1) работу существенно украсил бы анализ базовых источников по теме ИИ. Сейчас он представлен весьма скудно. 2) Изложение результатов социологического исследования на базе 23 и 16 человек не в полной мере релевантно поставленной цели. Это выборка для интервьюирования экспертов, но не количественного анализа. Поэтому описание результатов в процентном соотношении представляется некорректным. Также выделение двух волн исследования требует проведения четкого сопоставления данных для отслеживания динамики изменений. Однако выполнить данные действия на нерепрезентативной выборке не представляется возможным.

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Широкова М.А., Ткачук Л.Н. Особенности политической культуры России: история, современное состояние и перспективы // Социодинамика. 2025. № 12. DOI: 10.25136/2409-7144.2025.12.77470 EDN: TACZOF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77470

Особенности политической культуры России: история, современное состояние и перспективы

Широкова Марина Алексеевна

ORCID: 0000-0002-8915-4326

доктор философских наук

профессор, кафедра философии и политологии, Алтайский государственный университет

656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 308

✉ marina_shirokova_2014@mail.ru

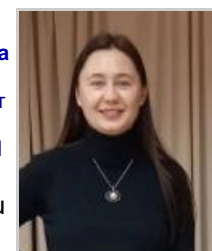

Ткачук Лина Николаевна

аспирант, институт гуманитарных наук, Алтайский государственный университет

656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, Железнодорожный р-н, пр-кт Ленина, д. 61

✉ linok_1984@mail.ru

[Статья из рубрики "Правовая и политическая культура"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2025.12.77470

EDN:

TACZOF

Дата направления статьи в редакцию:

23-12-2025

Дата публикации:

30-12-2025

Аннотация: В данной статье представлен комплексный анализ состояния политической культуры Российской Федерации с акцентом на ее исторические корни, современные тенденции и перспективы развития. Предметом исследования, таким образом, выступают

специфические характеристики политической культуры нашей страны на разных этапах ее развития. Выявляются следующие ключевые тенденции российской политической культуры: сохранение высокого уровня авторитарных установок населения, обусловленные как историческими факторами, так и вызовами современности; растущий интерес молодежи к цифровым формам политического участия; снижение доверия к традиционным СМИ и растущее влияние независимых онлайн-ресурсов; противоречивое восприятие демократических норм, сочетающее их декларативную поддержку с практической неготовностью к активным политическим действиям; формирование нового типа политической идентичности, основанной на патриотическом дискурсе и противостоянии внешнему информационному давлению. В качестве методологических оснований и методов используются сравнительный и структурно-функциональный анализ, а также исторический подход и социологическое моделирование. Определены и проанализированы возможные сценарии эволюции российской политической системы в последующие десятилетия, в соответствии с которыми прогнозируются и варианты трансформации политической культуры. Полученные результаты позволяют авторам сделать вывод, что изучение политической культуры в России требует комплексного подхода, учитывающего не только изменения в законодательстве и управлении, но и глубокие культурные, образовательные, социально-экономические и технологические факторы. Значимость концепта политической культуры повышается как с теоретической, так и с практической точки зрения, особенно в контексте необходимости модернизации политических институтов и усиления гражданского участия. В то же время, условием дальнейшего успешного развития страны является достижение сбалансированного сочетания традиций и инноваций в модернизационных процессах для формирования общественно-государственного консенсуса.

Ключевые слова:

политическая культура, культура России, социальная динамика, ценности, традиции, патриотизм, государство, гражданственность, демократия, глобализация

Введение. Политическая культура является важнейшим компонентом любой национальной системы, отражая глубинные ценности, убеждения и установки граждан, формирующие их отношение к власти, государственным институтам и политическим процессам. В условиях современной России, которая прошла через сложные исторические этапы – от древних княжеств и царской монархии до советской эпохи и постсоветских реформ – изучение политической культуры приобретает особую значимость. Ведь политическая культура служит не только отражением исторического наследия, но и индикатором текущих социальных настроений, уровня гражданской активности и степени доверия к институтам власти. За последние десятилетия Россия пережила значительные трансформации, связанные с переходом от авторитарных и тоталитарных к более открытым формам управления, хотя и с сохранением ряда традиционных ценностей и элементов патерналистского подхода к власти. В этом контексте следует выяснить, каким образом формируются современные представления о политике, каковы основные установки, определяющие поведение граждан, и какие тенденции могут привести к изменению политической культуры в будущем.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью оценки текущего состояния политической культуры России, выявления её сильных и слабых сторон, а также определения возможных путей её развития. В условиях глобализации и информационной

революции важно понять, каким образом эти факторы влияют на формирование новых ценностей и моделей поведения граждан. В рамках данной статьи будет предложен обзор некоторых исторических предпосылок, современных особенностей и перспектив развития политической культуры России, позволяющий более полно раскрыть роль культурной матрицы в формировании национальной идентичности и обеспечении стабильности государства.

Целью исследования является комплексный анализ особенностей политической культуры России, выявление факторов ее эволюции и рассмотрение возможных сценариев дальнейшего развития для понимания внутривнутриполитической динамики страны.

Предметом исследования выступают специфические характеристики политической культуры России. Методологическую основу исследования составляют сравнительный и структурно-функциональный анализ, восходящие к классической работе Г. Алмонда и С. Вербы [\[17\]](#), а также исторический подход и социологическое моделирование с использованием данных Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). В работе предпринимается попытка системного осмысления политической культуры России через призму устойчивых ценностных ориентаций, определяющих поведение граждан, отношение к государственным институтам и уровень участия в политических процессах. Рассматривается гибридный характер российской политической культуры, сочетающей в себе элементы консервативного мышления, цифровой мобилизации и новых форм политического поведения.

Культурологическое направление анализа прошлого и настоящего, а также прогнозирования будущего развития политической культуры России сегодня является весьма продуктивным. Результаты таких исследований могут быть применены при разработке программ по повышению гражданской активности, реформированию системы образования, улучшению взаимодействия между структурами государственной власти и обществом, а также в стратегии государственного управления, направленной на укрепление легитимности и повышение доверия общества к демократическим институтам.

В современных условиях необходимо развитие институтов гражданского общества, внедрение практик цифрового участия, обеспечение прозрачности действий государственных институтов, формирование политически зрелого электората, обладающего критическим мышлением и пониманием правовых механизмов реализации своих интересов. В данной связи необходим и разносторонний анализ политической культуры России, в котором, наряду с культурно-историческим наследием, должны рассматриваться новые вызовы, связанные с цифровизацией, геополитической напряженностью и изменениями в структуре общественного мнения.

Исторические предпосылки формирования политической культуры России.

Исторические корни отечественной политической культуры уходят в глубокую древность, когда закладывались основы государственных и религиозных институтов, оказавших в дальнейшем значительное влияние на развитие страны. Каждый период отечественной истории оставил свой след и в формировании политического сознания общества. В свою очередь, ценности и нормы, закрепившиеся в политическом сознании, всегда выступали фактором легитимации государственной власти, что неоднократно отмечалось российскими и зарубежными учеными [\[14, 19\]](#).

Важнейшим этапом становления российской политической культуры стала эпоха образования первого древнерусского государства с центром в Киеве. В этот период формировались первоначальные государственные структуры, такие как вече, княжеский

совет и княжеская власть, тесно связанные с религиозными ценностями православия. Именно к этому времени восходят истоки идеологии государственного единства и сакральной легитимности власти, оказавшей существенное влияние на последующие способы политического управления. Взаимодействие государства и церкви создало модель, в которой духовная и светская власть были неразрывно переплетены на основе воспринятой из Византии концепции «симфонии властей».

В период Московского царства происходила централизация государственной власти и определение новых рамок ее отношений с церковью. Власть монарха приобретала все более абсолютный характер, а идея патерналистского управления, при котором государь по отношению к народу выступает в роли «отца», получила широкое распространение. Формировались традиции авторитаризма, закрепленные в сознании общества через культ царской персоны и божественное право государя. С другой стороны, важной чертой этого времени стало усиление роли церкви, которая выступала не только религиозным институтом, но и заметным политическим игроком, влияющим на государственные решения и обладающим значительными ресурсами. Авторитет церкви существенно возрос в период ордынского ига, когда православие в народном сознании стало неразрывно связываться с идеей национальной независимости. Весь спектр культурно-политических проблем России XV-XVI вв. отразился в борьбе известных течений – «нестяжательства» и «стяжательства» (иосифлянства), определивших две мировоззренческие традиции в отечественной мысли, через борьбу и взаимообогащение которых во многом продолжается саморефлексия российского общества и государства по сей день.

Усиление политической централизации продолжилось в эпоху Российской империи. Монархия сделалась символом стабильности и национального единства, а сакральный характер власти императора – важной составляющей государственной идеологии. В сознании общества целенаправленно формировался образ сильной державы с нерушимой самодержавной властью и строгой социальной иерархией [\[20\]](#). Наиболее емкое концептуальное оформление эти принципы получили в знаменитой триаде С. С. Уварова «Православие. Самодержавие. Народность». Однако в последние годы существования империи со стороны оппозиции и революционных кругов параллельно осуществлялась дискредитация и десакрализация фигуры монарха, приведшая к кризису традиционной легитимности.

Революция 1917 года и последующее создание Советского Союза существенно изменили политическую культуру страны. На государственном уровне стали транслироваться новые ценности. Формировалась коммунистическая культура, основанная на идеях коллективизма, социального равенства и интернационализма. В то же время, как справедливо указывает А. Б. Шатилов, «после прихода к власти коммунистов, как это ни парадоксально, целый ряд мировоззренческих констант пусть в несколько модифицированном виде, остались в политическом сознании народа и стали влиять на внутреннюю и внешнюю политику государства». Среди этих констант назван, в частности, этатизм, который, как и коллективизм, не препятствовал развитию личностного начала, поскольку «личность не растворялась в коллективе, но была его частью, выполняя определенные значимые функции» [\[15, с. 8\]](#).

После демонтажа советской системы начался непростой период перехода к новым принципам взаимодействия государства и общества и пересмотру национально-государственных ориентиров. Предпринимались усилия по созданию структур гражданского общества, развитию многопартийности и формированию новых

поведенческих норм в политике. Но на фоне внешних атрибутов демократии заметными чертами российского общественного сознания оставались склонность к персонификации власти и ожидание демократических преобразований «сверху». Политическая элита 1990-х гг. использовала эту культурную специфику в своих интересах. Так, президент Б.Н. Ельцин во время избирательной кампании «всячески демонстрировал свою «созвучность» с широкими слоями населения, «народность» и «демократизм»» [\[15, с. 10\]](#), однако обманул народные ожидания.

Современные трансформации российской политической культуры. Нынешней политической культуре России присуще диалектическое сочетание унаследованных ценностей и новых веяний, продиктованных процессами глобализации, а также внутренними преобразованиями и социальными метаморфозами. Отсюда – обсуждаемый в научной литературе сложный и многосоставный характер российского политико-культурного пространства [\[8\]](#). С одной стороны, в соответствии с глобальными тенденциями, продолжается переформатирование взаимодействия государства с населением в направлении более эффективного оказания государственных услуг («нового государственного менеджмента»), с другой – в обществе сохраняется тенденция к доверию сильной централизованной власти, воспринимаемой как гарант стабильности и порядка. Это проявляется, в частности, в высоком рейтинге доверия к президенту и правительству при относительно невысокой вовлеченности граждан в политическую деятельность. Стоит подчеркнуть, что ориентация на личность лидера в политических отношениях превалирует над ориентацией на институты [\[3\]](#). Такое убеждение закрепилось в исторической памяти народа, которая во все эпохи, как пишет Б. П. Дементьев, «оставляла за сильным правителем положительные характеристики, «забывая» или прощая жесткость или даже жестокость (Иван Грозный, Петр I, Сталин), и, наоборот, правители слабые (Николай II, Горбачев) подвергались моральному и политическому ostracismу» [\[6, с. 318\]](#).

Ценности патриотизма, гражданственности и основанной на них национально-государственной идентичности являются неотъемлемой частью культурной и политической повестки современной России. Особое внимание уделяется символической политике, политике памяти и максимальному включению в них историко-культурного наследия. Наблюдается усиление патриотических настроений, связанных с памятливыми историческими датами, такими как победа в Великой Отечественной войне, а также с геополитическими вызовами, например, участием в международных спорах и отстаиванием национальных интересов [\[9\]](#). Ориентация на сохранение традиционных ценностей и семейных устоев проявляется в отношении к вопросам морали, религии и культурных норм. Со стороны государства фиксируется стремление поддерживать уважение к религиозным институтам, а также к традиционным семейным ролям и ценностям, что часто противопоставляется западным моделям либерализма. Общество же демонстрирует сравнительно невысокий уровень доверия к институтам представительной демократии, политической элите и СМИ. Это обусловлено как историческими традициями, так и современными обстоятельствами, такими как экономическая нестабильность и социальное неравенство, недостаточная прозрачность власти и недостаток эффективных механизмов гражданского контроля.

Л. Гудков на сайте «Левада-Центра»* приводит данные, согласно которым структура авторитетности институтов в России практически не изменяется на протяжении постсоветского периода. Он указывает, что «институциональное доверие» распределено крайне неравномерно: только 7 из 19 институциональных структур, регулярно

тестируемых в социологических опросах центра, пользуются преимущественным доверием. Остальные находятся в зоне недоверия или сомнительной легитимности. Причем первую группу «безусловно доверяемых» составляют институты, представляющие символы страны, ее престижа, величия, мощи, славы, всего того, что выдвигается государственной символической политикой в качестве оснований для коллективной гордости и самоуважения. То есть, как пишет далее социолог, приоритетными оказываются не благосостояние населения или достижения науки и культуры, а символы власти. При этом особый статус силовых структур, таких как ФСБ, участники опроса оправдывают «чрезвычайными», специальными задачами, для которых нужны особые полномочия действовать в соответствии с «государственным» правосознанием, отвечая интересам государства [\[5\]](#). Однако необходимо возразить: в числе упомянутых исследователем 19 тестируемых институциональных структур отсутствуют учреждения науки, культуры, образования, медицины, таким образом респонденты и не имели возможности выразить свое отношение к ним. Из экономических же институтов в опросах центра представлен только российский бизнес, с доверием к которому благосостояние населения может иметь лишь весьма косвенную связь. Кроме того, все предложенные вопросы касаются доверия к институтам, но не ранжирования последних по их приоритетности.

Текущие обстоятельства серьезно воздействуют на эволюцию политической культуры в России, порождая как перспективы, так и трудности для социума и управленческих институтов. По мнению автора большого количества работ о политической культуре Л.Г. Тульчинского, развитие и существование любого социума осуществляется «в пространстве пересечения ценностной и институциональной осей, реализуя конкретный специфический баланс соответствующих векторов» [\[12, с. 396\]](#). Глобальные процессы, несомненно, продолжают содействовать интеграции в сознание российского населения таких идеалов, как общечеловеческие права, народовластие, свобода выражения мнений и гражданские свободы, что теоретически должно активизировать демократизацию и рост гражданского общества. В то же время, в ситуации нового противостояния России и Запада эти идеи встречают настороженное отношение со стороны значительной доли российских граждан и политической элиты, для которых западные принципы выглядят как угроза национальной самобытности и устоявшимся нормам. Как следствие, воспроизводится непростой дискурс между двумя тенденциями: желанием усовершенствования общества и стремлением сберечь исконные ценности, что провоцирует внутренние разногласия и сказывается на «гибридном» характере политической культуры.

Социальные сети и современные технологии передачи информации заметно переформатировали способы общения внутри социума. Они расширили возможности для создания разнообразного контента, активизации граждан и формирования общественного мнения, тем самым способствуя развитию более открытых форм политического участия. В то же время, эти технологии нередко используются как инструменты распространения дезинформации, пропаганды и манипуляций, усложняющих процессы формирования объективных и взвешенных взглядов у населения [\[18\]](#). В условиях информационной насыщенности и быстрого обмена данными возникает риск усиления поляризации, распространения «фейковых новостей» и дальнейшего снижения доверия к традиционным источникам информации, таким как СМИ и государственные институты. Проблему трансформации и модернизации доверия в процессе исторического движения общества от аграрного к индустриальному, а затем к информационному рассматривают в своем исследовании Ю. В. Веселов и Н. Г. Скворцов.

С использованием инструментария сравнительной социологии эти авторы прослеживают динамику социального доверия, отмечая, что «в нынешнем столетии доверие все более трансформируется в «цифровое», т.е. в доверие людям, институтам, организациям, опосредованное цифровыми технологиями коммуникации» [\[2, с. 59\]](#).

Следует отметить поступательный рост доступности цифровой среды для жителей России, несмотря на проявившиеся в последние годы неблагоприятные факторы, связанные с внутри- и внешнеполитической конъюнктурой. Все больше людей пользуются интернетом как для общения, так и для совершения экономических обменов. Так, по данным ежедневного опроса ВЦИОМ о пользовании интернетом в Российской Федерации, в 2022 г. среднее число тех, кто активно пользуется электронными ресурсами, составляло 73–74 %. В 2025 г. ежедневно интернетом пользовались в среднем уже 77–78 % россиян. Снижалось и число тех, кто совсем не использует электронные ресурсы, – в 2022 г. число таких россиян составляло около 14–16 %, за 11 месяцев 2025 г. средний показатель в этой группе составил 13 % [\[4\]](#). Касательно цифровизации, согласимся с мнением Ж. В. Бойко и О. В. Реш, о том, что «медиапространство часто становится транслятором фейковых новостей, постправды, информационным полем для борьбы за нарратив», но вместе с тем «благодаря цифровизации сегодня радикально изменились способы политической коммуникации и значительно расширились возможности участия граждан в политической жизни страны» [\[1, с. 778\]](#).

Еще одной переменной, которая не может не сказываться на политической культуре общества, выступают, разумеется, экономические и социальные трудности. Материальное благополучие населения, устойчивость социальной сферы и качество жизни оказывают непосредственное воздействие на восприятие гражданами государства и его политических механизмов. Общеизвестно, что во времена экономических потрясений или нестабильности вера в эффективность институтов падает, растет общественное возмущение и готовность к протестам. И наоборот, здоровая экономика и надежная социальная поддержка способствуют укреплению доверия и преданности власти, являющихся залогом стабильности и правопорядка. Массив статистических данных, иллюстрирующих эти устойчивые взаимосвязи содержится в монографии В. К. Левашова. Автор повторяет тезис британского философа XVII в. Джона Локка, согласно которому «бедность разрушает человеческое общество точно так же, как война» [\[7, с. 41\]](#). В условиях шаткой глобальной экономики, санкционных мер и внутренних преобразований социально-экономические факторы во многом детерминируют формирование политической картины в сознании населения России.

Перспективы развития политической культуры России. Изучение современных тенденций в развитии политической культуры нашей страны позволяет определить несколько возможных вариантов эволюции российской политической системы в последующие десятилетия. Первый сценарий предполагает укрепление гражданской позиции общества, совершенствование институтов гражданского участия, расширение основных прав и свобод, постепенную демократизацию и смягчение воздействия государственных институтов. В таком случае может прогнозироваться рост политической грамотности населения, формирование критического взгляда на происходящее и активизация общественной деятельности. Этот путь означает создание условий для большей открытости и подотчетности власти, что может укрепить доверие к государству и создать прочное демократическое общество. Противоположный прогноз связан с усилением авторитарных наклонностей, дальнейшей централизацией власти, ограничением прав и свобод. В этом случае в политической культуре будет отмечен рост безразличия и недоверия среди граждан, упадок интереса к политике, усиление

цинизма и отчуждения. Слишком жесткая ориентация на консерватизм и традиционализм могут осложнить адаптацию государства к новым вызовам, что в конечном счете может привести к застою политической системы. Подобный сценарий чреват обострением внутренних конфликтов и сужением возможностей для позитивных изменений. Третий, наиболее вероятный прогноз подразумевает сочетание консервативных основ и прогрессивных методов управления. Среди исследователей такой точки зрения придерживаются, в частности, разработчики умеренно-консервативной методологии «русского хранительства» С. В. Переверзенцев и А. А. Ширинянц [\[10\]](#). В случае движения по данному пути предполагается постепенное внедрение демократических принципов с одновременным поддержанием стабильности и порядка. Создаются оптимальные условия для развития структур гражданского общества, вовлечения граждан в управление государством и принятие решений. Россия продолжит интеграцию в мировое сообщество, сохраняя при этом свой суверенитет, национальную идентичность и уникальное культурное наследие. Один из авторов статьи рассматривал такую возможность в своих предшествующих публикациях [\[16\]](#).

Заключение. Таким образом, воздействие современных факторов на политическую культуру России комплексно и многогранно. Глобализация, информационные технологии и экономические вызовы формируют новые условия, в которых страна должна определять свой образ будущего. В зависимости от выбранных стратегий, перед Россией открываются различные пути, каждый из которых имеет свои преимущества и недостатки.

В целом, развитие политической культуры России зависит от способности общества и власти совместно работать над укреплением взаимного доверия, а также внедрением инновационных подходов к управлению, что в конечном итоге поможет построить модернизированное и одновременно устойчивое общество [\[11\]](#).

Анализ современного состояния политической культуры России показывает, что она представляет собой сложное и многоаспектное явление, в значительной степени определяемое историческими традициями, внутренними социальными условиями и внешними факторами. В течение последних десятилетий наблюдается совмещение элементов авторитаризма, государственного патриотизма и консерватизма с тенденциями к развитию гражданского общества и демократических институтов. Однако сохраняется невысокий уровень доверия граждан ко многим институтам, а гражданская активность остается относительно низкой, что свидетельствует о необходимости дальнейших реформ и просветительских инициатив [\[13\]](#).

Перспективы развития политической культуры России во многом определяются внутренней политикой государства, включая историческую и символическую политику, и способностью государства создавать условия для более активного участия населения в управлении страной. Первостепенная цель заключается в достижении равновесия между уважением к историческому наследию нации и интеграцией в российское культурное пространство демократических идей и практик, что способствует созданию более прозрачной, равноправной и жизнеспособной структуры общества. В свете современных глобальных проблем и внутренних изменений, развитие политической культуры должно быть ключом к формированию общественно-государственного консенсуса, гарантирующего стабильность и успех государства в будущем. Только при условии сбалансированного сочетания традиций и инноваций страна сможет успешно ответить на существующие вызовы и использовать их как ресурс развития.

*АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

Библиография

1. Бойко Ж. В., Реш О. В. Политическая культура современного российского общества в условиях социокультурной динамики его развития // *Via in tempore. История. Политология*. 2025. Т. 52. № 3. С. 776-787. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-776-787 EDN: DTCMNJ.
2. Веселов Ю. В., Скворцов Н. Г. Доверие в эпоху цифровых трансформаций: опыт социологического исследования // *Социологические исследования*. 2021. № 6. С. 57-68. DOI: 10.31857/S013216250012556-4 EDN: DRFIOG.
3. ВЦИОМ. Новости. Пути России: культура, духовность, патриотизм. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/puti-rossii-kultura-dukhovnost-patriotizm-ysclid=miuhmifw8e650524608> (дата обращения: 05.12.2025).
4. ВЦИОМ. Пользование Интернетом. URL: <https://wciom.ru/ratings/polzovanie-internetom-ysclid=mirj2b5gyc90897231> (дата обращения: 05.12.2025).
5. Гудков Л. Доверие к институтам. URL: <https://www.levada.ru/2025/02/25/doverie-k-institutam/-ysclid=mirkj0c2if483009407> (дата обращения: 05.12.2025).
6. Дементьев Б. П. Политическая культура России: прошлое, настоящее и будущее // *Культура и природа политической власти: теория и практика. Сборник научных трудов. Под общей редакцией А. А. Керимова*. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2023. С. 315-319. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/129090/1/978-5-7186-2166-2_2023-54.pdf (дата обращения: 05.12.2025). EDN: TPBRHM.
7. Левашов В. К. Политическая культура российского общества. Опыт социологического исследования. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 307 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-347-8.2021 EDN: CDWXJQ.
8. Морохова Е. И. Ценностные составляющие политической культуры современной России // *Фундаментальные научно-практические исследования: актуальные тенденции и инновации: Сборник научных трудов по материалам XLII Международной научно-практической конференции, Анапа, 31 мая 2023 г. Анапа: Изд-во "НИЦ ЭСП" в ЮФО*, 2023. С. 64-76. EDN: EDTCZL.
9. Мусиков А. А., Каспарян К. В. Политическая культура России // *Университетские чтения – 2024 : Материалы Всероссийской конференции с международным участием, Пятигорск, 11-12 января 2024 года*. Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2024. С. 24-30. EDN: NCWFBU.
10. Перевезенцев С. В., Шириняц А. А. Очерки истории русского хранительства: монография. Ч. I. М.: Изд-во МГУ, 2021. 352 с. EDN: NXWTSR.
11. Пономарёв А. Д. Российская политическая культура: противоречия и детерминанты // *Научно-методический электронный журнал "Концепт"*. 2017. № 11 (ноябрь). С. 106-113. URL: <http://e-koncept.ru/2017/173016.htm> (дата обращения: 05.12.2025). DOI: 10.24422/MCITO.2017.11.8162 EDN: ZTWTHR.
12. Тульчинский Г. Л. Политическая культура как ресурс и барьер развития российского общества // *Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 7. Часть II*. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 395-401.
13. Фурман Т. Г. Становление современной политической и правовой культуры России // *Евразийский юридический журнал*. 2024. № 5(192). С. 126-129. EDN: OYALLF.
14. Чимирис Е. С. Легитимация власти: к формулированию операциональной модели // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020. № 10(3). С. 37-44. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-37-44 EDN: WMAXIT.

15. Шатилов А. Б. Статика и динамика политической культуры России в XX-XXI веках (к вопросу о ДНК России) // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12. № 6. С. 6-11. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-6-11 EDN: EUGWXC.
16. Широкова М.А. К вопросу о целях и содержании политического образования в современной России (на материале курса «Основы российской государственности») // Социодинамика. 2023. № 10. С. 109-119. DOI: 10.25136/2409-7144.2023.10.44072 EDN: LWNRM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44072
17. Almond G., Verba S. The Civic culture. Political attitudes and democracy in five nations. Princeton (N. Y.), 1963. 574 p.
18. Norris P. Cancel Culture: Myth or reality? Political Studies; 2021.
19. Welch S. The Concept of Political Culture. New York: St. Martin's Press, 1993. 208 p.
20. Wortman R. S. Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy from Peter the Great to the Abdication of Nicholas II. Princeton University Press, 2013. 512 p. "

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает эволюция политической культуры России от древнерусского государства до современности через анализ ценностных ориентаций граждан, их отношения к государственным институтам и моделей политического участия. Научная актуальность работы определяется необходимостью осмысления влияния глобализации, цифровизации и социально-экономических трансформаций на формирование политического сознания российского общества в условиях внутри- и внешнеполитической напряженности. Практическая значимость исследования связана с тем, что его результаты могут быть использованы при разработке государственных программ по повышению гражданской активности, реформированию системы образования и улучшению взаимодействия между государственными институтами и обществом. Методологический аппарат статьи выстроен логично и соответствует канонам академической политической науки. В работе применяется историко-генетический подход, позволяющий проследить эволюцию политической культуры России от эпохи Киевской Руси до современности через анализ исторических этапов становления государственных и религиозных институтов. Авторы опираются на данные социологических опросов ВЦИОМ 2022–2025 гг. для иллюстрации текущих тенденций в использовании цифровых технологий российскими гражданами. Структурно-функциональный анализ используется для рассмотрения взаимодействия различных элементов политической культуры, таких как патернализм, консерватизм и цифровые формы участия, хотя конкретные механизмы применения этого метода в тексте не раскрываются. Сравнительный анализ применяется имплицитно при сопоставлении исторических периодов и современных тенденций, но без четких критериев сравнения или контрольных групп. Научная новизна рецензируемой работы носит не столько концептуально-революционный, сколько синтетический и актуализирующий характер. Основные элементы новизны включают актуализацию данных на 2025-й год, теоретическое обоснование «гибридности» российской политической культуры, критический пересмотр структуры институционального доверия и сценарное моделирование. В процессе исследования авторами выявлена преемственность между византийской концепцией «симфонии властей» и современной российской моделью

взаимодействия государства и церкви, что позволяет объяснить устойчивость сакрализации политической власти в массовом сознании. Кроме того, обоснована гибридность современной российской политической культуры, проявляющаяся в одновременном сосуществовании консервативных ценностей, элементов цифровой мобилизации и традиционных патерналистских установок, что создает уникальную конфигурацию политического участия граждан. Наконец, на основе статистических данных ВЦИОМ продемонстрирована тенденция к росту цифровизации политического пространства России в период 2022–2025 гг., несмотря на внешнеполитические ограничения, что свидетельствует о формировании новых каналов политической коммуникации между обществом и властью. Работа оперирует новыми статистическими показателями, что позволяет пересмотреть динамику политической мобилизации в режиме реального времени. Вместе с тем, структурное оформление статьи нуждается в доработке. Помимо «Введения» и «Заключения», основной массив текста объединен в один раздел («Политическая культура России»), заголовок которого дублирует общую тему статьи и не отражает внутреннюю логику изложения. Представляется целесообразным разделение основного текста на параграфы, посвященные отдельно историческим предпосылкам, современным трансформациям и сценарному моделированию. Хотя сам текст достаточно логичен, но отсутствие необходимых заголовков оставляет странное впечатление недостаточной продуманности структуры работы. Условно в тексте можно выделить следующие разделы: - «Введение», где обосновывается значимость изучения политической культуры России как индикатора социальных настроений и гражданской активности, определяются цель и предмет исследования, формулируется методологическая основа работы с опорой на классическую традицию Г. Алмонда и С. Вербы; - «Политическая культура России» [наверное, лучше было бы назвать «Исторические предпосылки формирования политической культуры России» – рец.], где раскрываются исторические корни российской политической культуры от эпохи Киевской Руси через Московское царство и Российскую империю до советского периода, демонстрируя формирование таких устойчивых характеристик как централизация власти, патернализм и сакрализация государственных институтов; - неозаглавленный раздел о современных культурных трансформациях, где анализируется влияние цифровизации, социальных сетей и экономических вызовов на политическую культуру современной России, приводятся статистические данные ВЦИОМ о росте использования интернета населением с 73–74% в 2022 г. до 77–78% в 2025 г.; - неозаглавленный раздел о сценариях развития, где рассматриваются три возможных варианта эволюции российской политической системы – демократизация через укрепление гражданского общества, усиление авторитаризма с централизацией власти и гибридный сценарий сочетания консервативных основ с прогрессивными методами управления; - «Заключение», где подводятся итоги анализа современного состояния политической культуры России, подчеркивается необходимость достижения баланса между историческим наследием и демократическими практиками для обеспечения стабильности государства в условиях глобальных вызовов. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается некоторое количество стилистических (например, не очень удачно само название статьи «К вопросу о...»; встречаются и другие неудачные стилистические конструкции вроде «Для устойчивого социального прогресса в современных условиях необходимо»; или избыточное употребление авторских конструкций «на наш взгляд», «с нашей точки зрения»; и др.) и грамматических (например, лишние запятые в предложениях «Но, на фоне внешних атрибутов демократии, заметными чертами российского общественного сознания...», «В работе предпринимается попытка системного осмысления политической культуры России, через призму устойчивых ценностных ориентаций...»; и др.)

погрешностей, но в целом он написан достаточно грамотно, на приемлемом русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 20 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место при обсуждении статистических данных российских социологических служб. Рецензируемая статья имеет несколько ключевых достоинств, позволяющих положительно оценивать ее публикационные перспективы. Прежде всего, работа демонстрирует глубокое понимание исторической преемственности политической культуры России, прослеживая конкретные механизмы трансляции ценностных установок от византийской концепции «симфонии властей» через православную традицию к современным формам легитимации государственной власти, что позволяет объяснить устойчивость ряда паттернов политического поведения граждан. Особенно ценным является анализ борьбы «нестыжательства» и «стыжательства» в XV–XVI вв. как основы двух мировоззренческих традиций, продолжающих влиять на российское общество. Кроме того, авторы убедительно интегрируют эмпирические данные социологических исследований в историко-теоретический анализ, что позволяет продемонстрировать актуальные тенденции цифровизации политического пространства России и их влияние на трансформацию традиционных форм политического участия, создавая мост между теоретическими построениями и современной социальной реальностью.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, практически полностью отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Однако структурные проблемы, а также некоторые стилистические и грамматические погрешности вынуждают рецензента рекомендовать статью к доработке. Полученные авторами результаты будут интересны исследователям в области политической культуры, политической социологии и исторической политологии, специализирующимся на изучении российских трансформаций. Работа также представляет ценность для преподавателей вузов, читающих курсы по политической культуре, истории российской государственности и сравнительной политологии. Материал может быть полезен государственным служащим и специалистам по стратегическому планированию, занимающимся разработкой программ по повышению гражданской активности и реформированию системы взаимодействия власти и общества. Представленный материал соответствует тематике журнала «Социодинамика» и после соответствующей доработки может быть рекомендован к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает специфика политической культуры современной России, рассматриваемая как совокупность ценностных ориентаций, поведенческих установок и моделей отношения граждан к государственной власти, сформировавшихся под влиянием исторических традиций (от Древней Руси до постсоветского периода) и трансформирующихся под воздействием глобализации,

цифровизации и социально-экономических факторов. Научная актуальность работы обусловлена глубокими изменениями информационной среды, геополитической напряженностью в отношениях России и Запада, а также трансформацией механизмов политического участия граждан, что требует понимания того, как традиционные ценности (патернализм, персонификация власти, этатизм) сочетаются с новыми формами цифровой мобилизации и какие сценарии развития возможны в этих условиях. Практическая значимость исследования связана с возможностью использования его результатов при разработке государственных программ повышения гражданской активности, реформировании системы политического образования, совершенствовании взаимодействия между органами власти и обществом, а также при формировании стратегий символической политики и политики памяти, направленных на укрепление легитимности государственных институтов. Методологический аппарат статьи сочетает несколько взаимодополняющих подходов. В тексте применяются: исторический подход, выражающийся в диахроническом прослеживании эволюции политической культуры от Древней Руси через Московское царство, Российскую империю, советский период к современности; элементы сравнительного анализа при сопоставлении российской политической культуры с западными моделями либерализма и демократии; а также обращение к социологическим данным (опросы ВЦИОМ о пользовании интернетом, данные «Левада-Центра» об институциональном доверии). Ссылка на классическую работу Г. Алмонда и С. Вербы задает концептуальную рамку исследования, в русле которой авторы рассматривают российскую политическую культуру. Таким образом, методология представляет собой историко-аналитический подход с привлечением социологических данных и элементов прогностического моделирования (три сценария развития). Тем не менее, в качестве резервов для улучшения развиваемого в статье исследовательского направления можно отметить следующее. В будущих работах авторов представляется перспективным более детальное операциональное применение классических типологий политической культуры (в частности, модели Г. Алмонда и С. Вербы) к российскому материалу – это позволило бы точнее позиционировать Россию в сравнительной перспективе и проследить динамику изменений по конкретным параметрам. Также плодотворным видится расширение эмпирической базы за счет привлечения данных иных социологических служб и проведения собственных исследований, что дало бы возможность верифицировать выводы, основанные на вторичном анализе. В тексте заявлено «социологическое моделирование», однако в основном представлена описательная статистика (проценты использования интернета). Более глубокое применение корреляционного или регрессионного анализа помогло бы подтвердить тезис о влиянии экономики на политическую культуру не просто ссылкой на философов, а математической зависимостью. Наконец, при разработке прогностических сценариев было бы полезно эксплицировать критерии и индикаторы, по которым можно было бы в дальнейшем оценивать реализацию того или иного сценария. Несмотря на имеющиеся резервы для улучшения методологии рецензируемого исследования, его результаты не лишены научной новизны и достоверности. Прежде всего, следует отметить предложенную периодизацию эволюции российской политической культуры, связывающую современные особенности политического сознания (высокое доверие к персонифицированной власти, низкое доверие к институтам представительной демократии, ожидание преобразований «сверху») с конкретными историческими этапами их формирования – от византийской концепции «симфонии властей» и московского патернализма до советского этатизма и постсоветской персонификации власти. Кроме того, в процессе работы выявлен и охарактеризован «гибридный» характер современной российской политической культуры как диалектическое сочетание традиционных ценностей (ориентация на сильную централизованную власть, патриотизм,

консерватизм, уважение к религиозным институтам) с новыми формами политического участия, опосредованными цифровыми технологиями, при сохранении устойчивого противоречия между стремлением к модернизации и защитой национальной идентичности от западного влияния. Наконец, по результатам исследования разработаны три прогностических сценария развития политической культуры России: демократизационный (укрепление гражданского общества, рост политической грамотности), авторитарный (усиление централизации, рост отчуждения граждан) и умеренно-консервативный (постепенное внедрение демократических принципов при сохранении традиционных ценностей), причем последний оценивается авторами как наиболее вероятный с опорой на методологию «русского хранительства» С.В. Переверзенцева и А.А. Ширинянца. В структурном плане рецензируемая работа производит положительное впечатление: ее логика последовательна и отражает основные аспекты проведенного исследования. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где содержится общая характеристика политической культуры как объекта исследования, обоснование актуальности изучения российской политической культуры в контексте исторических трансформаций и современных вызовов, формулировка цели, предмета и методологических оснований работы, а также указание на ее практическую значимость; - «Исторические предпосылки формирования политической культуры России», где прослеживается генезис базовых черт российского политического сознания от Киевской Руси (формирование идеи сакральной легитимности власти, концепция «симфонии властей») через Московское царство (централизация, патернализм, борьба «стяжателей» и «нестяжателей») и Российскую империю (идеология самодержавия, триада Уварова) к советскому периоду (коммунистические ценности при сохранении этатизма) и постсоветским преобразованиям 1990-х годов; - «Современные трансформации российской политической культуры», где рассматриваются сочетание традиционных ценностей с глобализационными тенденциями, высокий рейтинг доверия к персонифицированной власти при низкой гражданской активности, роль символической политики и политики памяти, структура институционального доверия по данным «Левада-Центра» (с критикой методологии этих опросов), влияние цифровизации на политическую коммуникацию (с привлечением данных ВЦИОМ), а также воздействие экономических факторов на политические установки граждан; - «Перспективы развития политической культуры России», где представлены три возможных сценария эволюции политической системы: демократизационный, авторитарный и умеренно-консервативный (с указанием на последний как наиболее вероятный); - «Заключение», где обобщаются основные выводы исследования, подчеркивается зависимость развития политической культуры от способности общества и власти совместно работать над укреплением взаимного доверия, а также необходимость баланса между уважением к историческому наследию и интеграцией демократических практик. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается незначительное количество стилистических и грамматических погрешностей (например, тавтологии и плеоназмы «...Воздействие современных факторов на политическую культуру России комплексно и многогранно»; или повторы слов (так, дериваты слова «формировать» употребляются в тексте более 20 раз); или несогласованные предложения «...Слишком жесткая ориентация на консерватизм и традиционализм могут осложнить...»; или опечатки в словах «прозрачности»; и др.), но в целом он написан достаточно грамотно, в соответствии с нормами современного русского литературного языка и с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 20 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место при обсуждении

статистических данных российских социологических служб. В числе положительных качеств рецензируемой статьи, позволяющих рекомендовать ее к публикации, можно отметить значительную эрудицию авторов в области историографии российской политической культуры – от работ классиков (ссылка на Г. Алмонда и С. Вербу) до современных российских исследователей (А.Б. Шатилов, Л.Г. Тульчинский, Б.П. Дементьев, С.В. Переверзенцев, А.А. Ширинянц, Ю.В. Веселов, Н.Г. Скворцов и др.), а также привлечение разнообразных источников – от социологических данных ВЦИОМ и «Левада-Центра» до историко-философских концепций, – что позволяет рассмотреть предмет с различных сторон и придает работе междисциплинарный характер. Статья выстроена логично и последовательно: от исторических предпосылок формирования политической культуры через анализ ее современного состояния к прогностическим сценариям развития. Такая композиция позволяет читателю проследить генезис ключевых характеристик российского политического сознания и понять их укорененность в многовековой традиции, что придает выводам авторов о «гибридном» характере современной политической культуры убедительность и обоснованность.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью, несмотря на некоторые ее недостатки, можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные авторами результаты будут интересны для политологов и социологов, изучающих проблематику политической культуры и политического сознания; для историков, исследующих преемственность и разрывы в эволюции российской государственности; для специалистов в области государственного управления и публичной политики, занимающихся вопросами легитимности власти и гражданского участия; для преподавателей и студентов политологических, социологических и исторических факультетов в качестве обзорного материала по проблематике российской политической культуры; а также для практиков, работающих в сфере символической политики, политики памяти и политических коммуникаций. Представленный материал соответствует тематике журнала «Социодинамика». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.

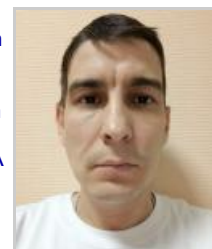
Англоязычные метаданные

Social contract as a practice of support measures for the population (based on materials from a sociological study in the Altai Territory)**Knis Dmitrii Aleksandrovich**

Lecturer; Department of Constitutional and International Law; Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

656038, Russia, Altai Territory, Barnaul, Central district, 49 Chkalova St., office 433 A

✉ klr1919@yandex.ru

Zamyatina Ol'ga Nikolaevna

PhD in Sociology

Associate Professor; Institute of Humanities; Altai State University

66 Dimitrova St., office 520d, Barnaul, Altai Territory, Russia

✉ olga_zamjtina@mail.ru

Antonovich Irina Vladimirovna

PhD in Sociology

Associate Professor; Institute of Humanities; Altai State University

66 Dimitrova St., office 504, Barnaul, Altai Territory, Russia

✉ antonovich@socio.asu.ru

Pustovalova Elena Valer'evna

PhD in Philosophy

Associate Professor; Institute of Humanities; Altai State University

66 Dimitrova St., office 520, Barnaul, Altai Territory, Russia

✉ pustovalova@mail.asu.ru

Chukanova Tat'yana Viktorovna

PhD in Sociology

Associate Professor; Institute of Humanities; Altai State University

66 Dimitrova St., office 515, Barnaul, Altai Territory, Russia

✉ chukanova@socio.asu.ru

Zamyatin Ivan Denisovich

Student; St. Petersburg Branch; National Research University 'Higher School of Economics'

194100, Russia, Leningrad region, St. Petersburg, Kantemirovskaya St., 3 bldg. 1, lit. A

✉ vanechka.zamiatin@yandex.ru

Makamov Danil Holmidorovich

Graduate Student; Faculty of Psychology; St. Petersburg State University

199034, Russia, St. Petersburg, Vasileostrovsky district, nab. Makarova, 6

✉ migelion2020@gmail.com

Gomonova Ol'ga Andreevna

Graduate Student; Faculty of Sociology; St. Petersburg State University

1/3 Smolny St., office 342, Saint Petersburg, Russia, 191060

✉ oagomonova@gmail.com

Vasil'eva Ekaterina Pavlovna

Graduate student of the Department of Journalism, Media and Advertising; Institute of Humanities; Altai State University

66 Dimitrova str., office 404a, Barnaul, Altai Territory, 656049, Russia

✉ vasileva_e@mc.asu.ru

Ogorodnikov Mihail

Graduate Student; Faculty of Psychology; St. Petersburg State University

199034, Russia, St. Petersburg, Vasileostrovsky district, nab. Makarova, 6 office 104

✉ Simchich101@gmail.com

Abstract. The article examines the essential characteristics of the social contract as a practice of supporting the population in the Altai Krai. It identifies the fundamental features of the social contract within the region's support system and discusses the main issues and prospects for the implementation of the social contract in the lives of the Altai Krai population. Additionally, this work explores the social contract as an opportunity to overcome poverty in a depressed region of the Russian Federation. The data obtained during the sociological research provided a comprehensive understanding of the social contract as a practice of supporting the population: both objective and subjective components of this type of support were identified. The article presents the results of the authors' sociological research conducted from 2023 to 2025. The methodology of this work is based on a combination of a systemic approach and structural functionalism. The research on the social contract is grounded in a mix of qualitative and quantitative methods. The qualitative method is represented by expert surveys in the form of in-depth interviews (n=15), while the quantitative method is represented by a mass questionnaire survey conducted both in a remote format and in a classical, face-to-face format (n=137). The data obtained from the empirical sociological research served as the foundation for characterizing the social contract as a practice of supporting the population in the region. Furthermore, the data allow for the characterization of the difficulties encountered in the process of obtaining a social contract, the overall effectiveness of this support practice, which in turn creates opportunities for formulating practice-oriented recommendations for improving and enhancing the social contract. The author concludes that the social contract, as a whole, is an effective and efficient measure of support for the population in the region. The social contract meets individuals' expectations; moreover, in the long term, entering into such a contract reduces the burden on the social sector of the state budget. At the same time, not all citizens who have entered into a social contract have improved their financial situation, which requires specific solutions and refinements. Further research in this area will allow for a better understanding of the essence of the social contract and identify additional opportunities for extrapolating this practice of social assistance to the population. Continued research will also make the social contract as a practice of support measures even more effective and efficient.

Keywords: Personal subsidiary farm, Systemic approach, Small business, Structural functionalism, Altai Krai, Quality of life, Legal support for low-income individuals, Financial support for low-income individuals, Psychological support for low-income individuals, Social contract

References (transliterated)

1. Abroskin A. S., Abroskina N. A. Sotsial'nyi kontrakt: programma s nerealizovannym potentsialom // Tseli i puti ustoichivogo ekonomicheskogo razvitiya: sbornik nauchnykh statei po materialam IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ufa, 21 oktyabrya 2022 goda. Ufa: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "Nauchno-izdatel'skii tsentr "Vestnik nauki", 2023. S. 94-100.
2. Bistyaikina D. A., Davydova L. V. Vostrebovannost' sotsial'no-kontraktnykh otnoshenii v sotsial'noi podderzhke maloobespechennykh semei // E-Scio. 2024. № 8(71). S. 141-147.
3. Bobkov V. N., Gulyugina A. A., Odintsova E. V. Metodologicheskie podkhody k usileniyu adresnosti sotsial'noi podderzhki maloimushchikh semei s det'mi // Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii. 2022. № 1(211). S. 9-19.
4. Vetchinina E. V. Razvitie sistemy sotsial'nykh kontraktov na territorii Rossiiskoi Federatsii // Ekonomika i sotsium. 2023. № 2(33). S. 308-310.
5. Davydova L. V., Bistyaikina D. A. Faktory, prepyatstvuyushchie sotsial'no-kontraktnym otnosheniyam mezhdru sem'ei i gosudarstvom // E-Scio. 2023. № 4(79). S. 249-253. EDN: WPQGBU
6. Danilkina I. S., Davydova L. V. Spetsifika sotsial'no-kontraktnykh otnoshenii mezhdru sem'ei i gosudarstvom // E-Scio. 2023. № 3(78). S. 309-312. EDN: SKLZTQ
7. Zaboburin M. A. Pravovoe regulirovanie okazaniya gosudarstvennoi sotsial'noi pomoshchi na osnovanii sotsial'nogo kontrakta // Studencheskii. 2025. № 17-7(187). S. 50-53.
8. Kalinina D. S. Tekhnologiya sotsial'noi pomoshchi sem'e na osnovanii sotsial'nogo kontrakta (po opytu Samarskoi oblasti) // The Scientific Heritage. 2024. № 61-3(61). S. 62-67.
9. Karpenko O. A. Sotsial'nyi kontrakt kak institut razvitiya zanyatosti i sovremennogo predprinimatel'stva // Uchenye zapiski Tambovskogo otdeleniya RoSMU. 2021. № 23. S. 16-26. EDN: KXMZPE
10. Kotyrlo E. S. Sotsial'nyi kontrakt na Severe // EKO. 2012. № 4(454). S. 181-189. EDN: OXWZZZ
11. Leshko A. A. Nekotorye problemy vnedreniya instituta effektivnogo kontrakta v uchrezhdeniyakh sotsial'noi sfery // Vestnik nauki. 2022. № 3(12). S. 47-51.
12. Malofeev I. V. Sotsial'nyi kontrakt kak forma sotsial'noi podderzhki naseleniya // Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva. 2021. T. 2, № 3. S. 26-29.
13. Malygin A. A. Sotsial'nyi kontrakt kak instrument ustoichivogo razvitiya lichnykh podsobnykh khozyaistv // Sovremennye naukoemkie tekhnologii. Regional'noe prilozhenie. 2021. № 3(67). S. 31-36. DOI: 10.6060/snt.20216703.0004 EDN: GKQNGI
14. Orlova I. S. Sotsial'nyi kontrakt kak instrument gosudarstvennoi politiki po snizheniyu urovnya bednosti // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2022. № 1(157). S. 139-146. DOI: 10.22394/1726-1139-2022-1-139-146 EDN: XGLACR
15. Peftiev V. I., Krasnova G. N. Sotsial'noe gosudarstvo v Rossii: novaya povestka dnya // Mir russkogovoryashchikh stran. 2023. № 2(12). S. 48-60.
16. Popovich I. A., Karpenko A. V., Babenko D. M. Sotsial'nye problemy transformatsii zanyatosti v Rossii // Aktual'nye problemy nauki i obrazovaniya v usloviyakh sovremennykh vyzovov (shifr-MKAP 36): Sbornik materialov XXXVI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 13 yanvarya 2025 goda. Moskva: OOO

"Izdatel'stvo Akademicheskaya sreda", 2025. S. 20-24. EDN: DEFCBF

17. Prozherin I. A. Sotsial'nyi kontrakt kak vid gosudarstvennogo sotsial'nogo obespecheniya // Razvitie obshchestvennykh nauk rossiiskimi studentami: sbornik nauchnykh trudov, Krasnodar, 30 aprelya 2017 goda. Tom Vypusk VI. Krasnodar: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "Assotsiatsiya molodykh uchenykh", 2023. S. 156-159.
18. Rebrov A. A. Sotsial'naya politika: ponyatie, napravleniya, printsipy, funktsii // Studencheskii vestnik. 2025. № 1-6(334). S. 47-50. EDN: BVLDDF
19. Serebryakova N. A., Volkova S. A. Regional'nye komponenty obespecheniya rosta kachestva zhizni naseleniya (na primere Voronezhskoi oblasti) // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta inzhenernykh tekhnologii. 2024. № 1(63). S. 229-235.
20. Faikov D. Yu. Sotsial'nyi kontrakt kak instrument strategicheskogo razvitiya munitsipal'nogo obrazovaniya // Problemnyi analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie. 2021. T. 4, № 4. S. 55-61.
21. Shefrukova S. T., Suetina N. M. Gosudarstvennaya sotsial'naya pomoshch' na osnovanii sotsial'nogo kontrakta // Ekonomika i sotsium. 2023. № 4(47). S. 803-806.
22. Shcheka N. Yu., Krasil'nikova O. V. "Samooobespechenie" kak innovatsionnaya tekhnologiya sotsial'noi raboty s maloobespechennymi sem'yami v Amurskoi oblasti // Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2021. № 56. S. 87-91.
23. Yantsen A. V., Doronina P. N. Sotsial'naya otvetstvennost' gosudarstva v sfere obespecheniya sotsial'noi zashchity naseleniya // Skif. Voprosy studencheskoi nauki. 2023. № 7(47). S. 274-277.

Employment Prospects in the Russian Arctic: Expectations of Students at Arctic Universities

Vinokurova Ulyana Alekseevna

Doctor of Sociology, PhD in Psychology

Head of the Scientific Research Center of Circumpolar Civilization; Arctic State Institute of Culture and Arts

677000, Russia, Rep. Sakha (Yakutia), Yakutsk, Ordzhonikidze St., 4

✉ uottaah1707@gmail.com

Filippova Dariya Nikolaevna

Junior Researcher at the Department of Ethnosociology, Institute for Humanitarian Studies and Problems of Indigenous Peoples of the North SB RAS

677027, Russia, Rep. Sakha (Yakutia), Yakutsk, Petrovsky St., 1

✉ daryaefimova91@yandex.ru

Abstract. The article examines the employment prospects in the Arctic from the perspective of university students in the Arctic. Russian students are a crucial resource of human and intellectual capital for Russia. However, there is a noticeable outflow of young people from the Arctic zone of the Russian Federation. Why is the youth leaving the Arctic? What can be done to ensure that university graduates stay to live and work in the Arctic? Objective: to study the opinions of youth students on the prospects of employment in the Arctic. Tasks: to review literature on the topic, analyze the objective situation in the labor market in the Arctic zone of the Russian Federation, and analyze students' professional expectations and plans. Subject of

research: the opinions of student youth on employment prospects in the Arctic. Hypothesis: Life aspirations and value orientations are among the key factors shaping the employment and career plans of university students in the Arctic. The empirical base of the research consists of the analysis of a comparative questionnaire survey "Living the Arctic," conducted in 2017–2019 (N-441) and in 2024 (N-441) among students of the North-Eastern Federal University (Yakutsk), the Northern (Arctic) Federal University (Arkhangelsk), and the Murmansk Arctic University (Murmansk). Scientific novelty: for the first time, the opinions of student youth on employment prospects in the Arctic zone of the Russian Federation have been studied. Monitoring established that the percentage of students in the Murmansk region who intend to stay in the Arctic increased by 15%, and by 7% in the Arkhangelsk region, as "there are conditions for a career in their specialty." The hypothesis was confirmed: employment prospects in the Arctic are determining factors in shaping students' life orientations and values. The main problem in the employment of university graduates is not the lack of job vacancies but the specific nature of offers from enterprises. Professional aspirations and personal realization are among the key value orientations and life goals of youth, so it is necessary to improve the interaction between professional educational organizations and the labor market in Arctic regions.

Keywords: employment prospects, work in the Arctic, Arctic universities, Republic of SakhaYakutia, Murmansk region, Arctic zone of the Russian Federation, Arkhangelsk region, Russian Arctic, student youth, social processes

References (transliterated)

1. Agarkov, S. A. Vosproizvodstvo chelovecheskogo kapitala dlya novoi ekonomiki Arktiki: vyzovy i resheniya (na primere Murmanskoi oblasti) // Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek. – 2023. – Vyp. 4 (44). – DOI: 10.15393/j5.art.2023.8864 EDN: KRPAWS.
2. Analiticheskii sbornik "Arktika v tsifrakh". Komissiya Gosudarstvennogo Soveta Rossiiskoi Federatsii po napravleniyu "Severnyi morskoi put' i Arktika", Pravitel'stvo Murmanskoi oblasti, Fakul'tet gorodskogo i regional'nogo razvitiya NIU VShE. 2024. S. 88. URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcgiclfndmkaj/https://minec.gov-murman.ru/activities/arktika-v-tsifrakh> (data obrashcheniya: 11.11.2025).
3. Analiticheskii sbornik "Arktika v tsifrakh". Komissiya Gosudarstvennogo Soveta Rossiiskoi Federatsii po napravleniyu "Severnyi morskoi put' i Arktika", Pravitel'stvo Murmanskoi oblasti. 2025. URL: <https://nashsever51.ru/v2/files/researches/%D0%90%D1%80%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85%202025.pdf> (data obrashcheniya: 11.11.2025).
4. Varlamova, T. A., Gokhberg, L. M., Zorina, O. A. i dr. Obrazovanie v tsifrakh, 2024: kratkii statisticheskii sbornik / Nats. issled. un-t "Vysshaya shkola ekonomiki". – M.: ISIEZ VShE, 2024. – S. 44.
5. Vinokurova, U. A., Yakovets, Yu. V. Arkticheskaya tsirkumpolyarnaya tsivilizatsiya. – Novosibirsk, 2016. – 320 s. EDN: YSUDTX.
6. Glushach, N. N., Kinfu, Z. T. Tendentsii effektivnogo samoobrazovaniya rossiiskoi molodezhi v perspektive trudoustroistva // Otkrytoe obrazovanie. 2017. № 5. DOI: 10.21686/1818-4243-2017-5-97-106. EDN: ZSHIKV.
7. Zhigunova, G. V., Sharova, E. N. Otsenka privlekatel'nosti zhizni v Rossiiskoi Arktike (na primere Murmanskoi oblasti) // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2023. № 6 (182). S. 33-42. DOI: 10.24158/tipor.2023.6.3. EDN: XNW KCN.

8. Zaikov, K. S., Kondratov, N. A., Kudryashova, E. V., Tamitskii, A. M. Potrebnost' sub'ektov Arkticheskoi zony RF v trudovykh resursakh // Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz. 2018. T. 11. № 6. S. 184-201. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.11. EDN: YSQETZ.
9. Zakharova, A. E., Vinokurova, U. A. Obraz budushchego v tsennostyakh molodezhi Yakutii // Studenty Rossii: grazhdanskaya kul'tura i politicheskoe povedenie: [monografiya] / N. M. Velikaya, A. R. Atlaskirov, D. Ts. Budaeva [i dr.]; pod red. N. M. Velikoi; FNISTS RAN. – M.: Mir nauki, 2025. – 640 s. DOI: 10.15862/02LSNP25.
10. Kozlov, D. V., Platonova, D. P., Leshukov, O. V. Gde uchit'sya i gde rabotat': mezhregional'naya mobil'nost' studentov i vypusknikov universitetov / Natsional'nyi issledovatel'skii universitet "Vysshaya shkola ekonomiki", Institut obrazovaniya. – M.: NIU VShE, 2017. – 32 s. (Sovremennaya analitika obrazovaniya. № 4 (12)).
11. Nedoseka, E. V., Sharova, E. N. Osobennosti zhiznennykh strategii molodezhi v usloviyakh Arktiki // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2020. № 3. S. 355-375. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1611. EDN: TWRKYT.
12. Razvitie Arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii. FANU "Vostokgosplan". – Moskva, 2025. – 80 s. URL: https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/digest_arctic_2025.pdf (data obrashcheniya: 11.11.2025).
13. Stepus', I. S., Shabaeva, S. V. Nastoyashchee i budushchee rynka truda regionov Arkticheskoi zony Rossii: vstrebovannye professii // Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek. 2019. № 3 (27). DOI: 10.15393/j5.art.2019.5026.
14. Filippova, D. N. Arkticheskii diskurs v tsennostyakh studencheskoi molodezhi // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2025. № 8. S. 89-95. DOI: 10.24158/tipor.2025.8.10. EDN: KCRKEO.
15. Khoteeva, E. A., Stepus', I. S. Migratsiya naseleniya v Rossiiskoi Arktike v statisticheskikh otsenkakh i praktike upravleniya regionami // Problemy razvitiya territorii. 2023. № 2. DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.8. EDN: MOENQF.
16. Degai, T. S., Petrov, A. N. Rethinking Arctic sustainable development agenda through indigenizing UN sustainable development goals // International Journal of Sustainable Development & World Ecology. 2021. Vol. 28, No. 6. P. 518-523. DOI: 10.1080/13504509.2020.1868608. EDN: EYAVPL.
17. Simakova, A., Pitukhina, M., Ivanova, A. Motives for migrating among youth in Russian Arctic industrial cities // Young People, Wellbeing and Sustainable Arctic Communities. – London, pp. 17-31. DOI: 10.4324/9781003110019.

Gendered Digital Trajectories in Changing Societies: Social Dynamics of Women Technology Adoption in Ghana and Russia

Dadzie Isaac

PhD in Sociology

Candidate of Science Student, Faculty of Social Studies, N.I. Lobachevsky University

23A Gagarin Ave., room 9, Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Region, 603022, Russia

✉ isaacdadziex@gmail.com

Abstract. This study examines the social dynamics of women's adoption and use of digital technologies in the contrasting infrastructural and sociopolitical contexts of Ghana and Russia.

It focuses on the processes of digital adaptation, the formation of digital subjectivity, and confidence in using technology in the context of accelerated digitalization. The author analyzes the influence of infrastructure, organizational culture, public policy, and gender norms on digital adoption trajectories. Particular attention is paid to how digital access is, or is not, transformed into women's social and professional agency. The study is based on a comparative analysis of two fundamentally different sociotechnical systems, revealing both universal and context-specific mechanisms for the reproduction of gender inequality. The work is based on an understanding of digital technologies as socially embedded tools shaped by power structures, culture, and social expectations. The study utilizes a comparative cross-sectional design. The empirical base includes an online survey of 517 respondents, conducted in 2024–2025. Descriptive statistics, the χ^2 test, independent-samples t-tests, and two-way analysis of variance (ANOVA) were used. The study's novelty lies in its identification of a robust gender gap in digital confidence that persists regardless of the level of infrastructural development and political regime. Based on comparable empirical data, it is shown that women in Ghana and Russia face sociodynamic constraints on digital agency that differ in form but have similar consequences. In Ghana, digital adoption is primarily mobile and survival-based, while in Russia, it occurs under institutional and geopolitical constraints, despite a high level of technical literacy. Statistical results confirm significant differences in infrastructure and social drivers of digital behavior; however, the lack of interaction between country and gender indicates the universality of the gender "confidence gap." It is concluded that digitalization expands access but does not eliminate structural gender inequalities, requiring a shift from inclusion policies to the development of women's digital agency and their participation in technology creation and decision-making.

Keywords: Russia, Ghana, Digital Divide, Changing Societies, ICT Adoption, Comparative Study, Gender Inequality, Gendered Digital Trajectories, Women Technology Adoption, Sociodynamics

References (transliterated)

1. Ali, O., et al. "The Impact of Artificial Intelligence in Educational Environments: Challenges and Strategies" // *Technological Forecasting and Social Change*. 2024. Vol. 199, No. 123076. Pp. 123076-123076.
2. Odhiambo, Alphonse, Kasera, et al. "Hypervisible but Voiceless: The Gendered Architecture of Electoral Campaigns in Rural Kenya" // *African Quarterly Social Science Review*. 2025. Vol. 2, No. 3. Pp. 16-35. DOI: 10.51867/aqssr.2.3.2 EDN: WGRCYH.
3. Liang, Y., Xie, C. "The Evolution of Digital Cultural Heritage Research: Identifying Key Trends, Thematic Centers, and Challenges Based on Bibliometric Analysis" // *Sustainability*. 2024. Vol. 16, No. 16. Pp. 7125-7125. DOI: 10.3390/su16167125 EDN: PSMHBG.
4. Cieslak, V., Valor, K. "Beyond Traditional Forms of Resistance to Digital Transformation: An Integrative Review of Employee Resistance" // *Cogent Business & Management*. 2024. Vol. 12, No. 1.
5. Rapoport, E., Volkova, N.V., Barajas, A. "Women and Men in Technology: Invisible Barriers, Gender Self-Perception, and the Social Transformation of Work" // *Technology in Society*. 2025. Pp. 103116-103116.
6. Sandu, A., Taylor, K. "Using Digital Educational Technologies during COVID-19 Lockdowns" // *British Educational Research Journal*. 2024. Vol. 51, No. 2.
7. Getachew E. et al. Digital Health in the COVID-19 Era: Transforming the Future of

- Healthcare // Digital Health. 2023. Vol. 11, No. 942703.
8. Avanesyan G. et al. Analyzing the Digital Divide: Assessing Gender Differences in Youth Digital Skills in Low- and Middle-Income Countries // Heliyon. 2024. Vol. 10, No. 12. pp. e33127-e33127.
 9. Cao H., Zhong Y. The Paradox of Digital (De)Empowerment in Female-Led Group Buying during COVID Lockdown in Shanghai // Journal of Computer-Mediated Communication. 2024. Vol. 29, No. 3.
 10. Belhousin Fatima Zohra et al. The Impact of the COVID-19 Pandemic on Digital Innovation // Brazilian Journal of Business. 2025. Vol. 7, No. 1. pp. e78504-e78504. DOI: 10.34140/bjbv7n1-071 EDN: BBUCAM.
 11. Dryding D., Logan K. African Women Have Less Access to the Internet Than Men. Why This Is a Problem [Electronic resource] // Afrobarometer.org. 2020. URL: <https://www.afrobarometer.org/articles/african-women-have-less-access-internet-african-men-do-thats-problem/>.
 12. Ahinkorah B. O. et al. Media exposure and self-efficacy in abortion decision-making among adolescents and young women in Ghana // PLOS ONE. 2020. Vol. 15, No. 10. P. e0239894. DOI: 10.1371/journal.pone.0239894 EDN: CWUJXR.
 13. Kemp S. Digital 2024: Ghana [Electronic resource] // DataReportal. 2024. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-ghana>.
 14. Correa T., Paves I., Contreras J. Digital Inclusion through Mobile Phones? A Comparison of Mobile and Computer Users // Information, Communication & Society. 2018. Vol. 23, No. 7, pp. 1-18.
 15. Altalatini D., Tleis H. A. Resisting Patriarchy through the Virtual Bazaar: An Institutional Analysis of Palestinian Women's Digital Entrepreneurship // Entrepreneurship and Regional Development. 2023. pp. 1-23.
 16. Driscoll B. "Big Man" or "Scarecrow"? The Big Man Concept in Political Science // The Journal of Modern African Studies. 2020. Vol. 58, No. 4, pp. 521-550. DOI: 10.1017/s0022278x20000579 EDN: IGTFQR.
 17. Durrani N., Kataeva Z. STEM Teachers' Agency in Ensuring Gender Equality // International Journal of Educational Research. 2025. Vol. 131. P. 102585.
 18. Dogangyun G. Gender Climate in Authoritarian Politics: A Comparative Study of Russia and Turkey // Politics & Gender. 2019. P. 1-27.
 19. Rozhanovskaya N., Pardini V. The Status of Women in Russian Society. Conference Report [Electronic resource] // Wilson Center. 2020. URL: <https://www.wilsoncenter.org/publication/status-women-russian-society-conference-report>.
 20. Singh S. et al. Gendering the digital divide: A systematic review of women's digital inclusion issues // Digital Transformation and Society. 2025. pp. 1-29.
 21. Salyamzade A. et al. Digital technologies as a factor in empowering women entrepreneurs // World. 2024. Vol. 5, No. 2. pp. 346-364.
 22. Fel S., Kozak J., Horodysky P. Responsibility and artificial intelligence: An analysis of technology acceptance patterns // Journal of Innovation & Knowledge. 2025. Vol. 10, No. 6. pp. 100852.
 23. Tupen S. Shaping feminist artificial intelligence // New Media & Society. 2023. Vol. 26, No. 1. P. 146144482211507.
 24. Sovacool B.K., Hess D.J. Typologies and Conceptual Frameworks of Sociotechnical Change // Social Studies of Science. 2017. Vol. 47, No. 5. P. 703-750.

25. Talwar S. et al. Consumer Resistance to Digital Innovations: A Systematic Review // Australasian Marketing Journal. 2020. Vol. 28, No. 4.
26. Kissi F.O. Innovation Culture in Ghana: Local Agency and the Social Shaping of Technology // Minerva. 2025.
27. Sarfo-Kantanka K.S. Discursive Construction of Men and Women in Ghanaian Parliamentary Discourse // Ampersand. 2021. Vol. 8. P. 100079. DOI: 10.1016/j.amper.2021.100079 EDN: QZPOMC.
28. Buck K. et al. Success Factors of Digital Social Innovations // Journal of Business Research. 2025. Vol. 190. P. 115215. DOI: 10.1016/j.jbusres.2025.115215 EDN: NYYFSB.
29. Odum D. et al. Factors of Social Media Use by Ghanaian University Students // Education and Information Technologies. 2024.
30. Duo K. K. T., Quansah D. N. Mobile Money as a Tool for Financial Inclusion in Post-COVID Ghana // SSRN Electronic Journal. 2021.
31. Manna-Blankson T. et al. Patterns of Adoption and Impact of Digital Technologies among Female Market Vendors in Ghana // Palgrave Studies of Entrepreneurship in Africa. 2025. pp. 283-317.
32. Lenton A. Decolonizing Russia? Cambridge University Press, 2025.
33. Zaman E. Disease Similarity Analysis Based on Dysregulation of Biological Modules // NDSU Repository. North Dakota State University, 2016.
34. Park C., Shin B. Digital Sanctions as a New Form of Economic Sanctions: Implications for Russia // Journal of Eurasian Studies. 2023.
35. Kobrinskaya I., Machavariani G. Russia and the World: 2024. Economy and Foreign Policy. Annual Forecast. IMEMO RAS, Moscow, 2024.

Social adaptation of elderly individuals to the realities of the modern digital society (based on materials from a sociological study in the city of Barnaul)

Popov Evgeniy Aleksandrovich

Doctor of Philosophy

Professor; Department of Sociology and Conflictology; Altai State University

66 Dimitrova str., office 520, Barnaul, Altai Territory, 656049, Russia

✉ popovea@mc.asu.ru

Zamyatina Olga Nikolaevna

PhD in Sociology

Associate Professor; Department of Sociology and Conflictology; Altai State University

66 Dimitrova str., office 520D, Barnaul, Altai Territory, 656049, Russia

✉ olga_zamjtina@mail.ru

Chukanova Tat'yana Viktorovna

PhD in Sociology

Associate Professor; Institute of Humanities; Altai State University

66kab Dimitrova St., Barnaul, Altai Territory, Russia, 515 sq.m.

✉ chukanova@socio.asu.ru

Antonovich Irina Vladimirovna

PhD in Sociology

Associate Professor; Institute of Humanities; Altai State University

66 Dimitrova St., office 504, Barnaul, Altai Territory, Russia

✉ antonovich@socio.asu.ru

Zamyatin Ivan Denisovich

Student; Faculty of Economic Sciences; National Research University 'Higher School of Economics'

194100, Russia, Leningrad region, St. Petersburg, Kantemirovskaya St., 3 bldg. 1, lit. A

✉ vanechka.zamiatin@yandex.ru

Ahmedova Angelina Rustamovna

Assistant Professor; Institute of Humanities; Altai State University

66 Dimitrova St., office 413, Barnaul, Altai Territory, Russia

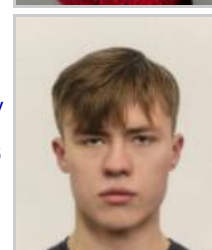
✉ akhmedova_a@mail.asu.ru

Ogorodnikov Mihail

Student; Faculty of Psychology; St. Petersburg State University

199034, Russia, St. Petersburg, Vasileostrovsky district, nab. Makarova, 6

✉ Simchich101@gmail.com

Gomonova Ol'ga Andreevna

Student; Faculty of Sociology; Saint Petersburg State University

1/3 Smolny St., Saint Petersburg, Russia, 191060

✉ oagomonova@gmail.com

Oleinikova Elizaveta Pavlovna

Student; Faculty of Sociology; Saint Petersburg State University

1/3 Smolny St., Saint Petersburg, Russia, 191060

✉ lizavetkapo2006@gmail.com

Makamov Danil Holmidorovich

Student; Faculty of Psychology; Saint Petersburg State University

199034, Russia, St. Petersburg, Vasileostrovsky district, nab. Makarova, 6

✉ migelion2020@gmail.com

Koda Egor Aleksandrovich

Independent researcher

66 Dimitrova str., office 520, Barnaul, Altai Territory, 656049, Russia

✉ kodaegor@yandex.ru

Abstract. The authors discuss the key features of social adaptation of elderly individuals to the realities of the modern digital society. They characterize the relevance, importance, and significance of social adaptation for elderly individuals in the context of the digital society, as

well as examining the main issues faced by modern retirees in this process. The essential characteristics of the contemporary digital society are outlined. Specific recommendations are proposed to simplify the process of social adaptation of elderly individuals to the realities of the modern digital society. The data obtained from a comprehensive sociological study provide a general understanding of the process of social adaptation of elderly individuals to the realities of the modern digital society, revealing both objective and subjective components of this process in the lives of retirees. The methodology of this research is based on a combination of structural functionalism and a systems approach, while the sociological research methodology is grounded in the principle of triangulation, utilizing both qualitative and quantitative methods simultaneously. A survey of retirees in the city of Barnaul serves as the quantitative method (n=212), while an expert interview functions as the qualitative method (n=12). The data obtained through the application of both qualitative and quantitative methods allow for a comprehensive characterization of the process of social adaptation of retirees to the realities of the modern digital society. Additionally, the findings provide certain opportunities for simplifying the process of social adaptation of retirees to the realities of the digital society. The author concludes that social adaptation of retirees to the realities of the digital society is vitally necessary in current realities to ensure a full-fledged existence and a maximum degree of social inclusion for older individuals in all social processes. Social adaptation allows retirees to benefit from all the advantages of the digital society and feel safe when performing various operations within the framework of phenomenological practices of life. Currently, not all retirees are adapted to the realities of the digital society, which serves as an important and significant signal to create a specific adaptation program to these realities. Further research in this area will contribute to a better understanding of the essence of social adaptation of elderly individuals to various processes.

Keywords: Modern technologies, Structural functionalism, Social psychology, Psychological adaptation, Digital society, Social adaptation, Systemic approach, Objective component, Pensioners, Expert survey

References (transliterated)

1. Abdrakhmanov, D. V. Informatsionnoe obshchestvo, tsifrovoe obshchestvo, tsifrovaya konstitutsiya / D. V. Abdrakhmanov // Pravo tsifrovoy sredy : Monografiya / Pod red. T. P. Podshivalova, E. V. Titovoi, E. A. Gromovoi. – Moskva : Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "Prospekt", 2022. – S. 220-231. EDN: SVUUBU.
2. Aleksandrov, I. A., Ovsyanik, O. A. Analiz klassicheskikh podkhodov i sovremennykh issledovaniy v voprose izucheniya sotsial'no-psikhologicheskoi adaptatsii i ee strategii / I. A. Aleksandrov, O. A. Ovsyanik // Chelovecheskii kapital. – 2022. – № 6(162). – S. 30-40. DOI: 10.25629/HC.2020.06.04 EDN: ZUCKVF.
3. Veber, M. O nekotorykh kategoriakh ponimayushchei sotsiologii / M. Veber // Izbrannye proizvedeniya. – M.: Progress, 2022. – S. 495-546.
4. Dyurkgeim, E. Tsennostnye i real'nye suzhdeniya / E. Dyurkgeim // Sotsiologicheskie issledovaniya. – 1991. – № 2. – S. 106-114.
5. Evtushenko, S. N., Epikhina, S. B. Tsifrovoy grazhdanin i tsifrovoy obshchestvo: vliyaniye individa i obshchestva na dostizheniye natsional'nykh strategicheskikh tselei / S. N. Evtushenko, S. B. Epikhina // Ekonomicheskie strategii. – 2021. – T. 23, № 2(176). – S. 22-37. DOI: 10.33917/es-2.176.2021.22-37 EDN: LJOZGG.
6. Zanina, O. V. Sotsial'naya adaptatsiya i dopolnitel'noye obrazovanie pensionerov v statsionarnykh uchrezhdeniyakh / O. V. Zanina // Sotsial'naya adaptatsiya pensionerov cherez obrazovanie : materialy vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii,

- Samara, 16–17 noyabrya 2023 goda. – Samara: Samarskaya regional'naya obshchestvennaya organizatsiya "Assotsiatsiya vypusnikov Samarskogo (Kuibyshevskogo) universiteta", 2023. – S. 19-20.
7. Karmadonova, T. N. Vliyanie sotsial'noi adaptatsii lichnosti na konstruirovaniye sotsial'noi real'nosti / T. N. Karmadonova // Voprosy sotsial'noi teorii. – 2021. – T. 7. – S. 260-265.
 8. Kienko, T. S. Osnovy sotsial'noi gerontologii : Uchebno-metodicheskoe posobie / T. S. Kienko. – Rostov-na-Donu : Yuzhnyi federal'nyi universitet, 2023. – 112 s.
 9. Kirillova, N. L. Filosofskie aspekty sotsial'noi adaptatsii / N. L. Kirillova // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. – 2023. – № 1(20). – S. 122-125.
 10. Kulikov, A. A., Yan, G. Informatizatsiya i tsifrovizatsiya sovremennogo obshchestva / A. A. Kulikov, G. Yan // Gumanitarnye problemy sovremennosti : sbornik statei IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Kursk, 20 maya 2022 goda / Yugo-Zapadnyi gosudarstvennyi universitet. – Kursk : Zakrytoe aktsionernoe obshchestvo "Universitetskaya kniga", 2022. – S. 166-169. EDN: HNYKAT.
 11. Kulikov, A. A. Tsifrovoe neravenstvo v rossiiskom obshchestve: prichiny, masshtaby i posledstviya / A. A. Kulikov // Istoricheskie, filosofskie, metodologicheskie problemy sovremennoi nauki : Sbornik statei 8-i Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh, Kursk, 22 maya 2025 goda. – Kursk : ZAO "Universitetskaya kniga", 2025. – S. 362-367. EDN: EDQZWX.
 12. Merton, R. Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura / R. Merton. – M.: AST: Khramitel', 2006. – 873 s.
 13. Nikolaeva, O. V. Pensionery v sovremennykh usloviyakh: tsennosti i sotsial'noe samochuvstvie (na materialakh konkretno-sotsiologicheskogo issledovaniya v g. Kazani) / O. V. Nikolaeva // Vestnik Chuvashskogo universiteta. – 2022. – № 2. – S. 141-144.
 14. Parsons, T. Sotsial'naya sistema / T. Parsons ; per. s angl. L. A. Sedova, L. A. Kozlovoi. – Moskva : Akademicheskii Proekt, 2022. – 521 s.
 15. Pasovets, Yu. M. Sotsiokul'turnyi podkhod v issledovanii sotsial'noi adaptatsii naseleniya / Yu. M. Pasovets // XIII Sotsiologicheskie chteniya prepodavatelei, aspirantov i studentov : Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov po materialam Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, Penza, 26–27 aprelya 2021 goda. – Penza : Penzenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. V.G. Belinskogo, 2021. – S. 114-119.
 16. Polyakova, M. Yu. Tsifrovoe obshchestvo: problemy i perspektivy / M. Yu. Polyakova // Problemy avtomatizatsii. Regional'noe upravlenie. Svyaz' i avtomatika (PARUSA-2021) : Sbornik trudov VI Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh, aspirantov i studentov, Gelendzhik, 09–10 noyabrya 2021 goda / Red. kollegiya: O. A. Fomenko, S. V. Kiril'chik, A. Ya. Nomerchuk. – Gelendzhik : Yuzhnyi federal'nyi universitet, 2021. – S. 238-241.
 17. Russkikh, L. V. Sotsial'naya adaptatsiya pensionerov / L. V. Russkikh // Lichnost' i kul'tura v menyayushchemsya mire: edinstvo v mnogoobrazii. – Ekaterinburg : Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2023. – S. 66-80. EDN: EHKDEB.
 18. Spenser, G. Osnovaniya sotsiologii / G. Spenser ; per. s angl. [F. I. Perevodchika]. – Sankt-Peterburg : Izd-vo V. I. Yakovenko, 2019. – T. 1. – 500 s.
 19. Tolkacheva, V. P. Sushchnost' sotsial'noi adaptatsii i faktory, vliyayushchie na sotsial'nuyu adaptatsiyu gosudarstvennykh sluzhashchikh / V. P. Tolkacheva // Studencheskii forum. – 2022. – № 3-1(182). – S. 90-93. EDN: FTCNPC.

20. Uteeva, E. N. Metodologicheskie podkhody k adaptatsii pozhilykh lyudei / E. N. Uteeva // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki. – 2022. – № 1(9). – S. 111-116.
21. Kha, O. A. Spetsifika protsessa sotsial'noi adaptatsii pozhilykh lyudei / O. A. Kha // Aktual'nye problemy filosofii, sotsiologii i politologii, ekonomiki i psikhologii : Materialy XI Mezhdunarodnoi studenchesko-aspirantskoi nauchnoi konferentsii, Perm', 16–17 oktyabrya 2022 goda. – Perm': Permskii gosudarstvennyi universitet, 2022. – S. 136-141.
22. Yuan'yan, V. Resursnyi podkhod v issledovanii problemy sotsial'no-psikhologicheskoi adaptatsii v izmenyayushchikhsya obstoyatel'stvakh zhizni / V. Yuan'yan // Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya migrantov v sovremennom mire : Materialy 4-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Penza, 23–24 marta 2022 goda / Otvetstvennyi red. V. V. Konstantinov. – Penza : Izdatel'stvo "Pero", 2022. – S. 418-426.
23. Yakovlev, L. N. Aktual'nye aspekty razvitiya nauki i obshchestva v epokhu tsifrovoy transformatsii / L. N. Yakovlev // Aktual'nye aspekty razvitiya nauki i obshchestva v epokhu tsifrovoy transformatsii (shifr-MKAA) : Sbornik materialov XVI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 25 iyulya 2024 goda. – Moskva : Tsentr razvitiya obrazovaniya i nauki, 2024. – S. 160-164. EDN: LXTVPR.
24. Berg-Weger, M., Morley, J. E. Editorial: Loneliness and social isolation in older adults during the COVID-19 Pandemic: implications for gerontological Social Work [Elektron. tekstovye dan.] // The Journal of Nutrition, Health & Aging. – 2020. – Vol. 24, № 5. – P. 456-458. DOI: 10.1007/s12603-020-1366-8 EDN: NEBDXZ.
25. Löfgren, M., Larsson, E., Isaksson, G., Nyman, A. Older adults' experiences of maintaining social participation: creating opportunities and striving to adapt to changing situations [Elektron. tekstovye dan.] // Scandinavian Journal of Occupational Therapy. – 2022. – Vol. 29, № 7. – P. 587-597. DOI: 10.1080/11038128.2021.1974550 EDN: DUVYUE.
26. Housley, W. Society in the Digital Age: An Interactionist Perspective [Elektron. tekstovye dan.] / W. Housley. – London : SAGE Publications Ltd, 2021. – 48 p.

Demography of the United Kingdom: Replacement dynamics

Karpov Grigory

Doctor of History

Senior Researcher, Institute of Africa, Russian Academy of Sciences

123001, Russia, Moskovskaya oblast', g. Moscow, ul. Spiridonovka, 30/1

✉ gkarpov86@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to the study of demographic processes in modern Britain. The object of research is the country's demographics, while the subject focuses on changes in the numerical, age, and ethnic composition of the population. The main source of information is data from official censuses conducted every ten years. A detailed analysis has been carried out on the dynamics of population size, birth rates, ethnic structure, age shifts, and the increasing practice of using foreign languages. Particular attention is paid to the degradation of the family institution and the increase in the average age of British citizens. The work is based on a significant volume of current statistical material that has not been previously presented in domestic historiography, which allowed for the identification of hidden

interconnections between demographic processes and the determination of long-term trends in the transformation of the social structure of modern British society, taking into account its ethnocultural specificity and spatial distribution. The methodological foundation of the study consists of comparative-historical and statistical analysis methods combined with elements of predictive modeling. The main trend identified is the absolute and relative growth of the share of communities of African, Asian, and European descent, primarily among the younger generation. By the early 2020s, up to half of all newborns were born to mothers of foreign origin. Names not belonging to the British cultural sphere are rapidly gaining popularity. Immigrants provide the main increase in the working-age population, while the birth rate among indigenous Britons has consistently remained below the level of simple reproduction for the past forty years. A demographic shift toward the descendants of migrants is forming. The long-term nature of the identified changes indicates their stability and structural resilience. The work may be of interest to a wide range of readers, as well as specialists in the fields of demography, political science, and ethnography.

Keywords: ethnic minorities, diaspora, family, birth rate, migration, demographics, EU, London, United Kingdom, identity

References (transliterated)

1. Demintseva E.B. Migratsionnaya politika Velikobritanii i Frantsii: raznye podkhody – odin itog? // Aziya i Afrika segodnya. 2009. № 12. S. 34-37. EDN: UFZEMN.
2. Pasyakina L.S. ES i trudovaya migratsiya // Sovremennaya Evropa. 2011. № 3. S. 92-105. EDN: OJSQDT.
3. Dustmann C., Theodoropoulos N. Ethnic minority immigrants and their children in Britain // Oxford Economic Papers, New Series. 2010. Vol. 62. No. 2. P. 209-233.
4. Khakhalkina E.V. Immigratsionnaya problema v Velikobritanii posle referendum a o Brekzite – chto izmenilos'? // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 421. S. 163-170. DOI: 10.17223/15617793/421/24 EDN: ZHYKYT.
5. Di Iasio V., Wahba J. Expecting Brexit and UK migration: Should I go? // European Economic Review. 2023. Vol. 157. P. 1-46. DOI: 10.1016/j.euroecorev.2023.104484 EDN: THHGWT.
6. Portes J. Unintended consequences? The changing composition of immigration to the United Kingdom after Brexit // National Institute Economic Review. 2024. Vol. 268. P. 63-78. DOI: 10.1017/nie.2024.16 EDN: WROKPC.
7. Portes J., Springford J. The impact of the post-Brexit migration system on the UK labour market // Journal of the Academy of Social Sciences. 2023. Vol. 18. No. 2. P. 132-149.
8. Malakhov V.S. Migranty neevropeiskogo proiskhozhdeniya v Evrope: kul'turno-identifikatsionnyi aspekt integratsii // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii. 2019. № 3. S. 211-233. DOI: 10.31119/jssa.2019.22.3.9 EDN: AKPAEK.
9. Starchenkov G.I. Evropa: kuda vedet etno-religioznaya transformatsiya? // Sovremennaya Evropa. 2014. № 1. S. 40-50. EDN: RTZIKF.
10. Catney G. et al. Ethnic diversification and neighbourhood mixing: A rapid response analysis of the 2021 Census of England and Wales // Geographical Journal. 2023. Vol. 189. No. 1. P. 63-77. DOI: 10.1111/geoj.12507 EDN: IPQZND.
11. Catney G., Ellis M., Wright R. Changes in mixed ethnicity households and neighbourhood transitions in England and Wales // Population, Space and Place. 2023. Vol. 30. No. 4. P. 1-15.

12. Lloyd Ch. D. An ethnic group specific deprivation index for measuring neighbourhood inequalities in England and Wales // *Geographical Journal*. 2023. Vol. 190. No. 3. P. 1-22.
13. Mikolai J., Kulu H. Partnership and fertility trajectories of immigrants and descendants in the United Kingdom: A multilevel multistate event history approach // *Journal of Demography*. 2023. Vol. 77. No. 3. P. 359-378.
14. Harrison J. et al. Union formation and fertility amongst immigrants from Pakistan and their descendants in the United Kingdom: A multichannel sequence analysis // *Demographic Research*. 2023. Vol. 48. P. 271-320. DOI: 10.4054/demres.2023.48.10 EDN: AEJHDZ.
15. Baek J. et al. Fertility differences across immigrant generations in the United Kingdom // *Demographic Research*. 2025. Vol. 52. P. 1051-1096. DOI: 10.4054/demres.2025.52.33 EDN: YNJVKF.
16. Kuang B. et al. Educational trends in cohort fertility by birth order: A comparison of England and Wales, Scotland, and Northern Ireland // *Demographic Research*. 2024. Vol. 51. P. 1126-1166. DOI: 10.4054/demres.2024.51.36 EDN: XMXDWY.
17. Coleman D. A. Projections of the Ethnic Minority Populations of the United Kingdom 2006-2056 // *Population and Development Review*. 2010. Vol. 36. No. 3. P. 441-486.
18. Karpov G.A. Britanskii mul'tikul'turalizm: mina zamedlennogo deistviya? // *Aziya i Afrika segodnya*. 2012. № 5. S. 26-32. EDN: OZDKAH.
19. Brown S. *Black and White Britain*. Heinemann Educational, London, 1984. 331 p.
20. Population estimates time series dataset // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/populationestimates/datasets/populationestimatestimeseriesdataset> (data obrashcheniya: 07.12.2025).
21. U.K. Population, 07.11.2025. URL: <https://www.worldometers.info/world-population/uk-population/> (data obrashcheniya: 07.12.2025).
22. Ethnic group, England and Wales: Census 2021 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/culturalidentity/ethnicity/bulletins/ethnicgroupenglandandwales/census2021> (data obrashcheniya: 07.12.2025).
23. Percentage of live births where either one or both parents were born outside of the UK by local authority district, England and Wales, 2016 to 2022 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2646/map/datadownload.xlsx> (data obrashcheniya: 07.12.2025).
24. Total Fertility Rate, England and Wales, 1939 to 2022 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/livebirths/bulletins/birthsummarytablesenglandandwales/2022refreshedpopulations> (data obrashcheniya: 07.12.2025).
25. Births in England and Wales: 2022 (refreshed populations) // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/livebirths/bulletins/birthsummarytablesenglandandwales/2022refreshedpopulations#fertility-rates> (data obrashcheniya: 07.12.2025).
26. Conception rate by age group of women, England and Wales, 2011 and 2021 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/generator-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/conceptionandfertilityrates>

- tes/bulletins/conceptionstatistics/2021/aeb3a395&format=xls (data obrashcheniya: 08.12.2025).
27. Live births // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/livebirths> (data obrashcheniya: 08.12.2025).
 28. Number of conceptions, births and abortions for women of all ages, England and Wales, 1969 to 2021 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/generator-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/conceptionandfertilityrates/bulletins/conceptionstatistics/2021/ec2aef95&format=xls> (data obrashcheniya: 08.12.2025).
 29. Abortion statistics in England and Wales // Office for National Statistics. URL: <https://www.gov.uk/government/collections/abortion-statistics-for-england-and-wales> (data obrashcheniya: 08.12.2025).
 30. Age-specific fertility rates, England and Wales, 1939 to 2022 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/generator-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/livebirths/bulletins/birthsummarytablesenglandandwales/2022refreshedpopulations/7c1812be&format=xls> (data obrashcheniya: 08.12.2025).
 31. Total fertility rates by country of birth of mother, 2001 and 2011, England and Wales // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/file-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/livebirths/datasets/parentscountryofbirth/2022/workbookparentscob2022.xlsx> (data obrashcheniya: 08.12.2025).
 32. Live births, stillbirths and infant deaths: birthweight and mother's country of birth, numbers and rates, 2022 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/file-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/deaths/datasets/childmortalitystatisticschildhoodinfantandperinatalchildhoodinfantandperinatalmortalityinenglandandwales/2022/cim2022deathcohortworkbook.xlsx> (data obrashcheniya: 08.12.2025).
 33. Ten most common countries of birth for non-UK-born mothers, England and Wales, 2016, 2019, 2022 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2646/fig2/datadownload.xlsx> (data obrashcheniya: 08.12.2025).
 34. Annual data: Marriages, Civil Partnerships, Divorces and Civil Partnership Dissolutions (numbers and rates) // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/file-uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/populationestimates/datasets/vitalstatisticspopulationandhealthreferencetables/current/annualreferencetablesummer2016final.xls> (data obrashcheniya: 08.12.2025).
 35. Divorces in England and Wales: 2022 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/file-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/divorce/datasets/divorcesinenglandandwales/2022/2022divorcesworkbookupdatedfinal.xlsx> (data obrashcheniya: 08.12.2025).
 36. Marriage rates decreased by more than half in 2020 and were lower than divorce rates // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/generator-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/marriagecohabitationandcivilpartnerships/bulletins/marriagesinenglandandwalesprovisional/2020/b60e66b8&for>

mat=xls (data obrashcheniya: 08.12.2025).

37. Live births, stillbirths and infant deaths: mother's age and number of previous children, numbers and rates, 2022 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/file-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/deaths/datasets/childmortalitystatisticschildhoodinfantandperinatalchildhoodinfantandperinatalmortalityinenglandandwales/2022/cim2022deathcohortworkbook.xlsx> (data obrashcheniya: 08.12.2025).
38. People aged 16 to 24 years NEET as a percentage of all people aged 16 to 24 years, seasonally adjusted, UK, October to December 2012 to October to December 2022 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/generator-uri=/employmentandlabourmarket/peoplenotinwork/unemployment/bulletins/youngpeoplenotineducationemploymentortrainingneet/february2023/d5418425&format=xls> (data obrashcheniya: 08.12.2025).
39. Household type as a percentage of all households, UK, 2023 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/families/bulletins/familiesandhouseholds/2023> (data obrashcheniya: 08.12.2025).
40. Units: Number and percent of all households // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2200/fig3/datadownload.xlsx> (data obrashcheniya: 08.12.2025).
41. Ritchie H., Roser M. Age Structure. Our World in Data. URL: <https://ourworldindata.org/age-structure> (data obrashcheniya: 08.12.2025).
42. Overview of the UK population // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/file-uri=/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/populationestimates/articles/overviewoftheukpopulation/mar2017/74e8afc8.xlsx> (data obrashcheniya: 08.12.2025).
43. Annual Mid-year Population Estimates, 2010 // Office for National Statistics. URL: <http://www.ons.gov.uk/ons/search/index.html-newquery=Annual+Mid-year+Population+Estimates%2C+2010> (data obrashcheniya: 08.12.2025).
44. Estimated number of people aged 90 years and over, England and Wales, 1990 to 2022 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/generator-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/ageing/bulletins/estimatesoftheveryoldincludingcentenarians/2002to2022/fc556e69&format=xls> (data obrashcheniya: 08.12.2025).
45. Number of centenarians in the UK, 1985 to 2015 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/generator-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/ageing/bulletins/estimatesoftheveryoldincludingcentenarians/2002to2015/356bc90d&format=xls> (data obrashcheniya: 08.12.2025).
46. Estimated number of people aged 100 years and over, England and Wales, 2002 to 2022 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/generator-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/ageing/bulletins/estimatesoftheveryoldincludingcentenarians/2002to2022/3f1f9fd3&format=xls> (data obrashcheniya: 08.12.2025).
47. Estimated number of people by single year of age from 90 to 104 and 105 years and over and sex, England and Wales, 2002 to 2022 // Office for National Statistics. URL:

<https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/aging/bulletins/estimatesoftheveryoldincludingcentenarians/2002to2022> (data obrashcheniya: 08.12.2025).

48. Top 100 Baby Names – Historical Series // Office for National Statistics. URL: https://www.ons.gov.uk/file-uri=/peoplepopulationandcommunity/birthsdeathsandmarriages/livebirths/datasets/babynamesenglandandwalestop100babynameshistoricaldata/19041994/historicname_tcm77-254032.xls (data obrashcheniya: 10.12.2025).
49. Baby name ranks, England and Wales, 1996 to 2021 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2154/figure1timeseries/datadownload.xlsx> (data obrashcheniya: 10.12.2025).
50. TS029 – Proficiency in English. 07.05.2025. URL: <https://www.nomisweb.co.uk/datasets/c2021ts029> (data obrashcheniya: 10.12.2025).
51. English proficiency by individual country of birth by year of arrival, usual residents, 2021, England and Wales // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2266/Fig10/datadownload.xlsx> (data obrashcheniya: 10.12.2025).
52. English proficiency of non-UK-born residents by year of arrival, usual residents, 2021, England and Wales // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2266/Fig9/datadownload.xlsx> (data obrashcheniya: 10.12.2025).
53. Total usual resident population, aged three years and over, who speak each language as their main language, 2011 and 2021, England and Wales // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/visualisations/dvc2205/fig1/datadownload.xlsx> (data obrashcheniya: 10.12.2025).

Artificial Intelligence Technologies in Human Resource Management: Social Experience of Implementation and Use

Koval'zhina Larisa Sergeevna

Doctor of Sociology

Professor; Department of Management in the Branches of the Fuel and Energy Complex (MTEC); Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Tyumen Industrial University

38 Volodarskogo str., Tyumen, Russia, 625000

✉ kls77@mail.ru

Orlova Anna Anatol'evna

Graduate student; Tyumen Industrial University

38 Volodarskogo str., Tyumen, Russia, 625000

✉ orlovaaa@tyuiu.ru

Abstract. The article discusses the social issues of implementing and using artificial intelligence technologies in human resource management of organizations and enterprises. It addresses experts' expectations and the potential for the adoption of artificial intelligence, as well as the barriers to the implementation of advanced AI functions, which include both technical problems and social ones (the need for a change in corporate culture). The

theoretical and methodological foundations of the research are based on a sociological approach that views technologies not as neutral tools but as social artifacts embedded in existing social structures, cultural norms, and organizational practices. The aim of this research is to identify and classify the social problems of implementing and using AI in HR, as well as to assess the current state and prospects of using artificial intelligence technologies in personnel management in companies in the Tyumen region. A fragment of the results of an expert survey of HR specialists and heads of HR departments of companies of various sizes and industry affiliations, conducted in 2024 and 2025 in the Tyumen region, is presented. The analysis revealed that the existing mechanisms of both self-regulation (corporate policies, professional codes) and institutional regulation (legislation) are underdeveloped, fragmentary, and often reactive. They fail to keep pace with the dynamics of technological changes and do not always adequately consider the specifics of the social experiences of various actors involved in digital HR practices. Four main clusters of social problems are identified: algorithmic bias and the reproduction of social inequality; dehumanization of HR processes and erosion of the organization's social capital; violation of privacy and the creation of a "digital copy"; transformation of the HR manager profession and the problem of distributed responsibility. Based on the analysis of the use of AI technologies in personnel management of organizations in the Tyumen region and the study of theoretical concepts of self-regulation and institutional regulation, an integrative model of "Balanced Institutionalization of AI in HR" is proposed. The principles of the model include: the principle of contextual embeddedness and human sovereignty; the principle of algorithmic transparency and accountability; the principle of preventive assessment of social risks; and the principle of pluralistic regulation.

Keywords: digital transformation of organizations, institutional regulation, self-regulation, social experience, corporate culture, human resources management, technologies, artificial intelligence, model, HR specialists

References (transliterated)

1. Berger, P., Lukman, T. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniya / Per. s angl. E. Rutkevich. M.: MShPI, 2019.
2. Bersin, D. HR-tekhnologii 2024: chto deistvitel'no rabotaet / D. Bersin // MIT Sloan Management Review. 2024. URL: <https://sloanreview.mit.edu/> (data obrashcheniya: 12.10.2025).
3. Zuboff, Sh. Vek kapitalizma nablyudeniya: Bor'ba za chelovecheskoe budushchee na novom rubezhe vlasti / Sh. Zuboff ; [per. s angl. A. Sholomitskoi]. Moskva : Izdatel'skii dom "Delo" RANKhiGS, 2023. 736 s.
4. Iskusstvennyi intellekt v HR: obzor rossiiskogo rynka // TAdviser. 2024. URL: <https://www.tadviser.ru/> (data obrashcheniya: 12.10.2025).
5. Ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta v MSP: analiticheskii otchet / Analiticheskii tsentr NAFI. Moskva, 2024. URL: <https://nafi.ru/analytics/> (data obrashcheniya: 12.10.2025).
6. Malyshev, M. A. Tekhnologii iskusstvennogo intellekta v upravlenii personalom / M. A. Malyshev // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo). 2023. № 4. S. 45-62.
7. Noubi, S. Algoritmy ugneteniya: Kak poiskovye sistemy usilivayut rasizm / Per. s angl. E. Baikalov, K. Medvedev. M.: Individuum, 2022. 272 s.
8. Obzor rossiiskogo rynka HR-tech reshenii // RBK. 2024. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/ (data obrashcheniya: 12.10.2025).

9. Paskuale, F. Obshchestvo chernogo yashchika: Sekretnye algoritmy, kotorye upravlyayut den'gami i informatsiei / Per. s angl. A. Kartashov. M.: Kar'era Press, 2022. 408 s.
10. Rossiiskaya assotsiatsiya iskusstvennogo intellekta. Analiticheskii obzor rynka AI-reshenii. Moskva, 2024. URL: <http://raai.org/> (data obrashcheniya: 12.10.2025).
11. Shyuts, A. Smyslovoe stroenie sotsial'nogo mira: Ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii / Per. s nem. i angl. A.Ya. Alkhasova, D.G. Lakhuti, G.I. Belkinoi; nauch. red. N.M. Smirnova. M.: Izdatel'skii dom "Delo" RANKhiGS, 2020. 552 s.
12. AI in HR: Benefits and Challenges / PWC. 2024. URL: <https://www.pwc.com/> (data obrashcheniya: 12.11.2025).
13. Barocas, S., & Selbst, A. D. Big data's disparate impact. California Law Review, 2016, 104, 671-732.
14. Bodie, M. T., Cherry, M. A., McCormick, M. L., & Tang, J. The law and policy of people analytics. University of Colorado Law Review, 2017, 88, 961-1042.
15. Dastin, J. Amazon scraps secret AI recruiting tool that showed bias against women. Reuters, 2018.
16. European Commission. Proposal for a Regulation laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act). Brussels, 2021.
17. Global Human Capital Trends 2024 / Deloitte. 2024. URL: <https://www2.deloitte.com/> (data obrashcheniya: 12.10.2025).
18. HR-trendy 2024: analiticheskii otchet / HeadHunter. Moskva, 2024. URL: <https://hh.ru/article/research> (data obrashcheniya: 12.10.2025).
19. Lee, M. K. Understanding perception of algorithmic decisions: Fairness, trust, and emotion in response to algorithmic management. Big Data & Society, 2018, 5(1).
20. Martin, K., Shilton, K., & Smith, J. Business and the ethical implications of technology: Introduction to the symposium. Journal of Business Ethics, 2020, 167(1), 1-6.
21. McAbee, S. T., Landis, R. S., & Burke, M. I. Inductive reasoning: The promise of big data. Human Resource Management Review, 2017, 27(2), 277-290.
22. Möhlmann, M., Zalmanson, L., Henfridsson, O., & Gregory, R. W. Algorithmic management of work on online labor platforms: When matching meets control. MIS Quarterly, 2021, 45(4), 1999-2022. DOI: 10.25300/misq/2021/15333 EDN: QYKYWQ.
23. Raisch, S., & Krakowski, S. Artificial intelligence and management: The automation-augmentation paradox. Academy of Management Review, 2021, 46(1), 192-210. DOI: 10.5465/amr.2018.0072 EDN: MOPFOP.
24. Strohmeier, S. Digital human resource management: A conceptual clarification. German Journal of Human Resource Management, 2020, 34(3), 345-365. DOI: 10.1177/2397002220921131 EDN: JLJMQB.
25. Tambe, P., Cappelli, P., & Yakubovich, V. Artificial intelligence in human resources management: Challenges and a path forward. California Management Review, 2019, 61(4), 15-42.

Peculiarities of Russia's Political Culture: History, Current State and Prospects

Shirokova Marina Alekseevna

Doctor of Philosophy

Professor of the Department of Philosophy and Political Science of Altai State University

656049, Russia, Altai Krai, Barnaul, Dimitrova str., 66, office 308

✉ marina_shirokova_2014@mail.ru

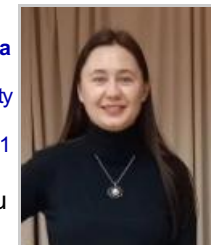

Tkachuk Lina Nikolaevna

Postgraduate student; Department of Philosophy and Political Science; Altai State University

656049, Russia, Altai Territory, Barnaul, Zheleznodorozhny district, Lenin Ave., 61

✉ linok_1984@mail.ru

Abstract. This article presents a comprehensive analysis of the state of political culture in the Russian Federation, focusing on its historical roots, current trends, and development prospects. The subject of the study, therefore, is the specific characteristics of our country's political culture at different stages of its development. The methodological foundations and methods used in this study include comparative and structural-functional analysis, as well as a historical approach and sociological modeling. Using these tools, the following key trends in Russian political culture are identified: the persistence of a high level of authoritarian attitudes among the population, conditioned by both historical factors and contemporary challenges; growing interest among young people in digital forms of political participation; declining trust in traditional media and the growing influence of independent online resources; a contradictory perception of democratic norms, combining their declarative support with a practical unpreparedness for active political action; and the formation of a new type of political identity based on patriotic discourse and resistance to external information pressure. Possible scenarios for the evolution of the Russian political system in the coming decades have been identified and analyzed, in accordance with which variants for the transformation of political culture are also predicted. The obtained results allow the authors to conclude that the study of political culture in Russia requires a comprehensive approach, taking into account not only changes in legislation and governance, but also profound cultural, educational, socioeconomic, and technological factors. The concept of political culture is increasingly important from both theoretical and practical perspectives, particularly in the context of the need to modernize political institutions and strengthen civic participation. At the same time, achieving a balanced combination of tradition and innovation in modernization processes to foster public and governmental consensus is a prerequisite for the country's continued successful development.

Keywords: globalization, democracy, citizenship, state, patriotism, traditions, social dynamics, values, Russian culture, political culture

References (transliterated)

1. Boiko Zh. V., Resh O. V. Politicheskaya kul'tura sovremennogo rossiiskogo obshchestva v usloviyakh sotsiokul'turnoi dinamiki ego razvitiya // Via in tempore. Istoriya. Politologiya. 2025. T. 52. № 3. S. 776-787. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-776-787 EDN: DTCMNJ.
2. Veselov Yu. V., Skvortsov N. G. Doverie v epokhu tsifrovyykh transformatsii: opyt sotsiologicheskogo issledovaniya // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2021. № 6. S. 57-

68. DOI: 10.31857/S013216250012556-4 EDN: DRFIOG.
3. VTsIOM. Novosti. Puti Rossii: kul'tura, dukhovnost', patriotizm. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/puti-rossii-kultura-dukhovnost-patriotizm-ysclid=miuhmifw8e650524608> (data obrashcheniya: 05.12.2025).
4. VTsIOM. Pol'zovanie Internetom. URL: <https://wciom.ru/ratings/polzovanie-internetom-ysclid=mirj2b5gyc90897231> (data obrashcheniya: 05.12.2025).
5. Gudkov L. Doverie k institutam. URL: <https://www.levada.ru/2025/02/25/doverie-k-institutam/-ysclid=mirkj0c2if483009407> (data obrashcheniya: 05.12.2025).
6. Dement'ev B. P. Politicheskaya kul'tura Rossii: proshloe, nastoyashchee i budushchee // Kul'tura i priroda politicheskoi vlasti: teoriya i praktika. Sbornik nauchnykh trudov. Pod obshchei redaktsiei A. A. Kerimova. Ekaterinburg: Izd-vo UrGPU, 2023. S. 315-319. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/129090/1/978-5-7186-2166-2_2023-54.pdf (data obrashcheniya: 05.12.2025). EDN: TPBRHM.
7. Levashov V. K. Politicheskaya kul'tura rossiiskogo obshchestva. Opyt sotsiologicheskogo issledovaniya. M.: FNISTS RAN, 2020. 307 s. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-347-8.2021 EDN: CDWXJQ.
8. Morokhova E. I. Tsennostnye sostavlyayushchie politicheskoi kul'tury sovremennoi Rossii // Fundamental'nye nauchno-prakticheskie issledovaniya: aktual'nye tendentsii i innovatsii: Sbornik nauchnykh trudov po materialam XLII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Anapa, 31 maya 2023 g. Anapa: Izd-vo "NITs ESP" v YuFO, 2023. S. 64-76. EDN: EDTCZL.
9. Musikov A. A., Kasparyan K. V. Politicheskaya kul'tura Rossii // Universitetskie chteniya – 2024 : Materialy Vserossiiskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Pyatigorsk, 11-12 yanvarya 2024 goda. Pyatigorsk: Pyatigorskii gosudarstvennyi universitet, 2024. S. 24-30. EDN: NCWFBU.
10. Perevezentsev S. V., Shirinyants A. A. Ocherki istorii russkogo khranitel'stva: monografiya. Ch. I. M.: Izd-vo MGU, 2021. 352 s. EDN: NXWTSR.
11. Ponomarev A. D. Rossiiskaya politicheskaya kul'tura: protivorechiya i determinanty // Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal "Kontsept". 2017. № 11 (noyabr'). S. 106-113. URL: <http://e-koncept.ru/2017/173016.htm> (data obrashcheniya: 05.12.2025). DOI: 10.24422/MCITO.2017.11.8162 EDN: ZTWTHR.
12. Tul'chinskii G. L. Politicheskaya kul'tura kak resurs i bar'er razvitiya rossiiskogo obshchestva // Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya. Ezhegodnik. Vyp. 7. Chast' II. M.: INION RAN, 2012. S. 395-401.
13. Furman T. G. Stanovlenie sovremennoi politicheskoi i pravovoi kul'tury Rossii // Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. 2024. № 5(192). S. 126-129. EDN: OYALLF.
14. Chimiris E. S. Legitimatsiya vlasti: k formulirovaniyu operatsional'noi modeli // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2020. № 10(3). S. 37-44. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-37-44 EDN: WMAXIT.
15. Shatilov A. B. Statika i dinamika politicheskoi kul'tury Rossii v XX–XXI vekakh (k voprosu o DNK Rossii) // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2022. T. 12. № 6. S. 6-11. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-6-11 EDN: EUGWXC.
16. Shirokova M.A. K voprosu o tselyakh i soderzhanii politicheskogo obrazovaniya v sovremennoi Rossii (na materiale kursa «Osnovy rossiiskoi gosudarstvennosti») // Sotsiodinamika. 2023. № 10. S. 109-119. DOI: 10.25136/2409-7144.2023.10.44072 EDN: LWNRRWM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44072
17. Almond G., Verba S. The Civic culture. Political attitudes and democracy in five nations. Princeton (N. Y.), 1963. 574 p.

18. Norris P. Cancel Culture: Myth or reality? Political Studies; 2021.
19. Welch S. The Concept of Political Culture. New York: St. Martin's Press, 1993. 208 p.
20. Wortman R. S. Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy from Peter the Great to the Abdication of Nicholas II. Princeton University Press, 2013. 512 p.